

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nbrb.by/bv>

3 [680] сакавік 2020

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
«От стабильности к росту»

Памятныя манеты

«Станіслаў Манюшка. 200 год»

Уведзены ў абарачэнне 27 снежня 2019 г.

Дызайн: Святлана Заскевіч.

Чаканка: РДП «Казахстанскі манетны двор Нацыянальнага Банка Рэспублікі Казахстан».

Манеты маюць форму круга, з пярэдняга і адваротнага бакоў – кант, які выступае па акружнасці. Бакавая паверхня манет з насечкай.

Аверс: уверх – рэльефны відарыс Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь і надпіс па крузе: РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ; у цэнтры – выява ластаўкі на фоне фрагмента маляўніцтва беларускага мастака Напалеона Орды «Маёнтак Манюшкі, в. Убель» і нотных станаў з нотамі; унізе – намінал: 10 РУБЛЁЎ (на

срэбнай) і 1 РУБЕЛЬ (на медна-нікелевай); злева – проба сплаву (на срэбнай); справа – год чаканкі.

Рэверс: у цэнтры на фоне нотных станаў з нотамі – партрэт беларускага кампазітара Станіслава Манюшкі і надпісы: уверх – С. Манюшка, унізе – гады жыцця: 1819–1872.

Манеты адчаканены:

срэбная наміналам 10 рублёў – якасцю «пруф» (вага – 16,81 г, проба сплаву – 925, дыяметр – 37,00 мм, тыраж – 699 штук);

медна-нікелевая наміналам 1 рубель – якасцю «пруф-лайк» (вага – 20,00 г, дыяметр – 37,00 мм, тыраж – 1 999 штук).

Редакционно-издательский совет

П.А.Маманович

кандидат экономических наук, доцент
(председатель совета, главный редактор)
А.О.Тихонов

доктор экономических наук, профессор
(заместитель председателя совета)

А.М.Тимошенко

А.Ф.Галов

кандидат экономических наук, доцент

Д.Л.Калечиц

С.В.Калечиц

Е.Ф.Киреева

доктор экономических наук, профессор

М.М.Ковалев

доктор физико-математических наук, профессор

В.Н.Комков

доктор экономических наук, профессор

И.В.Новикова

доктор экономических наук, профессор

С.В.Салак

В.И.Тарасов

доктор экономических наук, профессор

Ю.М.Ясинский

доктор экономических наук, профессор

Номер подготовлен

Управлением информации
и общественных связей
Национального банка Республики Беларусь

Главный редактор

Петр Алексеевич Маманович

Зам. главного редактора

А.М.Тимошенко

Ответственный секретарь

С.В.Салак

Редакторы

И.В.Гилевич I.Gilevich@nbrb.by

В.Е.Кудина V.Kudina@nbrb.by

Т.В.Воронец T.Voronec@nbrb.by

Оформление и верстка

Е.С.Касилович E.Kasilovich@nbrb.by

Л.А.Поведайло L.Povedailo@nbrb.by

Адрес редакции

220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-83, 220-21-84
e-mail: bvb@nbrb.by

Отпечатано

на республиканском унитарном предприятии
«Издательство «Белорусский Дом печати»
Лицензия № 02330/106 от 30.04.2004
220013, г. Минск, пр. Независимости, 79

Заказ № ????. Подписано в печать 31.03.2020.
Формат 60x84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,37. Тираж 167 экз.

Журнал зарегистрирован Министерством
информации Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции не всегда совпадает
с мнением авторов. Статьи в разделе «Научные
публикации» предварительно рецензировались.
Перепечатка материалов – согласно Закону
Республики Беларусь «Об авторском праве и
смежных правах»

Подписные индексы:

индивидуальная подписка – 74829

ведомственная подписка – 748292

Учредитель –

Национальный банк
Республики Беларусь

© Банкаўскі веснік, 2020

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN JOURNAL

Информационно–аналитический и
научно–практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам
Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

№ 3 (680) март 2020 года. Издаётся с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир ШИМОВ

От стабильности к росту

4

Дмитрий КАЛЕЧИЦ, Наталья МИРОНЧИК,
Михаил ДЕМИДЕНКО

Рост для всех: справедливость как равенство возможностей

Замедление роста белорусской экономики в текущем десятилетии, перспективы ее развития в условиях глобальных вызовов, прежде всего технологических изменений и структурной трансформации, актуализируют вопросы справедливости, неравенства и возможностей инклюзивного роста. Результаты исследований подтверждают, что повышение производительности труда, лежащей в основе инклюзивного роста, напрямую зависит от предоставления бизнесу равных правил игры на рынке, а гражданам – равного доступа к расширенным возможностям – передовым знаниям и технологиям. При этом для экономического роста важно формирование и поддержание у субъектов экономики достаточной мотивации активно реализовывать свои способности, внедрять инновации и брать на себя риски. Соответственно, необходимо принятие некоторого уровня справедливого неравенства.

6

Дмитрий КРУК

Экономический рост в Беларуси:
идентификация барьеров и выбор приоритетов

Статья посвящена анализу экономического роста в Беларуси. В ней показано, что устойчивый темп экономического роста в Беларуси ощутили ослаб в последние годы, это было связано с форсированным накоплением капитала. Для того чтобы темп роста достиг желаемых значений и стал устойчивым, стране необходимо обеспечить рост общей производительности факторов производства за счет повышения эффективности работы экономики. В статье идентифицированы барьеры, которые сдерживают рост производительности сегодня, а также предложены меры по обеспечению ее роста в будущем.

15

Василий КОМКОВ

Качество роста белорусской экономики

Анализируются количественные и качественные аспекты экономического роста в Республике Беларусь. Отмечено, что неоправданно высокая инвестиционная активность при невысокой требовательности к качеству инвестиционных проектов спровоцировала проявление негативных последствий известного экономического закона убывающей отдачи факторов. Рассматриваются особенности макроэкономической динамики в условиях убывающей отдачи капитала. На основе проведенного анализа показано, что в этих условиях экономический рост не может быть устойчивым, а перспективы повышения благосостояния ограничены довольно жесткими рамками, расширить которые невозможно за счет увеличения объемов инвестирования. Предложены методы оценки пороговых значений интенсивности и нормы накопления, превышение которых теряет экономический смысл, поскольку уже не может обеспечить расширение возможностей для роста благосостояния. Даны предложения по совершенствованию инвестиционной политики, направленные на повышение качества экономического роста.

22

Кирилл ГАЙДУК

Сектор госпредприятий: структурные вызовы

Несмотря на расширение частного сектора, госпредприятия продолжают играть значительную роль в нефинансовом и финансовом секторах экономики Беларуси. В последние годы ухудшение экономического положения госпредприятий

реального сектора, генерирующих до половины валовой добавленной стоимости, оказывает непосредственное влияние на темпы экономического роста, финансовую стабильность и сбалансированность во внешнем секторе. В этой связи необходим комплекс мер по реформированию сектора госпредприятий с тем, чтобы нивелировать негативные тенденции и способствовать устойчивому и инклюзивному экономическому росту.

26

Катерина БОРНУКОВА, Лев ЛЬВОВСКИЙ

Демография как вызов для экономического роста

Снижение рождаемости и старение населения являются одними из основных вызовов для развития экономики Беларуси. В результате этих процессов сократится трудоспособное население, а дефицит ФСЗН будет расти. Для устойчивости пенсионной системы необходимо введение накопительных пенсионных фондов. Чтобы стимулировать рождаемость, нужно выстраивать систему, поддерживающую совмещение родительства с занятостью на рынке труда, и направлять финансирование на раннее развитие. Эмиграция и иммиграция также являются важными вызовами и требуют проактивной политики.

31

Игорь ПЕЛИПАСЬ

Реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС

В работе анализируется реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС. Республика Беларусь стабильно занимает третье место по уровню ВВП на душу населения по ППС, уступая России и Казахстану. Однако дальнейшее сближение со странами-лидерами будет возможно только в случае опережающих темпов роста реального ВВП и производительности труда в Беларуси. В противном случае есть опасность дивергенции и увеличения различий в уровне жизни населения и производительности в рамках ЕАЭС.

36

Дмитрий КРУК

Стабилизация в монетарной сфере: ограничитель роста или необходимое условие?

В статье рассматриваются состояние монетарной политики Беларуси, причины и последствия такого состояния, а также допустимость усиления ориентированности монетарной политики на сглаживание колебаний выпуска. Показано, что монетарной среде Беларуси присущ целый ряд институциональных дефектов. Наиболее серьезными среди них являются «незаякоренность» инфляционных ожиданий, а также слабый и нестабильный равновесный рост выпуска.

42

Наталья МИРОНЧИК, Оксана РЫЖКОВСКАЯ

Как режим таргетирования инфляции согласуется с вопросами роста?

В статье рассматривается связь между экономическим ростом и монетарной политикой, в частности режимом таргетирования инфляции, к которому Национальный банк Республики Беларусь планирует перейти в среднесрочной перспективе. Опыт стран, уже внедривших данный режим, свидетельствует, что стратегия таргетирования инфляции является наиболее эффективной в достижении цели монетарной политики и самой адаптивной, поскольку в большей степени учитывает интересы роста. Наиболее значимым вызовом современности для монетарной политики в странах с формирующейся экономикой является политическое давление проводить стимулирующую политику в условиях заякоренных инфляционных ожиданий. В этой связи Национальному банку важно продолжить совершенствование и укрепление своей коммуникационной политики для содействия достижению цели по обеспечению ценовой стабильности как важнейшего условия устойчивого роста экономики.

47

Максим ВЛАСЕНКО

Финансовая стабильность как фундаментальное условие долгосрочного экономического роста

Статья посвящена обоснованию значимости поддержания устойчивого функционирования финансового сектора экономики страны для достижения макроэкономической стабильности. В ней дана характеристика феномену финансовых циклов, природа которых отлична от широко известных деловых циклов, рассмотрены основные типы финансовых кризисов и степень их влияния на реальный сектор экономики. Приведены исторические примеры реализации эпизодов финансового кризиса в Республике Беларусь с позиций макроэкономических последствий. Показана значимость макропруденциальной политики в обеспечении финансовой стабильности и предотвращении финансовых кризисов.

54

Марина СИДОРЕНКО

Фискальная политика для устойчивого экономического роста в среднесрочном периоде

В статье описываются основные вызовы бюджетно-налоговой политики, в том числе из-за снижения цен на сырьевые товары, напряженного графика погашения задолженности и сложностей с доступом на мировые финансовые рынки. Преодоление внешних вызовов потребует проведения значительной корректировки бюджетно-налоговой политики, подкрепленной более глубокими структурными реформами.

59

Михаил ДЕМИДЕНКО, Владислав РОМАНЮК

«Первородный грех» госсектора: о рисках больших долгов в валюте

В статье была рассмотрена гипотеза «первородного греха», согласно которой неполноценность финансовых рынков приводит к ситуации неиспользования национальной валюты для долгосрочных заимствований, как внешних, так и внутренних. Проведенный анализ показал, что государственный сектор Республики Беларусь, как и во многих развивающихся странах, подвержен «первородному греху». В статье также приведены расчеты по изменению стоимости обслуживания государственного долга в связи с ослаблением белорусского рубля (за первые 3 месяца 2020 г.). Даны рекомендации по повышению устойчивости государственного долга.

66

Кирилл ГАЙДУК

Как превратить сектор государственных предприятий в источник роста

В статье предложен ряд мер по реформированию сектора государственных предприятий в Республике Беларусь. Размер сектора и накопленные в нем проблемы оказывают влияние на макроэкономические и финансовые показатели, а также сбалансированность во внешнем секторе. Необходимы шаги не только по финансовой, но и (что намного важнее в контексте Беларуси) операционной реструктуризации госпредприятий для минимизации фискальных рисков и повышения эффективности в секторе государственных предприятий.

72

Нитин УМАПАТИ

Система социальной защиты в Беларуси: взгляд в будущее

Беларусь добилась значительных успехов в сокращении бедности. Однако сегодня использование государственного сектора в качестве ключевого источника социальной защиты не является достаточным. В будущем необходим переход к современной системе прямой социальной помощи на основе критериев нуждаемости и ее интеграция с мерами по обеспечению активного участия на рынке труда и с социальными услугами.

75

Родион МОРОЗОВ**Предпринимательская активность как детерминант экономического развития**

Влияние предпринимательской активности на экономический рост не является безусловным. В то же время без учета роли предпринимательской активности в инновациях невозможно объяснить, как технологии или знания могут определять совокупную факторную производительность. В представленной статье рассматривается связь разных видов предпринимательской активности и экономического развития, а также факторы, которые определяют роль предпринимательства в экономике. Автор делает акцент на том, что кроме формальных институциональных факторов, таких как законодательство, важное значение для развития частного сектора имеют неформальные факторы – нормы и ценности в обществе, которые формируются в том числе в системе образования и в рамках государственной политики по поддержке предпринимательства.

80

Мария АКУЛОВА**Инновации и предпринимательская активность**

В статье анализируется текущее инновационное состояние экономики Беларуси. Также в работе проводится сравнение со странами-соседями и развитыми экономиками, выявление ключевых проблемных мест. Рассматривается опыт других стран по формированию привлекательного инновационного климата, повышению роли сектора высшего образования, а также усилению партнерства между ним и бизнесом. Предложены меры по повышению вклада инновационной составляющей в деятельности коммерческих организаций и росту наукоемкости экономики в целом.

85

Александр ЧУБРИК, Олег МАЗОЛЬ**Причины межрегиональных диспропорций в Беларуси и возможные направления региональной политики**

В статье рассматриваются некоторые тенденции в региональном развитии, ведущие к увеличению различий между регионами Беларуси на уровне областей и районов, их природа и отдельные негативные последствия, оцениваются возможности снижения межрегиональных диспропорций, а также предлагается ряд направлений совершенствования региональной политики для смягчения негативных последствий концентрации экономической активности в наиболее развитых регионах.

89

Катерина БОРНУКОВА, Надежда ГОДЕС, Евгения ЩЕРБА**Доверие в экономике: что это, как работает и для чего нужно?**

В статье проведен междисциплинарный анализ категории доверия, рассмотрено влияние доверия к властям и ожиданий экономических агентов на экономический рост, стабильность, выявлена роль коммуникационной политики в обеспечении укрепления доверия.

95

Анастасия ЛУЗГИНА**Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития**

В статье раскрывается понятие цифровизации в узком и широком значении, а также определяется отличие данной дефиниции от информатизации. Проведенный анализ позиционирования Беларуси в международных рейтингах позволяет определить степень цифровой адаптации отдельных сфер экономики страны по сравнению с ситуацией в странах-соседях. Автор анализирует влияние сектора ИКТ на экономику, а также раскрывает основные преимущества цифровизации и определяет вызовы, с которыми сталкиваются государства при переводе экономики в цифровой формат.

100

Роман ОСИПОВ, Елена МИНИЧ, Владислав АРТЮХ**Развитие конкуренции как условие экономического роста**

Конкуренция является одним из важнейших факторов экономического роста, стимулирующим фирмы повышать производительность. В Беларуси развитие конкуренции сдерживается широким присутствием государственных предприятий. Стимулирование развития конкуренции в Беларуси может способствовать значительному росту эффективности и обеспечить дополнительный прирост ВВП на 1–3% в год.

106

Глеб ШИМАНОВИЧ, Антон БОЛТОЧКО**Рынок труда: вызовы развития**

Рынок труда Беларуси за последнее десятилетие претерпел существенные изменения, стал более гибким. При этом изменений в инструментах социальной политики не произошло. Институт пособия по безработице действует только формально по причине низкого размера, а меры активной политики на рынке труда во многом ограничены предоставлением возможности низкооплачиваемой занятости. Население крайне чувствительно относится к риску потери работы. Это сдерживает и дальнейшую реструктуризацию сектора государственных предприятий, социальные издержки которой будут слишком высокими в условиях отсутствия адекватных инструментов поддержки безработного населения.

109

Анна ЯЩУК**Человеческий капитал или трудовые ресурсы?**

Рассмотрены различные подходы к содержанию категории «человеческий капитал», пониманию его сущности и роли в экономическом развитии, раскрыты основные элементы человеческого капитала и источники инвестиций в него. Результаты исследований свидетельствуют, что в современных условиях человеческий капитал – это главный фактор формирования «экономики знаний», а инвестиции в образование – это инвестиции в будущее и экономический рост. Выделены основные тенденции модернизации образовательной сферы.

114

Дмитрий КРУК, Алёна ЦИУЛЯ**Потенциал и направления развития финансовых рынков в Беларуси**

Статья посвящена анализу финансового сектора Беларуси и возможностям его благотворного воздействия на экономический рост. Показано, что по сравнению с другими странами с сопоставимым уровнем дохода масштаб финансового посредничества в Беларуси существенно ниже. Для развития финансового сектора предлагается двигаться параллельно по двум трекам: устранение институциональных барьеров и реализация точечных мер по развитию. Предложен соответствующий комплекс мер.

119

Ирина ТОЧИЦКАЯ**Экспорт Беларуси: экстенсивные и интенсивные факторы роста и сложность**

Проведен анализ показателей, характеризующих экспортную активность Беларуси с целью определения того, как изменялась структура экспортной корзины страны, степень проникновения на внешние рынки. Было выявлено, что в рамках существующей экспортной корзины Беларусь имеет ограниченный потенциал для наращивания экспорта. Улучшение ситуации невозможно без изменения его технологической структуры, увеличения продуктивности («сложности») экспортной корзины, роста конкурентоспособности имеющихся товаров. Это будет способствовать повышению степени «выживаемости» белорусского экспорта на уже имеющихся рынках и создаст основу для новых конкурентных преимуществ и проникновения на новые рынки.

124

От стабильности к росту

Владимир ШИМОВ

Профессор, доктор экономических наук, почетный профессор Белорусского государственного экономического университета

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается сборник статей известных белорусских экономических экспертов «От стабильности к росту», что свидетельствует о том, что в обществе созрело понимание необходимости формирования внешней и внутренней экономической среды, обеспечивающей инклюзивный экономический рост.

После десятилетия (2001–2010 гг.) достаточно высоких темпов экономического роста в Беларуси наступил период (2011–2019 гг.) низкой динамики развития экономики, характеризующийся среднетемповым приростом ВВП на уровне 1,1%. На начало 2000-х гг. пришлось фаза активного накопления капитала, которой способствовала благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Однако этот рост носил в основном экстенсивный характер, поскольку общефакторная производительность, по справедливому мнению ряда исследователей, перестала расти уже во второй половине нулевых. Потенциал экстенсивного роста был исчерпан к 2010 г., а привычные методы стимулирования экономики и инвестиций, в том числе путем необоснованной эмиссии денег и директивного кредитования, приводили лишь к повторяющимся валютным кризисам и интенсивному накоплению внешнего долга.

Инклюзивный и достаточно высокий экономический рост – жесткий императив времени. За этим стоит, как правило, возможность выполнения глобальных целей устойчивого развития страны и радикального улучшения качества жизни ее граждан. Практика показывает, что замедление темпов экономического роста не всегда сопровождается в краткосрочном периоде сокращением ресурсов и ухудшением качества жизни населения, но в конечном итоге приводит к стагнации экономических процессов со всеми вытекающими из этого последствиями. Капитал и лучшие человеческие ресурсы

перетекают в более развитые и динамично развивающиеся страны, а отстающие государства сталкиваются с недостатком инновационных идей, капитала и высококвалифицированных кадров и не могут обеспечить должной и своевременной структурной трансформации экономики, позволяющей формировать наиболее конкурентоспособный и высокоразвитый сегмент экономики.

В 90-е гг. XX в. Беларусь избрала путь постепенных реформ и «мягких» изменений. Это позволило решить без применения методов «шоковой терапии» сложнейшие проблемы развития экономики молодого суверенного государства, обусловленные в первую очередь распадом СССР: уход от бартеризации расчетов, ликвидацию множественности курсов национальной валюты, остановку спада производства и инвестиционной активности и ряд других.

В конечном итоге были выстроены основополагающие экономические институты, в обществе образовалась широкая группа поддержки рыночной экономики, обеспечен низкий уровень бедности и неравенства. Достигнутая на сегодняшний день экономическая и социальная стабильность (в том числе макроэкономическая) может стать фундаментом нового этапа экономического развития страны, который будет характеризоваться интенсивным ростом экономики, основанным на положительном вкладе совокупной факторной производительности; существенным увеличением благосостояния населения; формированием нового облика экономики, базирующегося на высокотехнологичных конкурентоспособных производствах.

Для того чтобы перейти от стабильности к интенсивному и устойчивому экономическому росту, Беларуси в первую очередь необходимо ответить на два ключевых вызова: низкую эффективность экономики и демографический спад. Первый вызов во многом обусловлен наличием значительного и недостаточно эффективного сектора государственных предприятий. Ориентация на валовые показатели вместо эффективности, высокая зарегулированность деятельности и отсутствие действенных механизмов стимулирования занятых в государственном секторе приводит к низкой результативности их функционирования. В то же время секторы экономики, в которых Правительство пошло на сознательную либерализацию экономических отношений, показывают темпы роста, существенно опережающие среднемировые. Так, сектор информации и связи только в 2019 г. обеспечил рост 109,3%. При этом ни реструктуризация госсектора, ни дальнейшее развитие частного предпринимательства невозможны без введения эффективного механизма социальной поддержки.

Второй важнейший вызов, стоящий перед Беларусью, – сокращение и старение населения. Адекватный ответ на этот вызов должен учитывать ограниченное влияние мер материальной поддержки на уровень рождаемости и включать в себя более ши-

рокий спектр доступных мер и механизмов, а также фокусироваться на качестве человеческого капитала.

В предлагаемом нами специальном выпуске «Банкаўскага весніка» известными экономическими экспертами Беларуси проведен анализ сложившейся в стране экономической ситуации, исследовано содержание протекающих экономических процессов и на основе этого сделана попытка обосновать возможные пути системного решения ключевых проблем устойчивого экономического роста.

Основное внимание уделяется оценке качества роста белорусской экономики, его существующим сегодня и возможным барьерам, демографическим вызовам и миграции, макроэкономической стабилизации в монетарной сфере и ценовой политике.

Составители сборника попытались отойти от узконаправленного подхода в рассмотрении анонсированной проблемы, поэтому большое внимание

уделили влиянию бюджета на экономический рост, рискам больших валютных долгов, трансформации структурной и социальной политики, месту и роли в современных условиях предпринимательской деятельности и частного сектора в целом.

Не остались без внимания и проблемы цифровизации экономики в контексте задач экономического роста, рынка труда и финансовых рынков, диверсификации внешних рынков и региональной страновой конвергенции.

Нельзя утверждать, что предложенные авторами рецепты «лечения» экономики страны безальтернативны и носят всеобщий характер, но они заслуживают пристального внимания научной общественности, профессионального экономического сообщества и побуждают к деятельному поиску путей эффективного развития национальной экономики в контексте задач устойчивого экономического роста.

Выражаем благодарность Центру экономических исследований «БЕРОК» и персонально Павлу Данейко и Катерине Борнуковой, без энергичных усилий которых было бы сложно провести на высоком уровне публичные мероприятия по обсуждению наиболее важных тем, касающихся развития экономики Беларуси, и подготовить настоящий сборник.

Управление исследований Национального банка Республики Беларусь

Рост для всех: справедливость как равенство возможностей

УДК 364

Ключевые слова:*справедливость; равенство и неравенство возможностей; экономический рост.*

В последние годы существенно возрос интерес к теме справедливого распределения. Это связано с глобальной тенденцией растущего неравенства под влиянием прежде всего технологических изменений, способствующих экономии затрат труда. Данные изменения являлись отличительной чертой последних трех десятилетий и, по-видимому, продолжатся в обозримом будущем. Отличительная черта этих изменений – опережающий рост спроса на квалифицированный труд и высокотехнологичный капитал по сравнению со спросом на менее квалифицированный труд и менее технологичный капитал. При этом повышается премия за квалификацию, создавая безработицу для неквалифицированного труда.

В Беларуси актуальность темы справедливости потенцируется внутренними проблемами в экономике. На фоне ужесточения условий торговли сохраняется низкая эффективность сектора государственных предприятий, где трудится около половины занятых. Реформирование или повышение эффективности государственных предприятий неизбежно, а значит, риски увеличения безработицы и неравенства только усилятся. Справедливо ли возрастание неравенства в Беларуси, что такое справедливость и как ее обеспечить, учитывая глобальные тенденции и внутренние аспекты экономики?

Понятие справедливости и равенства

Справедливость – одна из основных категорий этики. Она отражает понятие о должном соответствии между деянием и воздаянием, правами и обязанностями, заслугами и их признанием. В контексте экономической науки на сегодняшний день нет

консенсуса в определении справедливости. В целом постулат справедливости отражает стремление общества к социальной гармонии в условиях конфликта интересов, порожденного ограниченностью ресурсов. При этом он может быть наполнен различным содержанием в зависимости от представлений экономических, политических и социальных агентов о том, что справедливо, а что нет, от взаимоотношений между этими агентами и от коллективного выбора, который из этого проистекает [9].

Тем не менее соблюдение принципа «социальной справедливости» в прикладной экономике является неотъемлемым элементом практики принятия решений. Когда эффективность или, наоборот, неэффективность обуславливают дискриминацию, ставя под угрозу соблюдение общепринятых ценностей и достижение целей устойчивого развития, то регулирующее воздействие государства становится социально-экономической необходимостью.

В основе понятия социальной справедливости лежит экономический принцип горизонтального равенства. Он заключается в следующем:

а) равенстве возможностей, которое предполагает, что жизненные достижения индивида должны определяться в первую очередь его способностями и усилиями, а не заранее заданными обстоятельствами, такими как пол, раса, социальное или семейное происхождение, страна рождения;

б) предотвращении депривации с точки зрения достижения результатов, в частности в плане состояния здоровья, уровня образования и потребления [5].

Горизонтальное равенство не подразумевает равенства вертикального, то есть имущественного. Сама природа экономического рас-

чета, лежащая в основе человеческой деятельности, в силу разных способностей индивидов и прилагаемых ими усилий для достижения жизненной цели рано или поздно приводит к неравенству доходов. Поэтому некоторая степень неравенства, так называемое справедливое неравенство, является необходимым результатом вознаграждения за таланты, прикладываемые усилия, инновации и принятие рисков. Однако чрезмерное неравенство в доходах угнетает инвестиции как в человеческий, так и в физический капитал – два ключевых источника инклюзивного роста [4; 13]. Если экономический рост не инклюзивен и все группы населения не получают справедливые выгоды от экономического роста, то он вряд ли будет устойчивым.

Беларусь: равенство vs справедливость

Очевидны успехи Беларуси в борьбе с бедностью и неравенством. С 2003 г. по 2014 г. в стране наблюдалось самое большое снижение уровня бедности в регионе Европы и Центральной Азии (далее – ЕЦА). Численность бедного населения в Беларуси, измеренная по международно сопоставимому паритету покупательной способности (ППС), составляющему 5 долл. США в день, сократилась с 32% в 2003 г. до менее одного процента в 2014 г., тогда как в ЕЦА она снизилась с 38% в 2003 г. до 13% в 2013 г. Неравенство сократилось вместе с бедностью и является низким по мировым и региональным стандартам. Инклюзивный экономический рост за последнее десятилетие также отражается в более широких аспектах человеческого развития. Беларусь заняла 50-е место в мире по индексу человеческого развития 2018 г. (составной индекс ожидаемой продолжитель-

ности жизни, образования и ВНД на душу населения), что на 19 позиций выше ее рейтинга валового национального дохода. Отчасти снижение уровня бедности и снижение неравенства стало возможно за счет существенного роста ВВП на душу населения, который за два десятилетия увеличился почти в четыре раза (таблица 1).

Справедливость – категория, которая трудно поддается изменению, а степень неравенства вполне можно измерить. Программа развития Организации Объединенных Наций в Докладе о человеческом развитии – 2019 «За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке» предлагает индикаторы измерения неравенства, основывающиеся на распределении населения по доходам, которое задается квантилями и децилями, характеризующими уровень доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения. В качестве распределений используются доли доходов (в общих располагаемых денежных доходах) следующих групп населения:

- 1% наиболее обеспеченных;
- 10% наиболее обеспеченных;
- 50% наименее обеспеченных;
- 40% населения занимают промежуточную группу по доходу (между 10% наиболее обеспеченных и 50% наименее обеспеченных) и др.

Таблица 1

Индекс Джини и ВВП по ППС на душу населения в Республике Беларусь

Показатели	1998 г.	2018 г.
ВВП по ППС на душу населения, тыс. долл. США	5,3	20,0
Индекс Джини	32,0*	27,5

*По оценке Всемирного банка.

Примечание. Составлено авторами на основе данных Всемирного банка и Белстата.

Соотношение долей доходов из различных групп, как наименее, так и наиболее обеспеченных, позволяет раскрыть более глубокие зависимости в отличие от традиционного используемого индекса Джини [16].

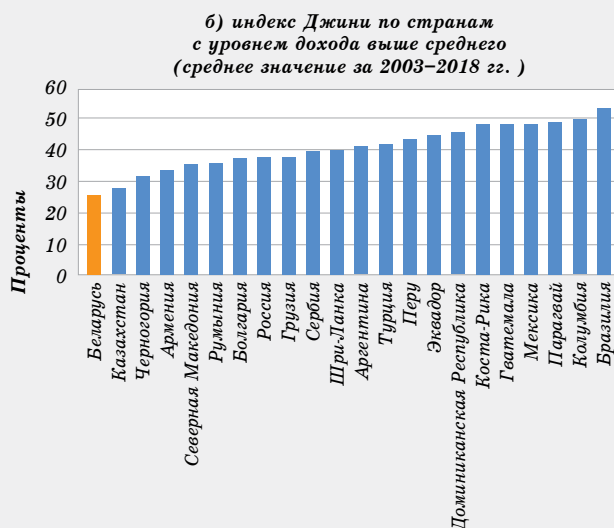
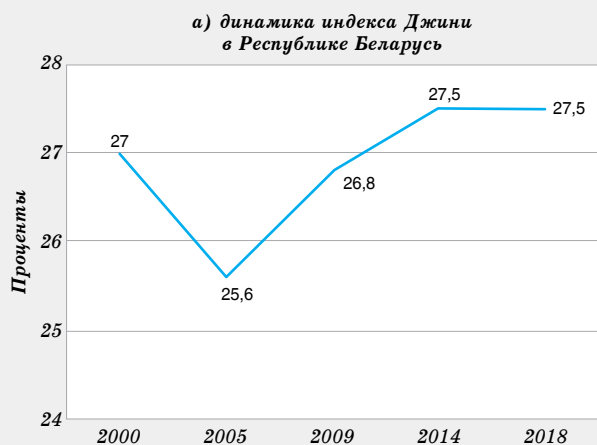
Несмотря на то, что по данным Белстата индекс Джини несколько вырос в Республике Беларусь за последние десять с лишним лет, при международных сопоставлениях с группой развивающихся стран по доходам выше среднего мы на первом месте с точки зрения равенства доходов (рисунки 1). Это говорит о том, что фактически Беларусь может позволить себе несколько увеличить уровень неравенства с тем, чтобы стимулировать экономический рост.

Согласно вышеупомянутому докладу ПРООН, использование индекса Джини может не до конца

раскрывать степень распределения отдельных групп населения по доходам. Однако на основе статистики распределения располагаемых денежных доходов по 20-процентным группам населения можно сделать вывод, что индекс Джини довольно адекватно отражает динамику распределения доходов в Беларуси. Например, в период 2005–2018 гг. наблюдалось изменение структуры распределения доходов: на 2,2 процентного пункта увеличилась доля в общем доходе 20% белорусов с наибольшими доходами, что также отражается увеличением индекса Джини почти на 2 процентных пункта. При этом доля доходов населения из 20-процентной группы с наименьшими доходами не изменилась (рисунки 2).

В работе [3] был сделан вывод, что в результате макроэкономической корректировки 2015–2016 гг.

Индекс Джини

Примечание. Составлено авторами на основе данных Белстата и Всемирного банка.

Рисунок 1

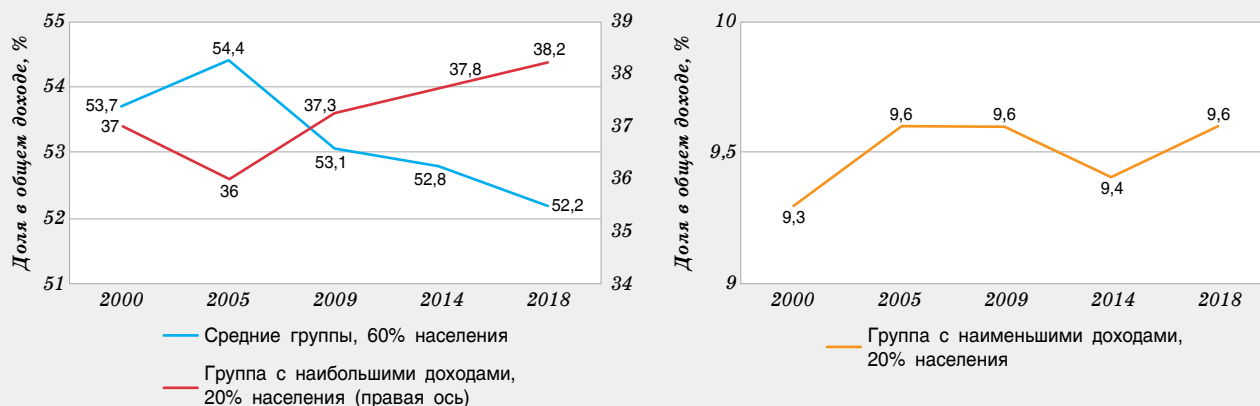
в ответ на негативные внешние шоки после обвала мировых цен на нефть в 2014 г. распределение сокращения располагаемых доходов населения в Республике Беларусь после 2014 г. не было инклюзивным и степень неравенства по доходам возросла, что, по сути, должно вызывать озабоченность. Действительно, неравенство может достигнуть той стадии, на которой оно перестает быть эффективным

и превращается в серьезную помеху [13]. Однако, как видно из вышеприведенного анализа, для Беларуси это не актуально. Для нашей экономики важно понять, не является ли тот уровень равенства, который мы наблюдаем, чрезмерным? Справедливое ли это равенство? Находимся ли мы в той «золотой середине», когда определенный уровень неравенства создает положительные стимулы

у индивидуумов и фирм для эффективного производства, перераспределения и использования ограниченных ресурсов, учитывая бюджетные ограничения?

Анализ литературы и эмпирики показал, что для экономик, в том числе Республики Беларусь, характерны противоречия как между справедливостью и неравенством, так и между справедливостью и равенством (таблица 2).

Показатели неравенства по денежным доходам в Беларуси

Примечание. Составлено авторами по данным Белстата.

Рисунок 2

Таблица 2

Причины и последствия разного уровня неравенства для экономики

«Несправедливое» равенство, или «уравниловка»	«Справедливое» неравенство	«Несправедливое» неравенство
Отсутствие или «размазывание» ответственности за принятие инвестиционных решений	Стимулы к принятию экономически обоснованных решений	Монопольные прибыли и обогащение за счет «покровительства» государства
Отсутствие стимулов к более эффективной деятельности и большему достатку	Стимулы и возможности для развития	Личная заинтересованность при принятии важных решений
Неверные стимулы при принятии важных решений при экономической деятельности	Стимулы и возможности для справедливого вознаграждения труда	Чрезмерные зарплаты директорскому корпусу
«Равномерная» поддержка государством неэффективных предприятий за счет иных субъектов экономики	Избирательная поддержка государством прежде всего перспективных проектов	Неравные условия для бизнеса за счет близости бизнеса к политическим силам
Эффекты на экономику		
Отсутствие стимулов для рационального и эффективного перераспределения ресурсов	Оптимальные стимулы для рационального и эффективного перераспределения ресурсов	На данной стадии неравенство перестает быть эффективным и превращается в серьезную помеху
Низкие темпы экономического роста	Высокие темпы экономического роста	Обычные темпы экономического роста, но абсолютное большинство не получает выгод от роста

Примечание. Составлено авторами на основе [13; 11].

Для Республики Беларусь, к счастью, не характерен тот уровень неравенства, который наблюдается в развитых странах: США, Англии и других. Однако проблема в том, что «уровнировка», или «принудительное» равенство, характерное для экономических отношений в Беларуси, в которой превалирующий, но неэффективный сектор государственных предприятий влияет на политические решения на системной основе, точно также несправедливо.

Покажем на нескольких примерах то, как несправедливое равенство в конечном итоге проявляется в экономике.

Равенство доходов – это несправедливо. В соответствии с результатами труда, уровнем образования, приносимой пользой, риском, обладанием высокотехнологичными и современными навыками и знаниями необходима диверсификация оплаты труда. Иначе подрываются стимулы к развитию и приобретению более продуктивных, инновационных и более оплачиваемых навыков и знаний. Человеку проще оставаться на том уровне, который он считает приемлемым для себя по причине установленных рамок. Однако стимулирующие выплаты руководителям и сотрудникам не должны носить искажающий характер и должны быть тщательно отрегулированы, в первую очередь ориентируясь на качественные, а не количественные показатели. Например, несправедливо платить бонус директору авиакомпании, показавшей прибыль только потому, что упали цены на авиатопливо.

Недавние эксперименты в сфере экономики также подтверждают важность фактора справедливости в распределении. Так, повышение зарплаты работникам, чувствовавшим, что им платят слишком мало, имело невероятный положительный эффект на их производительность, а вот на тех, к кому изначально относились справедливо, это повышение никак не подействовало [13].

Принимаем решение об инвестициях и не несем личного риска – это несправедливо. Один из важных механизмов в экономике – это трансформация сбережений в инвестиции. От того, насколько эффективно распреде-

ляются ресурсы, в целом зависит эффективность экономики и темпы ее роста. Как правило, в развитых экономиках инвестирование частного сектора сопряжено с рисками потерь, которые несет бизнес. По этой причине и вознаграждение выше при успешности проекта. В Республике Беларусь часто тот, кто принимает решение о вложении государственных средств и активов, вообще не несет никаких рисков. Не принимать риски – проще, но это не справедливо, поскольку расплачиваться в основном приходится государству, безусловно, за счет иных субъектов экономики. Рост государственного долга по причине непродуктивных расходов и инвестиций имеет серьезный качественный эффект на темпы экономического роста: возникает давление на снижение государственных расходов и инвестиций в образование, развитие технологий, здравоохранение и инфраструктуру, которые не только дают серьезную отдачу сейчас, но создают основу для будущего высокодоходного развития страны.

Богатые платят меньше – это несправедливо. Например, богатые люди, живущие, допустим, в квартире 250 м², получают большие дотации на отопление, электричество и другие коммунальные услуги, чем бедные, живущие в хрущевке 35 м². Это же касается дотаций на медицину, продукты питания и иные товары и услуги, цены на которые сдерживаются административно.

Чтобы обеспечить справедливое равенство доходов и избежать перехода большей доли богатств под контроль абсолютного меньшинства, ученые предлагают переход к системе прогрессивного налогообложения [9]. Однако результаты исследований МВФ показали, что повысить предельные налоговые ставки без ущерба для экономического роста можно лишь в странах с наиболее высокими доходами [4]. Эти выводы согласуются и с точкой зрения белорусских ученых. В частности, Е. Киреева считает, что прогрессивная шкала не является лучшим решением для белорусской экономики в настоящее время. Во-первых, она усложняет налоговую систему и повышает риск демотива-

ции бизнеса и увеличения неформального сектора экономики, что идет вразрез с социальной справедливостью. Во-вторых, такую систему сложно администрировать, что увеличивает бюджетные расходы. В-третьих, в Беларуси степень расслоения общества по доходам остается низкой относительно других стран с сопоставимым уровнем развития, а значит, нет смысла устанавливать разные ставки подоходного налога [12].

В то же время должно быть четко обозначено, что со временем в случае значимого расслоения белорусского общества по доходам богатые будут платить более высокие налоги с тем, чтобы обеспечить социальную справедливость, поскольку высокая и устойчивая степень справедливости благоприятствует высокой производительности.

Для обеспечения большей социальной справедливости целесообразно также применять высокие акцизы на предметы роскоши и корректировать ставки налога на недвижимость. Более справедливыми для Беларуси видятся меры, направленные на снижение ставок прямых налогов при одновременном усилении роли косвенных, что согласуется с лучшей европейской практикой проведения налоговой политики. Кроме того, важно упрощение налогового администрирования, сокращение управленческого персонала на отдельных предприятиях, оптимизация налоговых преференций и порядка их предоставления и другие [12].

«Кто не работает, тот не ест». Распространение передовых технологий и повышение эффективности сектора государственных предприятий обуславливают высвобождение немалой части рабочей силы на рынке труда Беларуси. Однако в стране отсутствует надежная система социального страхования. Именно поэтому опросы говорят, что страх потери работы очень актуален для наших граждан. Не стоит думать, что страх мобилизует к более эффективному и продуктивному труду и инновациям. Страх парализует! Люди предпочитают оставаться на низкооплачиваемых местах, неперспективных местах, боясь не

найти работу. Рынок не способен обеспечить адекватный уровень страхования безработных людей.

Для смягчения социальных последствий структурной безработицы активные меры политики на рынке труда необходимы, чтобы способствовать повышению квалификации работников и сокращению периодов безработицы. В числе таких мер – выплата пособия по безработице, которое могло бы обеспечить необходимую минимальную финансовую поддержку на период получения недостающих знаний и навыков, а также поиска новой работы [10]. Эффективная система соцзащиты – важнейшая часть современного производительного общества: отдельные люди могут заниматься более прибыльной или рискованной деятельностью, если они доверяют «системе безопасности», которая защитит их при неудаче. Этот механизм является одной из причин, благодаря которым государства с более развитой системой соцобеспечения имеют более высокие темпы роста экономики [13].

Повышение социальной справедливости и мотивации труда невозможно также без кардинального изменения пенсионной системы в Республике Беларусь. Действующий в настоящее время механизм перераспределения средств обуславливает фактически уравнивание пенсионных выплат большей части возрастной группы населения вне зависимости от размера заработной платы. Необходимы внедрение персонализированного учета взносов в систему пенсионного обеспечения и переход от механизма начисления размера пенсии с учетом ранее уплаченных взносов.

Результаты исследований МВФ показывают, что в целом необходимые масштабы увеличения социальных расходов в странах с формирующимся рынком для достижения целей устойчивого развития потребуют ежегодных дополнительных расходов, приближающихся к 4 процентным пунктам ВВП в 2030 году [4].

Поддерживаем аутсайдеров за счет тех, кто работает эффективно, – это несправедливо. Предприятия, хронически убыточные,

неэффективные, поддерживаются государством за счет налогоплательщиков и через перекрестное субсидирование за счет более здоровых в финансовом плане и успешных предприятий. Такое перераспределение ресурсов не только не справедливо, но и подрывает эффективность экономики, снижая потенциальные темпы экономического роста.

Реальное непродуктивное расходование ресурсов, которое значительно понижает производительность экономики и результаты процветания, связано с монопольными механизмами функционирования государственных предприятий в нашей экономике. Побочный продукт усилий, направленных на получение большего куска пирога, уменьшает сам пирог, существенно искажает процесс распределения ресурсов, тем самым ослабляя экономику. Кроме того, возникают случаи лоббирования интересов через госорганы, а также использование в своих интересах монопольного положения на рынке.

Поэтому меры экономической политики, предполагающей укоренение принципов справедливости, должны обеспечивать гарантии равных условий функционирования для организаций всех форм собственности, равный доступ к сырьевым, земельным, трудовым и другим ресурсам, защиту и соблюдение прав собственности и исполнения контрактов, уважение интеллектуальной собственности. Результатом реализации таких мер политики неизбежно станет рост предпринимательства, снижение степени монополизации рынков, повышение конкуренции, создание новых рабочих мест и увеличение доходов населения, появление новых, более качественных, продуктов и услуг.

Второй немаловажный аспект – это отраслевая структура экономики. Поддержка неэффективных предприятий, которые не имеют никаких шансов на выздоровление, – это неэффективное расходование ресурсов. Согласно исследованию McKinsey средняя «продолжительность жизни» компаний из списка S&P 500 сократилась с 61 года в 1958 г. до 18 лет в

2015 г. По их оценкам, к 2027 г. 75% компаний из нынешнего списка будут вытеснены новыми. Некоторые из этих компаний будут выкуплены, некоторых ждут процессы слияния и поглощения, а некоторые просто обанкротятся, как это произошло с Enron и Lehman Brothers [17]. Другие исследователи заключили, что время существования фирм может быть еще меньше – около 10 лет, при этом не важно, каким видом деятельности занимаются компании. Однако возраст компаний различается от страны к стране. Так, в Японии работает более 50 тыс. фирм с более чем 100-летней историей.

В Республике Беларусь помимо системных мер поддержки нового перспективного бизнеса нужен хорошо работающий закон о банкротстве, а также более гибкий подход государства к обновлению структуры экономики. Конечно же, эти меры должны сопровождаться построением эффективной системы соцзащиты и переквалификации. Рождение новых конкурентных предприятий и даже отраслей – это залог высоких темпов роста экономики.

Высокая инфляция – это несправедливо. Решение проблемы неравенства за счет смягчения монетарной политики невозможно [8]. Важно помнить о последствиях высокой инфляции, которая является одним из основных рисков увеличения неравенства. Во-первых, рост цен темпом, превышающим допустимые пороговые значения, обесценивает доходы прежде всего самых малообеспеченных граждан, живущих «от зарплаты до зарплаты». Богатые люди, как правило, имеют хорошо диверсифицированные и защищенные от инфляции активы. Во-вторых, высокая инфляция «съедает» сбережения, как правило, наименее финансово грамотных людей, пенсионеров, малообеспеченных. При этом поддержание ценовой и финансовой стабильности, от которой в итоге выигрывает все общество, невзирая на социальные различия, служит необходимым базовым условием гарантии социальной справедливости.

Льготные кредиты убыточным предприятиям – это несправедливо. Справедливо, когда государство приоритизирует и фокусирует поддержку на эффективных и конкурентоспособных предприятиях вне зависимости от формы собственности с использованием четких и прозрачных критериев. Если предприятие убыточно и бесперспективно, то справедливо будет позволить ему обанкротиться, поскольку конкурентоспособность страны не должна снижаться, и нельзя решить проблемы рынка через поддержку неэффективных предприятий. Это извращает стимулы и порождает неэффективность, от которой впоследствии крайне трудно избавиться.

Равенство возможностей как фактор инклюзивного роста экономики

Наиболее сильно обратная связь между неравенством в доходах и темпами экономического роста проявляется в странах Европы, Латинской Америки и Карибского бассейна, Центральной и Южной Азии с уровнем дохода выше среднего (рисунок 3). Именно в эту группу входит Республика Беларусь.

Эксперты МВФ Ш. Айяр и К. Эбеке [15] утверждают, что неравенство в доходах оказывает негативное влияние на экономический рост в тех странах, которые характеризуются низким равенством возможностей. Таким образом, распределение возможностей важнее распределения результата. В обществе, где возможности неравны, неравенство в доходах ограничивает потенциал и перспективы малообеспеченных слоев населения и препятствует инклюзивному росту. В своем исследовании Айяр и Эбеке связывают равенство возможностей с социальной межпоколенческой мобильностью, то есть изменением положения индивида в структуре неравенства между поколениями «отцов» и поколением «детей».

Именно поэтому в социально-экономической политике необходимо делать больший акцент на обеспечении равенства возможностей, в том числе повышении степени восходящей

Рисунок 3

социальной мобильности, способствующей скорейшему переходу индивида из группы с низкими доходами в группу с более высокими доходами. Предотвращение депривации должно включать необходимую помощь нуждающимся только до того уровня, который позволяет поддерживать их способность отвечать за самих себя. При этом любое иное покровительство – особое отношение к отдельным группам интересов – должно рассматриваться как нарушение принципа справедливости. Правильность такой политики подтверждают результаты исследований Р. Хаскинса и И. Соухилли [19], которые показали, что общественность гораздо сильнее поддерживает программы по выравниванию возможностей, чем меры по борьбе с бедностью.

При этом, как отмечают эксперты ПРООН, важно учитывать, что неравенство в базовых возможностях, связанное с наиболее крайними видами депривации, глобально сокращается. Озабоченность мирового сообщества вызывает усиление неравенства доступа к так называемым расширенным возможностям. Речь идет о доступе к более передовым знаниям и технологиям, которые стремительно развиваются под давлением

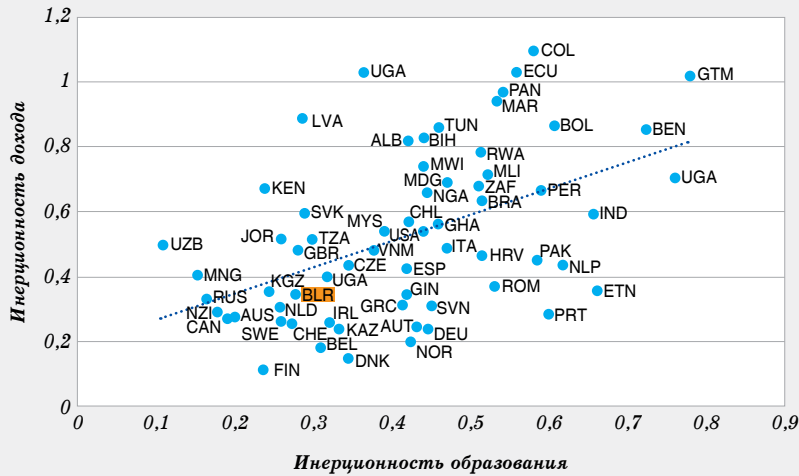
процессов изменения климата и технологических преобразований и, как ожидается, будут отражать основополагающие аспекты жизни в XXI в. [6].

Инвестиции в повышение качества образования, совершенствование процессов распространения знаний и навыков, создание высокопроизводительных рабочих мест являются ключевыми для расширения новых возможностей, роста производительности и уменьшения неравенства. Как отмечает Т. Пикетти в книге «Капитал в XXI веке», распространение знаний и навыков – это главная сила, которая ведет к выравниванию условий в долгосрочной перспективе, в том числе между странами [9]. Однако ее естественное и произвольное проявление лишь отчасти объясняет конвергенцию, которая в значительной степени зависит от политики в области образования, обеспечения доступа к необходимым навыкам и развития институтов, функционирующих в этой сфере.

Результаты исследования межпоколенческой мобильности свидетельствуют, что в Беларуси довольно высокая мобильность в получении образования и доходов детьми относительно их родителей, то есть уровень образования и доходы детей в

Межпоколенческая мобильность

Связь образования и доходов между поколениями

Примечания: 1. Инерционность образования – коэффициент корреляции между количеством лет учебы детей и их родителей. Инерционность дохода – корреляция между количеством лет учебы и уровнем доходов детей и их родителей. Расчет проведен на основе ответов респондентов, родившихся с 1940 г. по 1989 г., из 148 стран. Меньшие значения данных показателей отражают более высокий уровень мобильности по образованию и доходу, то есть уровень образования и доходы детей в меньшей степени определяются достижениями их родителей.

2. Составлено авторами на основе [18; 20].

Рисунок 4

меньшей степени определяются достижениями их родителей (рисунок 4). Это говорит о наличии достаточно хороших возможностей получить необходимые знания и навыки для обеспечения инклюзивного роста экономики в случае, если система способна предоставить качественные образовательные услуги. Когда же качество таких услуг не конкурентно относительно других стран, то такой показатель межпоколенческой мобильности вряд ли будет адекватно отражать степень равенства возможностей.

К сожалению, более углубленный анализ свидетельствует, что экономика в целом и существующая система образования Республики Беларусь не обеспечивают равного охвата, должного предложения и поглощения знаний и качества образовательных услуг, а значит, не может предоставить равных возможностей в овладении современными знаниями и навыками, в том числе в сравне-

нии с более развитыми странами.

Согласно результатам Мультииндикаторного кластерного обследования ЮНЕСКО MICS (Multiple Indicator Cluster Surveys), в Беларуси охват дошкольным образованием и степень поглощения программы среднего образования зависит от дохода семей. В малообеспеченных семьях процент детей, не охваченных дошкольным образованием (25%), почти в три раза выше по сравнению с детьми из обеспеченных семей (9%) [22].

По данным Программы международной оценки образовательных достижений учащихся (PISA), результаты учащихся из более обеспеченных семей превосходят результаты тех, кто находится в непростом социально-экономическом положении (разрыв эквивалентен 3 годам обучения), а учащиеся из регионов по уровню знаний отстают на 1 год от учащихся крупных городов. При этом данное социально-экономическое неравенство значимее, чем в среднем в странах ОЭСР, где

уровень неравенства по доходам выше, чем в Беларуси. Искоренения социального неравенства в образовании возможно достичь через укрепление политики по включенности уязвимых групп населения, снижение сегрегации школьников, в том числе посредством справедливого финансирования школ и уделения большего внимания качеству подготовки педагогов и повышению уровня квалификации последних [7; 21].

Что касается высшей школы Беларуси, то она сегодня, с одной стороны, готовит сверхквалифицированные кадры*, а с другой – не способна поставить на рынок труда в достаточном объеме высококвалифицированную рабочую силу. Недостаточным является послевузовское и дополнительное образование рабочей силы в Беларуси [2]. В условиях освоения новых технологий, производств и бизнес-моделей необходимо как можно скорее наладить эффективную практику переподготовки и обучения специалистов для освоения ими навыков и получения знаний, наиболее востребованных на рынке труда. В том числе руководителям высшего звена важно изучить и внедрить в практику современные методы бизнес-администрирования, цифровые навыки. Образование должно делать упор на развитие у молодых людей навыков независимого мышления, креативности и изобретательности, повышение степени охвата населения знанием иностранных языков. Немаловажен учет психологических аспектов, которые сдерживают вертикальную мобильность и эффективность работников (особенно в долгосрочной перспективе) и снижают производительность труда в целом по экономике. Исследования положения дел в образовании делают акцент на важности домашней атмосферы и психологического климата в семье, так как представители беднейших слоев населения и среднего класса вынуждены выживать (им приходится работать больше); их семьи гораздо меньше времени проводят вместе; родители не могут следить, делают ли их дети домашнее задание и т. д.

* Уровень сверхквалификации (over-qualification rates) – процент молодых людей с высшим образованием, занимающих должность, не соответствующую требованиям третичной квалификации ISCO (МККЗ, т. е. Международная стандартная классификация занятий), а именно: занятиям 4–9-го уровней, включая клерков, сервисных рабочих, рабочих сельского хозяйства и рыболовства, ремесленников и связанных с ремеслом рабочих тех или иных отраслей, операторов заводов и машин или рабочих, выполняющих элементарные занятия [2].

Важным направлением инклюзивного развития и обеспечения справедливости являются также вопросы эффективной интеграции в общество людей с ограниченными возможностями и гендерного равенства.

В частности, эксперты ООН обращают внимание на необходимость обеспечить более эффективную координацию политики государства в отношении детей с инвалидностью, укрепление инклюзивных стратегий, в том числе в области инклюзивного ухода и образования, и предоставление надлежащих финансовых, людских и технических ресурсов. Необходимо усилить поддержку родителей таких детей, меры по раннему выявлению инвалидности и меры по реабилитации, соответствующие возрасту, разрабатывать программы поддержки детей-инвалидов при переходе к взрослой жизни с тем, чтобы помочь им начать самостоятельную жизнь [6].

Несмотря на то, что Республика Беларусь занимает относительно высокое место в международных рейтингах гендерного равенства, потенциал последнего в целях устойчивого развития остается недоиспользованным. Обеспечение справедливого распределения возможностей касается также мер политики, направленных на ликвидацию профессиональной и вертикальной гендерной сегрегации на рынке труда, которая имеет прямые последствия для межпоколенной мобильности [1]. Меры корректировки данного положения должны касаться в первую очередь повышения престижа и оплаты труда в бюджетной сфере, модернизации инфраструктуры

и программ переобучения в соответствии с потребностями рынка, а также развития транспортного сообщения между территориями с узким рынком и центрами экономической активности [14].

Низкий уровень неравенства в Беларуси не случаен. Он стал результатом выбора государственной политики для социально-ориентированной экономики с учетом исторической ментальности населения и высоких темпов роста экономики в 2000-х гг. Вместе с тем многие вопросы инклюзивности и справедливости остаются нерешенными. Кроме того, замедление роста производительности в текущем десятилетии на фоне глобальных экономических и технологических изменений, способствующих экономии затрат труда, может существенно ограничить социально-экономическое развитие страны и усилить противоречия в обществе.

Разработчики экономической политики больше не могут позволить себе рассматривать вопросы справедливости и равенства отдельно от решения проблем низкой эффективности экономики. Устойчивый экономический рост невозможен без целенаправленной поддержки государством и обществом талантов, инноваций и принятия предпринимательских рисков гражданами и их соответствующего вознаграждения, что неизбежно приведет к формированию справедливого неравенства. Повышение производительности труда напрямую зависит от предоставления белорусам равного доступа к расширенным возможностям – пере-

довым знаниям и технологиям, а также равных «правил игры для бизнеса». Решение данной задачи требует реализации (с учетом лучшего мирового опыта) целого комплекса мер политики по структурной трансформации экономики и повышению значимости рыночных сил в распределении ресурсов, реформированию системы образования и социальной поддержки населения, совершенствованию пенсионной системы и системы налогообложения, поддержанию ценовой стабильности. Формулирование государством четких сигналов обществу по обозначенным направлениям позволит сформировать необходимые условия для раскрытия потенциала людей и ускоренного устойчивого социально-экономического развития страны.

Дмитрий КАЛЕЧИЦ,
Национальный банк
Республики Беларусь, заместитель
Председателя Правления,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: D.Kalechic@nbrb.by

Наталья МИРОНЧИК,
Национальный банк
Республики Беларусь, начальник
Управления исследований,
кандидат экономических наук,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: N.Mironchik@nbrb.by

Михаил ДЕМИДЕНКО,
Национальный банк
Республики Беларусь, заместитель
начальника Управления
исследований, кандидат
экономических наук,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: M.Demidenko@nbrb.by

* * *

Материал поступил 30.03.2020.

Библиографический список:

1. Акулова, М. Женщины в бизнесе Беларуси: особенности, мотивация и барьеры / М. Акулова, А. Агинская // *BEROC Policy Paper Series*, № 56. – 2018. – 15 p.
2. Белая книга. Европейские перспективы белорусского высшего образования / В. Дунаев [и др.]; отв. ред. В. Дунаев. – Vilnius: VŠĮ «Socialinės ir politinės ekspertizės agentūra», 2018. – 328 c.
3. Борнукова, К. Стратегии преодоления трудностей домохозяйств в период рецессии 2015–2016 гг. / К. Борнукова, Г. Шиманович, А. Кожакару, М. Матъцин // *BEROC Policy Paper Series*, № 73. – 2019. – 5 p.
4. Георгиева, К. Снижение неравенства для создания новых возможностей / К. Георгиева // Блог МВФ. – 7 января 2020 г. – Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/01/07/blog-reduce-inequality-to-create-opportunity>. – Дата доступа: 26.02.2020.
5. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – 312 с.
6. Заключительные замечания по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Беларуси / 83 сессия Комитета по правам ребенка, 20 января – 7 февраля 2020 г. [Электронный ресурс] / Конвенция о правах ребенка // ООН. – Доклад CRC/C/BLR/CO/5-6/. – 2020. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/SessionDetails1.aspx?SessionID=1323&Lang=ru. – Дата доступа: 29.03.2020.

7. Колесниченко, Н. «Среднячки»: почему белорусские школьники не блещут знаниями [Электронный ресурс] / Н. Колесниченко // *Завтра твоей страны*. – 15 января 2020. – Режим доступа: <https://zautra.by/news/seredniachki-pochemu-belorusskie-shkolniki-ne-bleshchut-znaniiami>. – Дата доступа: 09.03.2020.
8. Моисеев, С. Неравенство и центральные банки [Электронный ресурс] / С. Моисеев // *Эконс*. – 2019. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomika-prizuva/>. – Дата доступа: 26.02.2020.
9. Пикетти, Т. *Капитал в XXI веке* / Т. Пикетти; пер. с англ. А. Дунаева под ред. А. Володина. – М.: Ад Маргинем Пресс.
10. Республика Беларусь: Экономический обзор [Электронный ресурс] // Группа Всемирного банка. – Ноябрь, 2019. – Режим доступа: <http://pubdocs.worldbank.org/en/109381574885806353/Belarus-Economic-Update-Fall2019-ru.pdf>. – Дата доступа: 26.02.2020.
11. Серия семинаров для Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Центр экономических исследований ВЕРОС. – Режим доступа: <http://www.beroc.by/education/other/nationalbank/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
12. Кононович, Е. Сравниваем налоги в Беларуси и других странах мира. Что важнее: размер ставок или их количество? / Е. Кононович // «Народная газета», 2018. – 7 апр.
13. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: [пер. с англ.] / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
14. Чубрик, А. Работа, доход и равные возможности: взрослые причины детской бедности [Электронный ресурс] / А. Чубрик, Н. Щербина // Исследовательский центр ИПМ. – Дискуссионный материал. – 2019. – PDP/19/1. – 9 с. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/english/pdp/pdp2019r01.pdf>. – Дата доступа: 26.02.2020.
15. Aiyar, S. Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth / S. Aiyar, C.H. Ebeke // *IMF Working Paper*, № 34. – 2019. – 23 p.
16. *Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century* [Electronic resource] // *Human Development Report*. – 2019. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>. – Date of access: 24.03.2020.
17. Desmet, D. Six building blocks for creating a high-performing digital enterprise [Electronic resource] / D. Desmet, E. Duncan, J. Scanlan, M. Singer // *McKinsey*. – September, 2015. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/six-building-blocks-for-creating-a-high-performing-digital-enterprise#>. – Date of access: 20.03.2020.
18. *Global Database on Intergenerational Mobility* [Electronic resource] // Development Research Group, World Bank. – Washington D.C., 2018. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/brief/what-is-the-global-database-on-intergenerational-mobility-gdim>. – Date of access: 25.03.2020.
19. Haskins, R. *Creating an Opportunity Society* / R. Haskins, I. Sawhill // *Brookings Institution Press*. – Washington DC, 2009. – 24 p.
20. Narayan, A. *Fair Progress?: Economic Mobility Across Generations Around the World*. *Equity and Development* [Electronic resource] / A. Narayan, R. Van der Weide, A. Cojocaru, C. Lakner, S. Redaelli, D. Mahler, R. Ramasubbaiah, S. Thewissen // *World Bank*. – Washington DC, 2018. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28428>. – Date of access: 25.03.2020.
21. Schleicher, A. *PISA-2018: Insights and Interpretations* / A. Schleicher // *OECD*. – 2019. – 64 p.
22. *The State of the World's Children 2016 statistical tables* [Electronic resource] // *UNICEF Data: Monitoring the situation of children and women*. – June 2016. – Mode of access: <https://data.unicef.org/resources/state-worlds-children-2016-statistical-tables/>. – Date of access: 09.03.2020.

Growth for everybody: equity as equality of opportunities

Dmitry KALECHITS, National Bank of the Republic of Belarus, Deputy Chairman of the Board, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: D.Kalechic@nbrb.by.

Natalya MIRONCHIK, National Bank of the Republic of Belarus, Head of Research Department, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: N.Mironchik@nbrb.by.

Mihail DEMIDENKO, National Bank of the Republic of Belarus, Deputy Head of Research Department, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: M.Demidenko@nbrb.by.

Abstract. Due to the slowdown of the Belarusian economy growth in the current decade, perspectives of its development in the context of global challenges, and first of all technological changes and structural transformation, the issues of equity, inequality and inclusive growth opportunities have become especially relevant. Results of research confirm that increase in labor productivity underlying the inclusive growth directly depends on providing businesses with level economic playing field, and citizens – with equal access to the enhanced capabilities – advanced knowledge and technologies. At the same time, the economic growth is possible due to the creation and maintenance of the economic entities' appropriate motivation to actively exercise their abilities, introduce innovations and assume risks. Respectively, a certain level of fair inequality is needed.

Keywords: economic growth; equity; equality and inequality of possibilities.

Экономический рост в Беларуси: идентификация барьеров и выбор приоритетов

Дмитрий КРУК

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: kruk@beroc.by

УДК 338.1 338.2

Ключевые слова:
экономический рост; производительность;
каналы экономического роста; детерминанты экономического роста;
политика содействия росту.

временном промежутке позволяет стабилизировать экономическую среду. В этом случае у экономики страны меньше шансов столкнуться с негативными структурными эффектами [2; 3], которые могут стать барьером на пути будущего роста. Кроме того, в этом случае меньше и вероятность нерационального задействования инструментов монетарной и фискальной политики для «маскировки» слабого экономического роста. Поэтому обеспечение высокого и устойчивого темпа экономического роста часто рассматривают как конечную цель функционирования экономики.

Роль экономического роста не исчерпывается экономической сферой жизни общества. Благополучие и экономический рост тесно связаны с развитием человеческого потенциала. Эта связь является двунаправленной: повышение темпов экономического роста развивает человеческий потенциал, а он, в свою очередь, может способствовать усилению и упрочению экономического роста [4]. Поэтому если развитие человеческого потенциала рассматривать как конечную цель функционирования индивидов и общества, то высокий и устойчивый экономический рост является одной из ключевых задач по ее достижению.

Несмотря на чрезвычайную важность, обеспечение высокого и устойчивого роста, особенно на длительных временных от-

резках, остается нетривиальной задачей. За последние 200 лет с ней справились лишь небольшое количество стран [1, с. 11–15]. Эти страны – составляющие сегодня группу с высоким уровнем дохода – смогли сделать беспрецедентный по историческим меркам рывок в уровне благосостояния, которое за 200 лет выросло в 11–30 раз [5]. Другие страны – составляющие сегодня группы с низким и средним доходом – росли значительно медленнее. Это породило существенные межстрановые различия в уровне доходов (соответствующий феномен часто именуется как Великое расхождение [6, с. 35]), а также наложило свой отпечаток на возможности и закономерности экономического роста для отдельных стран. В последние 30 лет многие страны с низким и средним уровнем дохода смогли обеспечить ускоренный экономический рост и несколько ослабить дивергенцию в благосостоянии. Вместе с тем эти страны еще очень далеки от передового рубежа. Если исходить из гипотезы сходимости [1, с. 331], то перспективы роста, сохраняющиеся у таких стран, еще очень велики.

Беларусь как страна со средним уровнем дохода – благополучие в стране составляет около 32% от передового рубежа² – вполне может и должна рассчитывать на опережающий (относительно мирового) темп экономического роста. Однако в последние 8–10 лет этот расчет

Экономический рост (его величина и устойчивость) является критически важным для любой страны. От темпа экономического роста зависит благосостояние страны¹ как в абсолютном, так и в относительном выражении (то есть в международных сопоставлениях) [1, с. 3–15]. Если темп экономического роста не только приемлемый по величине, но одновременно устойчивый и прочный, то он в некотором смысле становится самоподдерживающимся. Сочетание динамичности и устойчивости на длительном

¹ Под уровнем благосостояния подразумевается показатель дохода (ВВП) на душу населения.

² Собственные расчеты автора на основе данных базы Всемирного банка (World Development Indicators). Показатель рассчитан как отношение ВВП на душу населения по ППС (в международных долларах 2011 г.) в Беларуси к аналогичному показателю для США.

не оправдывается. Такая ситуация опасна для страны, поскольку она «репрессирует» не только текущий уровень благосостояния, но и будущий. Столь слабые результаты на фоне имеющегося потенциала указывают на наличие существенных барьеров для экономического роста в стране. Целью данной статьи является идентификация таких барьеров, а также выбор приоритетов для обеспечения высокого и устойчивого экономического роста в стране.

Последствия и угрозы слабого роста в Беларуси

Ключевой проблемой белорусской экономики на протяжении уже около 10 лет является слабый, особенно по меркам стран со средним уровнем дохода, рост выпуска. Первые признаки ухудшения потенциала роста стали наблюдаться еще в 2007 г., когда присущий первой декаде 2000-х гг. устойчивый темп роста около 7–8% в год стал быстро ослабевать [7]. К 2015 г. упрочение этой тенденции привело к тому, что потенциал роста ослаб до 1,5–2,5% в год [8]. Попытки «замаскировать» эту концептуальную проблему посредством предоставления краткосрочных экономических стимулов привели к нескольким валютным кризисам (в 2011 г. и 2015 г.) [9], а также ввергли страну в рецессию в 2015–2016 гг. [8]. В результате фактический рост продолжал снижаться, а за последние 5 лет он был даже ниже потенциала: за период 2015–2019 гг. ВВП в Беларуси вырос лишь на 0,7%. На основании этого можно констатировать, что белорусская экономика находится в состоянии стагнации.

Стагнация в последние годы привела к тому, что Беларусь из лидера роста в регионе Центральной Европы и Балтии (далее – ЦЕБ)³ стала одним из аутсайдеров, а уровень благосостояния по сравнению со странами ЦЕБ по-

сле 20 лет роста (в 1995–2014 гг.) стал снижаться (с 2015 г.). Например, на пике 2012–2014 гг. реальное благосостояние в Беларуси составляло около 77% от среднего уровня по 11 странам ЦЕБ, тогда как к 2019 г. оно снизилось до уровня около 64%.

Последствия слабого роста не исчерпываются стагнацией благосостояния и ухудшением позиций в международных сопоставлениях. Дефицит роста сегодня может также формировать барьеры для будущего роста, негативно влияя на накопление человеческого капитала и актуализируя социальные вызовы. Например, на фоне растущей разбежки в доходах в последние годы ощутимо усилился миграционный отток в соседние страны, что для Беларуси чревато нехваткой человеческого капитала для будущего роста. Кроме того, отток квалифицированных специалистов в отдельных социально значимых отраслях, например здравоохранении, чреват и социальными вызовами.

Слабый рост может генерировать негативные структурные эффекты, а также «подорвать сверху» макроэкономическую стабильность. В конечном итоге они могут сформировать своеобразный порочный круг. Например, работы [2; 3] показывают, что ослабление роста может приводить к устойчивым изменениям в поведении на рынке труда со стороны как фирм, так и домашних хозяйств. Это, в свою очередь, порождает снижение равновесного уровня занятости. В результате рынок труда, а через него и вся экономика могут быть подвержены гистерезису [3], то есть возможности будущего роста будут скованны.

Также следствием слабого роста является снижение естественного уровня процентной ставки в экономике. Особенно чувствительным оно может быть, если усиливает уже существующий тренд, предопределенный негативным темпом прироста рабочей силы,

вследствие либо демографических причин, либо структурных эффектов на рынке труда. Снижение естественной процентной ставки может изменить мотивацию как фирм, осуществляющих инвестиции, так и домашних хозяйств, осуществляющих сбережения [10]. В результате экономика с такими структурными ограничениями может попадать в ловушку стагнации [11]. Попытки выйти из Вечной стагнации [10] чреваты нарушением макроэкономической стабильности. Во-первых, снижающийся уровень естественной процентной ставки дезориентирует центральный банк, обуславливая избыточную жесткость или мягкость монетарной политики. Во-вторых, в условиях слабого потенциального роста у экономических властей велик соблазн пойти по иллюзорно легкому пути стимулирования спроса.

Актуальность всего перечня указанных эффектов слабого роста пока не очевидна для Беларуси, но их симптомы постепенно проявляются и нарастают [12]. Наилучшим выходом из такой ситуации является не противодействие симптомам, а устранение порождающей их причины – слабого экономического роста. Другими словами, Беларуси крайне необходимо преодолеть дефицит роста, обеспечив его высокий и устойчивый темп. Исходя из текущего статус-кво экономической среды, а также роли и места Беларуси в международных сопоставлениях, в качестве целевого для страны в ближайшие десять лет уместно и целесообразно рассматривать темп роста в диапазоне 5–7% в год [12].

Причины ослабления роста в Беларуси

Большинство современных моделей экономического роста постулируют, что основным его каналом является общефакторная производительность (далее – ОФП)⁴ [1, с. 861–862]. Причем

³ В рамках базы данных Всемирного банка (World Development Indicators) данная группа состоит из 11 стран: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Хорватия, Словакия, Словения, Польша, Румыния, Чехия, Эстония.

⁴ Теория экономического роста оперирует терминами «канал (фактор)» и «детерминанта» экономического роста [13; 14]. Термин «канал (фактор) экономического роста» отражает вклад в рост накопления факторов производства (труда, человеческого капитала, физического капитала) и общефакторной производительности на основе процедуры разложения роста по факторам (бухгалтерии роста). Термин «детерминанта роста» призван отразить причины роста. При этом детерминанты могут генерировать рост через различные каналы. Иногда могут использовать несколько отличающиеся термины. Например, в [1] аналогичными по смыслу терминами являются «сопутствующие причины» (proximate causes) и «фундаментальные причины» (fundamental causes).

ОФП является единственным каналом, который может обеспечить устойчивость роста. Накопление факторов производства, как правило, сопутствует росту производительности, а их накопление без роста производительности может обеспечить лишь транзитивный (временный) рост. Такая механика роста не подразумевает, что накопление факторов производства не важно для экономики. Скорее, она подразумевает, что для устойчивого роста накопление капитала должно быть обусловлено ростом ОФП. Многочисленные работы эмпирически подтверждают такие теоретические выводы [6, с. 46–58].

На практике многие страны в своей политике содействия росту далеко не всегда действовали по предписаниям современной теории. Во второй половине XX в. такая политика во многих развивающихся странах целенаправленно опиралась на идею накопления капитала [15, с. 25–69]. Интенсивность и масштаб его накопления в ряде случаев были столь высоки, что в экономической литературе этот путь стал именоваться инвестиционным фундаментализмом [15, с. 47]. Его теоретическим обоснованием стала модель Харрода – Домара⁵, основывающаяся на посылке о постоянной предельной производительности капитала. Вследствие ложности этой посылки в отношении среды долгосрочного роста в подавляющем большинстве случаев целенаправленная ставка на капитал себя не оправдала [15, с. 37–45].

Ряд новаторских выводов теоретических и эмпирических работ 90-х гг. XX в. иногда некорректно интерпретируются в качестве новых опор для идеи инвестиционного фундаментализма. Например, в [16] демонстрируется, что в период 1960–1990 гг. большинство стран, причисляемых к «азиатским тиграм», росли преимущественно на основе накопления капитала. В качестве аргумента в поддержку инвестиционного фундаментализма иногда используется и концепция технического прогресса, воплощенного в капи-

тале (далее – ТПВК). Она предполагает, что инвестиции в машины и оборудование напрямую генерируют рост ОФП [17; 18; 19]. Концепция ТПВК имеет определенные эмпирические подтверждения [20; 21; 22].

Однако вопреки значимости этих выводов для экономической теории они принципиально ничего не меняют в отношении политики содействия росту. Результаты [16] отнюдь не отвергают важность ОФП. В самой работе [16] отмечалось, что быстрый рост капитала среди «азиатских тигров» сочетался с «ни чрезмерно низким, но и не чрезвычайно высоким ростом производительности». Поэтому если расчеты в [16] полностью корректны, то они иллюстрируют, что рассматриваемый период для «азиатских тигров» имел черты предсказываемого теорией транзитивного роста с быстрым накоплением капитала. Однако впоследствии эти расчеты, а потому и их интерпретация подверглись пересмотру, что еще больше облизало их с теорией. В [23] показано, что расчеты [16] чувствительны к спецификации процедуры разложения роста по факторам. Учет в этой процедуре причинно-следственных связей между капиталом и ОФП позволил [23] утверждать, что ключевым каналом роста «азиатских тигров» все же являлась ОФП.

Схожим образом обстоит ситуация и с концепцией ТПВК. Во-первых, она теоретически непротиворечива и неоднозначна [22]. Во-вторых, даже если ее принять, она никоим образом не отменяет важности и приоритетности стандартных (нейтральных) механизмов роста ОФП. В противном случае накопление капитала в целях роста ОФП грозит обернуться негативным воздействием на выпуск вследствие несоответствия других факторов производства и детерминант производительности внедряемому капиталу [24]. Например, для внедряемых на основе капитала инноваций могут быть не подготовлены бизнес-процессы, человеческий капитал или же затраты на проект при статус-кво могут быть неоправданно

высокими [24]. В-третьих, стремление обеспечить воплощенный в капитале технический прогресс чревато структурным негативным воздействием на занятость [25].

Несмотря на накопленный отрицательный опыт и все более явные противоречия с теорией, ориентация на накопление капитала в ряде стран сохраняется до сегодняшнего дня. Одной из причин этого является простота воплощения стратегии инвестиционного фундаментализма. Вместо поиска ответа на трудные вопросы о механизмах роста ОФП можно пойти легким путем и сконцентрировать усилия экономических властей на обеспечении роста инвестиционной активности. Более того, в этом случае достаточно логично могут выглядеть аргументы в пользу активной распределительной роли государства, в том числе на финансовых рынках. В этом случае концепция инвестиционного фундаментализма может становиться ценностью сама по себе.

Основным каналом роста в Беларуси долгие годы является накопление капитала [7; 26]. На протяжении примерно 10 лет до 2008 г. такая стратегия роста давала результаты. На начальных этапах запас капитала и его качество были относительно низки, при том что продукция имеющихся производств пользовалась расширяющимся спросом. Поэтому предельная производительность капитала была существенно выше равновесного уровня для Беларуси [8] и не снижалась, несмотря на рост запаса капитала. Более того, косвенные индикаторы⁶ дают основания предположить, что в этот период накопление капитала сочеталось с умеренным ростом ОФП. В результате потенциальный рост в период 2003–2008 гг. вышел на свой максимум. Этот период можно считать наглядной иллюстрацией транзитивного роста на основе капитала, предсказываемого теорией.

Успех начала 2000-х гг. во многом предопределил сохранение ориентации на ускоренное накопление капитала в последующие

⁵ Авторами эта модель задумывалась для анализа краткосрочных колебаний инвестиционной активности и не подразумевала возможности анализа долгосрочного экономического роста [15, с. 29].

⁶ Для периода до 2006 г. отсутствуют все необходимые данные для процедуры разложения роста по факторам в соответствии с [26].

годы. Однако предпосылок для роста ОФП после 2008 г. практически не было [26]. Бурный рост капитала при стагнации ОФП обусловил ослабление потенциального роста с 2009 г., а также формирование тренда на снижение предельной производительности капитала [8]. С этого момента в экономике все в большей мере стали проявляться «хронические болезни» инвестиционного фундаментализма. Ответом на проседание роста вследствие недостатка ОФП стало усиление инвестиционной активности в 2009–2014 гг. Попытка компенсировать капиталом недостаток производительности привела к тому, что капитал стал «репрессировать» производительность. За период 2009–2016 гг. ОФП в Беларуси сократилась, внося отрицательный вклад в динамику выпуска [7]. Механизмами, которые обусловили это снижение, стали нарастающая неэффективность в распределении факторов производства в экономике, техническая неэффективность и избыточный масштаб отдельных производств, а также искажения в наборе производимых товаров [8].

Ощутимое проседание ОФП⁷ (вместо «нормальности» в виде ее роста) обусловило и быстрое снижение темпа роста выпуска в Беларуси. Это привело к дальнейшему снижению предельной производительности капитала: к 2014 г. ее фактическое значение достигло своего равновесного для белорусской экономики уровня, а впоследствии опустилось ниже него [8]. В результате поддержание прежнего уровня инвестиционной активности зачастую становилось неоправданным даже исходя из краткосрочных финансовых соображений. Поэтому с 2015 г. доля инвестиций в выпуске существенно снизилась, что обусловило снижение темпов накопления капитала и дополнительное негативное воздействие на потенциальный выпуск. На сегодняшний день, по разным методологиям, он находится в диапазоне 0–3,5% [27]⁸.

Идентификация барьеров роста и выбор новых приоритетов

Концептуальной причиной замедления роста в Беларуси стала его чрезмерная ориентация на накопление капитала. Соответственно, обобщенным рецептом для повышения роста и его устойчивости является необходимость переориентации на ОФП. Такая рекомендация однозначно вытекает из теории и накопленного в мире опыта реализации политики содействия росту. В случае Беларуси важно, чтобы такая переориентация имела безусловный характер. Страна несет значительные потери в эффективности вследствие сложившейся практики накопления капитала с активной распределительной функцией государства на финансовом рынке. Восстановление здоровой причинно-следственной связи между ОФП и капиталом (рост ОФП порождает рост капитала) позволит избежать накопления новых диспропорций в распределении, обеспечит согласованность между этими каналами роста. Поэтому такой путь, ассоциируемый с отказом от активной распределительной функции государства на финансовом рынке (или, по крайней мере, ее значительным ослаблением), уже сам по себе может быстро и ощутимо усилить экономический рост в стране. Такой шаг эквивалентен устранению одного из наиболее значимых барьеров. Более того, его подкрепление нейтрализацией сложившихся диспропорций в распределении может обеспечить дополнительный однократный прирост ВВП не менее чем на 10% [26]. Но вполне вероятно, что фактические диспропорции в распределении имеют больший масштаб [6, с. 60–67], а потому транзитивные выигрыши в росте могут оказать еще более значимыми.

Предложенный принцип верховенства соображений производительности сохраняет свою актуальность, даже если в фокусе

повестки политики содействия росту в той или иной мере актуальна концепция ТПВК. Как показано выше, в ее рамках также чрезвычайно важно сохранять согласованность между каналами роста. Однако следует отметить, что перспективность этой концепции для Беларуси весьма сомнительна. Как показано в [29], даже если все предпосылки ТПВК будут реализованы, то влияние этого механизма на рост будет скромным (примерно в 4 раза слабее стандартных эффектов роста ОФП). Кроме того, стремление обеспечить рост на основе механизма ТПВК чревато накоплением макроэкономических дисбалансов.

Ориентация на ОФП для усиления и упрочения экономического роста может рассматриваться как универсальная рекомендация для любой страны. Однако непосредственные меры, которые необходимы и эффективны для обеспечения роста ОФП, могут отличаться между странами. Выбор соответствующих приоритетов на основе индивидуального подхода к стране особенно важен в случае стран с развивающимся рынком [30].

В литературе отсутствует универсальный алгоритм для выбора приоритетов политики содействия росту на уровне отдельной страны. Тем не менее для страны с развивающимся рынком в первую очередь обычно оценивается состояние отдельных детерминант ОФП. Для этого необходимо задействовать тот или иной набор соответствующих детерминант. Проводить такой анализ (для страны с развивающимся рынком) предпочтительно на основе международных сопоставлений, так как динамика отдельных индикаторов внутри самой рассматриваемой страны в этом случае мало информативна с точки зрения определения расстояния до передового рубежа. В зависимости от роли, места страны и величины ее дохода в международном сопоставлении определяется эталон для сравнения. Сравнение состо-

⁷ На снижение ОФП в период 2009–2016 гг. указывает также «внешний» показатель отношения рыночного обменного курса к курсу по ППС (Репн World Tables 9.1). Этот показатель демонстрирует степень воздействия на экономику эффекта Балассы – Самуэльсона, а потому его можно рассматривать также как близость к передовому рубежу глобальной экономики. За период 2009–2016 гг. данный показатель снизился, оставаясь одним из самых низких среди стран ЦЕБ. Еще одним «внешним» свидетельством снижения производительности в рамках этого периода является динамика качественных показателей экспорта и экспортной корзины (которые по определению связаны с производительностью), рассчитанных в работе [28].

⁸ С учетом структурных шоков на рубеже 2019–2020 гг. верхняя граница этого диапазона, вероятно, сдвинется вниз до отметки 2–2,5%.

яния детерминант ОФП в стране с выбранным эталоном позволяет выявить ее сильные и слабые стороны. Если в отношении детерминант, классифицируемых как слабые, отсутствуют какие-либо непреодолимые барьеры для догоняющего развития, то такие детерминанты логично классифицировать как приоритеты для политики содействия росту.

Для проведения подобной процедуры в отношении Беларуси были использованы два набора детерминант ОФП. Во-первых, это индикаторы ЕБРР, разрабатываемые банком с 2017 г. [31]. Данные индикаторы призваны отразить характеристики качества, эффективности и устойчивости функционирования экономики [31, с. 106]. Это позволяет ожидать, что они тесно связаны с ОФП. В данной системе индикаторов Беларусь представлена напрямую, что дает возможность непосредственных сравнений с эталоном, в качестве которого выступает группа стран ЦЕБ, однако без учета Чехии, для которой ЕБРР не рассчитывал рассматриваемые индикаторы.

В качестве второго набора детерминант ОФП используются индикаторы индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) [32]. Система данных индикаторов тесно связана с положениями

теории экономического роста, а их значения с динамикой ОФП [32, с. 3–4]. Использование этой группы детерминант затрудняет то, что Беларусь не представлена в данном индексе. Поэтому ее положение по данным индикаторам можно отследить, лишь получив предварительные индикативные оценки по ним для Беларуси. Подобные индикативные оценки на основе международных сопоставлений для индекса 2013–2014 гг. были получены в работе [33]. Используя подход [33], автором были получены индикативные оценки для индекса 2017–2018 гг., и на их основе были осуществлены международные сопоставления. В качестве эталона для сравнения в этом случае выступает группа стран ЦЕБ.

Результаты сопоставлений представлены в *таблице*.

Результаты проведенных сопоставлений свидетельствуют о том, что по большинству детерминант ОФП Беларусь отстает от стран ЦЕБ. Причем на основе индикаторов ЕБРР, где нет необходимости в дополнительных индикативных оценках, это отставание более существенно. Наибольшие упущения, а соответственно и возможности для роста, Беларусь демонстрирует по индикаторам устойчивости и стабильности, открытости и интегрированности, конкуренции, качества управле-

ния. Такие «пробелы» отчасти коррелируют с индикаторами ВЭФ. По ним наибольшее отставание характерно для качества макроэкономической среды, финансовой системы, технологической оснащенности и высшего образования.

Совмещая оценки по обоим подходам, можно заключить, что наилучшие перспективы роста ОФП связаны с повышением качества макроэкономической среды, финансового посредничества, высшего образования, а также повышением открытости и интегрированности национальной экономики в мировую. Важным резервом роста ОФП является также институциональный прогресс, в первую очередь в области конкурентной среды и качества управления.

* * *

С темпом экономического роста Беларуси за последние 20 лет произошли необычные метаморфозы. В начале 2000-х гг. форсированное накопление капитала обеспечило стране транзитивный период ускоренного роста (около 8% в год). Но позднее оно же, перерастая в инвестиционный фундаментализм, стало приводить к торможению роста, усиливая дефицит ОФП. Дефицит ОФП, в свою очередь, обусловил финансовую нецелесообразность части

Таблица

Сравнительный анализ детерминант ОФП в Беларуси и странах ЦЕБ

Детерминанты 1	Беларусь к ЦЕБ, %	Детерминанты 2	Беларусь к ЦЕБ, %
Конкуренция	77,1	Институты	95,9
Качество управления	76,1	Инфраструктура	93,7
Экологичность	97,4	Макроэкономическая среда	75,5
Инклюзивность	90,9	Здравоохранение и начальное образование	100,4
Устойчивость и стабильность	57,5	Высшее образование	91,5
Открытость и интегрированность	72,7	Эффективность товарных рынков	96,2
		Эффективность рынка труда	96,0
		Финансовый рынок	88,7
		Технологическая оснащенность	89,3
		Размер рынка	101,3

Примечания: 1. Собственные расчеты и данные *Global Competitiveness Index*, EBRD.

2. Детерминанты 1 – индикаторы ВЭФ. Детерминанты 2 – индикаторы ЕБРР. Все данные представлены в виде процентного отношения значения индикатора для Беларуси к среднему значению соответствующего индикатора по странам ЦЕБ.

инвестиций и вынудил существенно остудить инвестиционную активность. В результате потенциал роста значительно ослаб. На сегодняшний день по разным методологиям он находится в диапазоне 0–3,5%, тогда как для Беларуси адекватным целям развития является рост 5–7% в год. Для повышения темпа экономического роста и обеспече-

ния его устойчивости стране необходимо изменить стратегию роста. Для этого целесообразно отказаться от целенаправленного и форсированного накопления капитала, а ключевым каналом роста должна стать эффективность – общая производительность факторов производства. Приоритетными направлениями для обеспечения повышения эф-

фективности работы экономики видятся повышения качества макроэкономической среды, финансового посредничества, высшего образования, а также институциональный прогресс в области конкурентной среды и качества управления.

* * *

Материал поступил 26.03.2020.

Библиографический список:

1. Acemoglu, D. *Introduction to modern economic growth* / D. Acemoglu. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 990 p.
2. Phelps, E. *Money-wage dynamics and labor-market equilibrium* / E. Phelps // *J. of Political Economy*. – 1968. – № 4 (76). – P. 678–711.
3. Blanchard, O. *Hysteresis and the European Unemployment Problem* / O. Blanchard, L. Summers // *NBER Macroeconomics Annual*. – 1986. – № 1. – P. 15–78.
4. Ranis, G. *Human development and economic growth [Electronic resource]* / G. Ranis // Yale University. – Mode of access: http://www.econ.yale.edu/growth_pdf/cdp887.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
5. Bolt, J. *Rebasing 'Maddison': New income comparisons and the shape of long-run economic development [Electronic resource]* / J. Bolt, R. Inklaar, H. de Jong, J. van Zanden // University of Groningen. – Mode of access: https://www.rug.nl/ggdc/html_publications/memorandum/gd174.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
6. Джонс, Ч.И. *Характеристики экономического роста* / Ч.И. Джонс // *Справочное руководство по макроэкономике. Книга 1. Факты об экономическом росте и экономических колебаниях* / Д.Б. Тейлор, Х. Улг. – М., 2019. – С. 1–78.
7. Kruk, D.E. *Economic growth in Belarus: what lies beneath the stylized facts* / D.E. Kruk // *Economics. J. of Belarusian State University*. – 2018. – № 1. – P. 132–144.
8. Крук, Д.Э. *Причины и характеристики экономического спада в Беларуси: роль структурных факторов [Электронный ресурс]* / Д.Э. Крук // *Белорусский исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_42.pdf. – Дата доступа: 26.03.2020.
9. Kruk, D. *Belarus' Anti-Crisis Management: Success Story of Delayed Recession?* / D. Kruk // *Europe-Asia Studies*. – 2013. – № 3 (65). – P. 473–488.
10. Summers, L. *U.S. Economic prospects: secular stagnation, hysteresis, and the zero lower bound* / L. Summers // *Business Economics*. – 2014. – № 2 (49). – P. 65–73.
11. Benigno, G. *Stagnation traps* / G. Benigno, L. Fornaro // *Review of Economic Studies*. – 2018. – № 3 (85). – P. 1425–1470.
12. Крук, Д.Э. *Ориентируясь на лидеров ЦВЕ: какой темп роста нужен Беларуси [Электронный ресурс]* / Д.Э. Крук // *Белорусский исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: <http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP-59.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2020.
13. Barro, R. *Economic growth in a cross-section of countries* / R. Barro // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1991. – № 2 (106). – P. 407–443.
14. Hall, R. *Why do some countries produce so much more output per worker than others?* / R. Hall, C. Jones // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1999. – № 1 (114). – P. 83–116.
15. Easterly, W. *The elusive quest for growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics* / W. Easterly. – Cambridge: The MIT Press, 2009. – 342 p.
16. Young, A. *The tyranny of the numbers: confronting the statistical realities of the East Asian growth experience* / A. Young // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1995. – № 3 (110). – P. 641–680.
17. Greenwood, J. *Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change* / J. Greenwood, Z. Hercowitz, Z. Krusell // *American Economic Review*. – 1997. – № 3 (87). – P. 342–362.
18. Hornstein, A. *Can Technology Improvements Cause Productivity Slowdowns?* / A. Hornstein, P. Krusell // *NBER Macroeconomic Annual* / J. Rotemberg, B. Bernanke. – Cambridge, 1996. – P. 209–276.
19. De Long, J. *Equipment Investment and Economic Growth* / J. De Long, L. Summers // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1992. – № 2 (106). – P. 445–502.
20. Skare, M. *The Role of Equipment Investments in Economic Growth: Cointegration Analysis* / M. Skare, D. Sinkovic // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. – 2013. – № 1 (6). – P. 29–46.
21. Sakellaris, P. *Quantifying embodied technological change* / P. Sakellaris, D. Wilson // *Review of Economic Dynamics*. – 2004. – № 1 (7). – P. 1–26.
22. Hercowitz, Z. *The 'embodiment' controversy: A review essay* / Z. Hercowitz // *Journal of Monetary Economics*. – 1998. – № 41. – P. 217–224.
23. Klenow, P. *The neoclassical revival in growth economics: has it gone too far?* / P. Klenow, A. Rodriguez-Clare // *NBER Macroeconomic Annual* / B. Bernanke, J. Rotemberg. – Cambridge, 1997. – P. 73–114.
24. Boucekkine, R. *Technological Progress and Investment: A Non-Technical Survey [Electronic resource]* / R. Boucekkine, B. Oliveira Cruz // Aix Marseille School of Economics. – Mode of access: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01145485/document>. – Date of access: 26.03.2020.

25. Dosi, G. *Embodied and disembodied technological change: The sectoral patterns of job-creation and job destruction* / G. Dosi, M. Piva, M. Virgillito, M. Vivarelli // *Sant'Anna School of Advanced Studies*. – Mode of access: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203104/1/1667929909.pdf>. – Date of access: 26.03.2020.
26. Kruk, D. *Belarusian economic growth decomposition* [Electronic resource] / D. Kruk, K. Bornukova // *Belarusian Economic Research and Outreach Center*. – Mode of access: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/WP_24_eng_Bornukova&Kruk.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
27. Крук, Д. *Перспективы и вызовы для белорусской экономики в среднесрочном периоде (2018–2020 гг.)* [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // *Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_54.pdf. – Дата доступа: 26.03.2020.
28. Тоцицкая, И. *Ловушка низких темпов роста: факторы и риски для Беларуси* [Электронный ресурс] / И. Тоцицкая // *Исследовательский центр ИПМ*. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2018r02.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2020.
29. Kruk, D. *Stimulating Growth in Belarus: Selecting the Right Priorities* [Electronic resource] / D. Kruk // *FREE Network*. – Mode of access: https://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2014/11/freepolicybriefs_nov17.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
30. Kruk, D. *Productivity or the external environment: which is more important for growth in emerging markets?* / D. Kruk // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. – 2019. – № 2 (7). – P. 119–139.
31. *Transition Report 2017–2018. Sustaining growth* / *European Bank for Reconstruction and Development*. – London: *European Bank for Reconstruction and Development*, 2017. – 116 p.
32. *The global competitiveness report 2017–2018* / *World Economic Forum*. – Geneva: *World Economic Forum*, 2017. – 381 p.
33. Evans, A. *Ranking Belarus on competitiveness and economic freedom* / A. Evans, S. Naurodski // *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*. – 2019. – № 2 (8). – P. 226–240.

Economic growth in Belarus: identification of barriers and choice of priorities

Dzmitry KRUK, *BEROC Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: kruk@beroc.by.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of economic growth in Belarus. It shows that the steady rate of economic growth in Belarus has noticeably weakened in recent years, which was due to accelerated capital accumulation. In order for the growth rate to reach the desired values and become stable, the country needs to ensure the growth of the overall productivity of factors of production by increasing the efficiency of the economy. The article identifies barriers that hinder productivity growth today, as well as measures to ensure its growth in the future.*

Keywords: *the economic growth; performance; channels of economic growth; determinants of economic growth; growth promotion policies.*

Качество роста белорусской экономики

Василий КОМКОВ

Белорусский государственный университет, профессор,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: vaskom@tut.by

УДК 330.356.3

Ключевые слова:

экономический рост; инвестиции; эффективность накопления; производительность труда; благосостояние; макроэкономическая модель; закон убывающей отдачи факторов.

накопление капитала, плановые органы разработали и реализовали обширные государственные инвестиционные программы, о масштабах которых говорят хотя бы такие факты: объем основного капитала за последние 9 лет (2010–2019 гг.) увеличился на 56%, а средняя норма накопления основного капитала в эти годы превышала 31%, что намного превосходит значение этого показателя в большинстве европейских стран. Видимо, от таких масштабных инвестиционных вливаний в белорусскую экономику ожидалась более весомая отдача, о чем можно судить по оптимистичным цифрам экономического роста, заложенным в планы развития белорусской экономики на предыдущую пятилетку, а также по завышенным ожиданиям от проведенной позже массовой кампании модернизации

отечественных предприятий. Но, к сожалению, эти ожидания оказались очень далеки от реальной действительности, а белорусская экономика втянулась в длительный период низких темпов роста.

На *рисунке 1* представлены графики изменения в 2001–2019 гг. двух макроэкономических индикаторов, характеризующих количественный и качественный аспекты инвестиционного процесса в белорусской экономике: нормы валового накопления основного капитала и эффективности его накопления, рассчитываемой как отношение прироста ВВП к приросту капитала. На *рисунке 1* просматривается заметная тенденция снижения эффективности накопления капитала, которая резко обозначилась в годы плановой пятилетки 2006–2010 гг. Именно в этом периоде началось резкое увели-

В Беларуси выстроена сложная система разработки и согласования различных планов и программ экономического развития с различной продолжительностью планового периода. Эта система, частично унаследованная от советской экономики, основное внимание уделяет количественным аспектам экономического роста, ориентируя его на достижение максимально высоких темпов роста объемов производства и производительности труда. Если судить по темпам роста ВВП, то до определенного времени наша экономика добивалась существенных результатов, а Беларусь считалась одной из наиболее динамично развивающихся стран.

Полагая, что основным фактором повышения ВВП и производительности труда является

Динамика нормы накопления основного капитала и эффективности его накопления в период 2006–2010 гг.

Примечание. Расчеты автора на основе данных Всемирного банка.

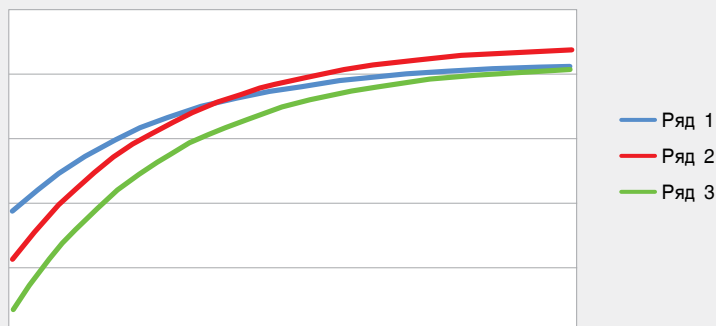
Рисунок 1

чение доли инвестиций в составе ВВП, о чем свидетельствует рост нормы накопления основного капитала с 19,6% в 2004 г. до 35,4% в 2010 г. Эффективность же накопления в это время неуклонно снижалась от уровня 0,63 в 2004 г. до 0,24 в 2010 г. Очевидный вывод, который следует из сопоставления двух указанных тенденций, заключается в том, что объективной основой их формирования является известный экономический закон убывающей отдачи факторов, действие которого было обусловлено попыткой ускорить экономический рост на экстенсивной основе за счет резкого увеличения инвестиционных вливаний в экономику.

Выявить и оценить интенсивность действия закона убывающей отдачи факторов можно на основе сопоставления динамики показателей производительности труда и его капиталовооруженности. Если темпы прироста второго из этих показателей опережают темпы изменения первого, то это свидетельствует об убывающей отдаче капитала. В этом случае коэффициент эластичности производительности труда по его капиталовооруженности должен быть меньше единицы, и чем сильнее понижающее воздействие закона убывающей отдачи на эффективность инвестиций, тем меньшим должно быть значение этого коэффициента.

Развитие экономики в условиях действия закона убывающей отдачи факторов имеет свои особенности, которые, к сожалению, не всегда учитываются нашими плановыми органами. Одну из таких особенностей выявил лауреат Нобелевской премии Р. Солоу. В работе [1] он на основе анализа решений построенной им макро-модели доказал, что экономический рост с постоянной нормой накопления и убывающей отдачей капитала имеет свой предел, преодолеть который невозможно за счет увеличения объемов инвестирования. Более того, на основе его модели можно рассчитать так называемую «золотую норму накопления», превышение которой теряет всякий экономический смысл, поскольку ведет к бесполезной растрате инвестиционных ресурсов, не позволяя увеличивать народное благосостояние.

Варианты траекторий удельного потребления при различных нормах накопления капитала в условиях его убывающей отдачи

Примечание. Расчеты автора.

Рисунок 2

На *рисунке 2* представлены рассчитанные на основе модели Солоу траектории роста удельного потребления в условной закрытой экономике при трех различных постоянных нормах накопления капитала, одна из которых (ряд 2) соответствует «золотой норме», другая (ряд 1) меньше ее, а третья (ряд 3) ее превосходит. На *рисунке 2* видно, что начальный уровень потребления при «золотой норме накопления» ниже его уровня при самой меньшей норме, но с течением времени уже превосходит его. То есть в этом случае наблюдается привычная и понятная ситуация: инвестируя в экономику, можно сначала потерять в потреблении, но зато в дальнейшем можно восполнить потери. Однако при увеличении нормы накопления сверх ее «золотого уровня» картина существенно меняется. В этом случае и начальный, и предельный уровни удельного потребления должны быть ниже того уровня этого показателя, который может быть достигнут при росте на основе «золотого правила накопления».

Как видно на *рисунке 2*, график удельного потребления при самой высокой норме потребления находится ниже графика, соответствующего инвестиционной стратегии, ориентированной на поддержание постоянной «золотой нормы накопления». Это наглядно показывает явную экономическую нецелесообразность реализации инвестиционных стратегий с нормой накопления, превы-

шающей ее «золотое» значение. Более того, можно доказать, что «золотая норма накопления» оказывается равной коэффициенту эластичности производительности труда по его капиталовооруженности, если этот коэффициент не изменяется с течением времени.

Выводы, полученные на основе модели Солоу, говорят о том, что выбор инвестиционной стратегии, ориентированной на сохранение постоянной нормы накопления в условиях действия закона убывающей отдачи капитала, неизбежно влечет за собой снижение темпов экономического роста. В работе [2] представлены результаты модельного анализа последствий другой инвестиционной стратегии, которая ориентируется на поддержание неизменных темпов роста капиталовооруженности.

Расчеты показали, что в условиях снижения отдачи капитала реализация такой стратегии неизбежно потребует увеличивать норму накопления, что, в свою очередь, влечет за собой снижение темпов роста потребления. Для этого случая также рассчитан предельный темп прироста капиталовооруженности, превышение которого теряет экономический смысл, поскольку уже не позволяет повышать благосостояние.

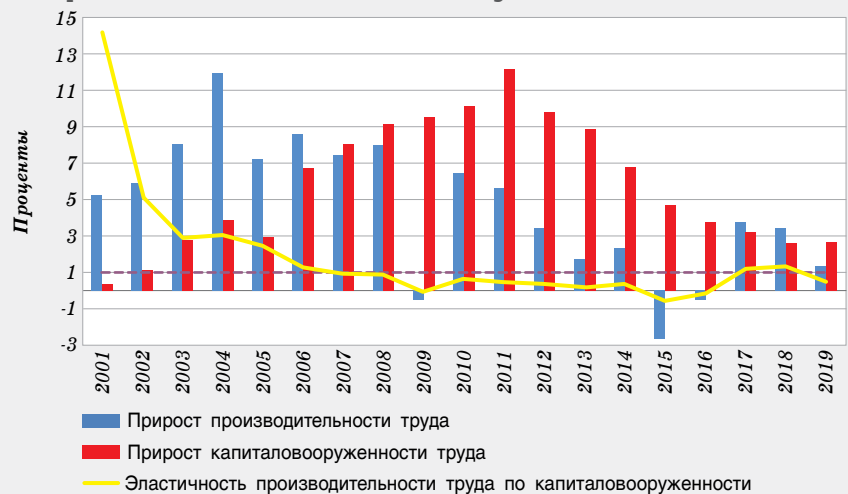
Следовательно, в условиях убывающей отдачи капитала совершенно нереалистичными следует считать стратегии, которые предполагают поддерживать неизменные пропорции распределения ВВП, не снижая при этом темпов экономического роста. Попытки

стабилизировать темпы роста неизбежно потребуют увеличивать норму накопления капитала, а желание сохранять неизменной норму накопления оказывается несовместимым со стабильными темпами экономического роста. В первом случае повышение нормы накопления неизбежно ведет к замедлению темпов роста потребления вплоть до их перехода в область отрицательных значений. Во втором случае стабильные пропорции распределения ВВП позволяют увеличивать благосостояние синхронно с повышением производительности труда, но рост производительности при этом быстро замедляется, упираясь в ограниченный предел. В условиях убывающей отдачи факторов экономический рост не может быть устойчивым, и даже при увеличении производительности труда перспективы повышения народного благосостояния ограничены довольно жесткими рамками, расширить которые невозможно за счет увеличения объемов инвестирования.

На *рисунке 3* представлены графики темпов прироста производительности труда, капиталовооруженности и соответствующего коэффициента эластичности в белорусской экономике периода 2001–2019 гг. На *рисунке 3* видно, что почти все время начиная с 2007 г. темпы прироста производительности были ниже темпов капиталовооруженности труда, поэтому значение коэффициента эластичности, являющегося индикатором убывающей отдачи капитала, было меньше единицы. Возросшее негативное влияние этого закона на эффективность инвестиций было спровоцировано неоправданно резким повышением их объема в пятилетке 2006–2010 гг., в течение которой объем накопления капитала увеличился в 2,34 раза.

Статистические данные этого периода наглядно демонстрируют плоды ускорения экономического роста в условиях снижающейся эффективности накопления. Такой рост, побуждающий прибегать к чрезмерному эмиссионному кредитованию субъектов хозяйствования и внешним заимствованиям, дестабилизировал финансовую систему страны, о чем свидетельствует отчетная информация по

Темпы прироста производительности, капиталовооруженности и показатель эластичности, отражающий взаимосвязь между ними в 2001–2019 гг.

Примечание. Расчеты автора на основе данных Всемирного банка и Белстата.

Рисунок 3

инфляции (индекс роста потребительских цен – 164%) и девальвации (курс белорусского рубля снизился почти на 40%). Данные об изменении внешней задолженности нашей страны объясняют, почему такое ускорение не привело к снижению народного благосостояния. За эти 5 лет валовой внешний долг увеличился в 5,5 раза, а в абсолютном выражении возрос на 23,3 млрд. долл., то есть на сумму, которая примерно равна выраженному в долларах объему ВВП, полученного в нашей стране в 2004 г.

Высокий внешний долг страны, тяжелое финансовое положение многих субъектов хозяйствования и прочие негативные последствия этой «ударной пятилетки» и последовавшей за ней массовой кампании модернизации отечественных предприятий страна ощущает до сих пор. Более того, экономика, отягощенная большими запасами неэффективного капитала, вынуждена тратить значительные средства на его содержание, консервируя при этом технологическую отсталость своего производственного потенциала. Белорусская экономика, догматически ориентированная на высокие показатели объемов производства, уже убедительно показала практическую несостоятельность надежд на возможность конвертации накопленного неэф-

фективного капитала в будущее народное благосостояние.

Вся отечественная система отчетности, планирования, управления и стимулирования на всех уровнях сориентирована на рост объемных показателей. Действующий хозяйственный механизм не настроен на решение задач, связанных с отбором наиболее качественных инвестиционных проектов и повышением эффективности накопления. Белорусская статистика даже не предоставляет адекватных отчетных данных для мониторинга и анализа качества экономического роста. Выступающий в роли основного целевого ориентира показатель производительности труда не может служить качественной характеристикой макроэкономической динамики, позволяющей получить достаточно адекватное представление о социально-экономических результатах роста, находящих свое отражение в повышении уровня жизни населения. Оценить качество роста нельзя без сопоставления динамики производительности труда с изменением его капиталовооруженности. Более адекватную оценку качества можно получить на основе показателя совокупной факторной производительности, который рассчитывается во многих странах, или показателя эффективности, предложенного в работе [3].

Как известно, основным условием, необходимым для преодоления негативного влияния закона убывающей отдачи факторов, является научно-технический прогресс, который проявляет себя в творческих достижениях науки, воплощенных в новых технологиях, средствах производства и методах управления. Поэтому основной стратегической задачей государственной экономической политики должна стать интенсификация научно-технического прогресса, и эта задача должна быть не только провозглашена, но и практически подкреплена конкретными мерами, направлен-

ными на развитие наукоемких технологий.

Неэффективность белорусской экономики в значительной мере предопределена структурой распределения общественных благ, сформированной в соответствии с существующей в нашей стране системой ценностей, приоритетов и целевых установок. Эта система находит в конечном счете свое отражение в неэффективной факторной структуре экономического роста, основной вклад в которую вносит накопление капитала, а не повышение его качества. Качественная составляющая в структуре экономического роста

по своей сути отражает вклад интеллектуального ресурса, воплощенный в достижениях научно-технического прогресса. Чтобы создать наиболее благоприятные условия для устойчивого, качественного экономического роста, нашей стране в первую очередь необходимо пересмотреть сложившуюся систему приоритетов при распределении финансовых ресурсов и переориентировать их в пользу вложений в человеческий капитал, в развитие науки и образования.

* * *

Материал поступил 24.03.2020.

Библиографический список:

1. Solow, R. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70. – P. 65–94.
2. Комков, В.Н. Инвестиционные стратегии в условиях убывающей отдачи капитала / В.Н. Комков // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 3. – С. 16–26.
3. Комков, В.Н. Качество экономического роста в Республике Беларусь / В.Н. Комков // Банкаўскі веснік. – Спецыяльны выпуск «Исследования банка № 1». – Кастрычнік, 2011. – № 29. – С. 5–60.

The growth quality of the Belarusian economy

Vasil KAMKOU, Belarusian State University, Professor, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: vaskom@tut.by.

Abstract. *The quantitative and qualitative aspects of economic growth in the Republic of Belarus are analyzed. It is noted that unreasonably high investment activity with low demands on the quality of investment projects provoked the manifestation of negative consequences of the well-known economic law of diminishing returns on factors. The features of macroeconomic dynamics under conditions of diminishing returns on capital are considered. On the basis of the analysis, it is shown that under these conditions economic growth cannot be sustainable, and the prospects for increasing prosperity are limited by a rather strict framework, which cannot be expanded by increasing investment volumes. Methods are proposed for assessing threshold values of intensity and rate of accumulation, the excess of which loses economic sense, since it can no longer provide an expansion of opportunities for growth in welfare. Suggestions are given for improving investment policy aimed at improving the quality of economic growth.*

Keywords: *the economic growth; investments; accumulation efficiency; labor productivity; well-being; macroeconomic model; law of diminishing returns of factors.*

Сектор госпредприятий: структурные вызовы

Кирилл ГАЙДУК

Представительство Всемирного банка в Республике Беларусь, старший экономист, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: khaiduk@worldbank.org

УДК 338.24, 338.121, 334.72

Ключевые слова:
государственные предприятия; реструктуризация;
финансовая стабильность; экономический рост.

места примерно для 46% занятых работников. Небольшое число ГП – очень крупные, с численностью работников более 10 тыс. человек (например, производители транспортных средств, тракторов и машин), ряд предприятий обрабатывающей промышленности, в том числе в химической промышленности и строительной отрасли, обеспечивают рабочие места для 4–5 тыс. человек.

В целом в экономике Беларуси нет «типичного госпредприятия» – секторальное присутствие разнится: монопольное (например, авиаперевозки, железнодорожный транспорт), значительное (в промышленности, в особенности химической, машиностроении и производстве оборудования, строительстве, пищевой отрасли), относительно среднее (торговля, общепит, отели) и, наконец, незначительное (деловые услуги – недвижимость, бухгалтер, адвокатура, реклама, маркетинг, за исключением НИОКР). Вместе с тем в период с 2012 г. по 2019 г. в промышленности число ГП сократилось на треть, а их доля в отраслевом выпуске выросла с 67% до 73%.

Такой размер и характеристики госсектора «унаследованы» со времен СССР, где государственные предприятия на территории современной Беларуси создавались в 1950–1970-х гг. На тот момент советские плановики придерживались мнения, которое разительно отличалось от сегодняшних реалий «стремительной трансформации бизнес-процессов» и/или «конкурентоспособности на международных рынках», в рамках которых стратегическое позиционирование в глобальных цепочках создания стоимости, последовательное стратегическое партнерство и инвестиции в объ-

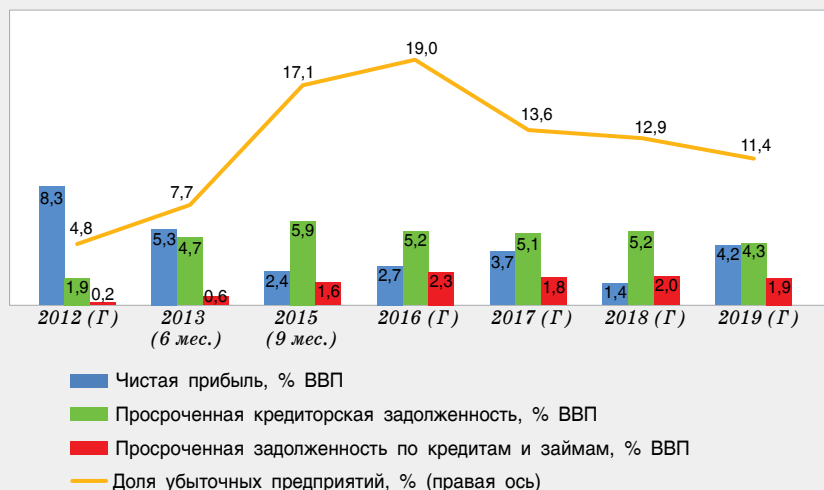
екты интеллектуальной собственности имеют большее значение, чем простая экономия на масштабах. Не было и частного сектора, способного занять ниши в розничной торговле и услугах.

Начиная с середины 1990-х гг. крупные производственные белорусские государственные предприятия продолжали ориентироваться на традиционные для них рынки (республики бывшего СССР и прежде всего Россию), масштаб которых сегодня сужается. Соответственно, унаследованная модель крупного производства может поддерживаться только путем значительного расширения экспорта продукции на новые рынки, на которых усиливается конкуренция. Однако негибкие отраслевые стратегии и неспособность пересмотреть баланс между имеющимся капиталом и рабочей силой далеко не всегда позволяют государственным предприятиям увеличивать экспорт, доходы и прибыль.

Данные указывают на постепенный рост числа убыточных предприятий в госсекторе, сокращение размеров прибыли, а также рост объемов просроченной задолженности (рисунок 1). Таким образом, ГП продолжают нести убытки и имеют задолженность перед поставщиками и коммерческими банками. Так, за период с 2012 г. по 2018 г. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению чистой прибыли. При этом задолженность по просроченным кредитам и займам увеличилась практически в 10 раз – с 0,9% ВВП в 2012 г. до почти 2% в 2019 г. (рисунок 1). Государственные предприятия также накапливают значительную задолженность друг перед другом, а также перед поставщиками: за упомянутый период вре-

В Республике Беларусь сохраняется высокий удельный вес государственной собственности как в нефинансовом, так и в финансовом секторах. В 2019 г. сектор государственных предприятий (ГП) включал по меньшей мере 3 275 компаний (из которых около половины являются акционерными обществами, остальные – унитарными предприятиями), генерируя не менее половины валовой добавленной стоимости. Следует отметить, что между 2012 г. и 2019 г. число ГП сократилось незначительно – с 3 869 до 3 275. Ранее, в 2017 г., на долю акционерных предприятий, в которых государству принадлежало не менее 50% плюс одна акция, приходилось 46,6% ВВП, а они обеспечивали рабочие

Отдельные показатели сектора ГП, 2012–2019 гг. (в процентах)

Примечание. Разработка автора на основе [1].

Рисунок 1

которые могли превышать фактические объемы производства, которые могли быть реализованы на рынках. В этих условиях предприятиям далеко не всегда удавалось эффективно сегментировать свои рынки, а также дифференцировать цены по этим сегментам. Когда амбициозные цели по продажам произведенной продукции не достигались, то начинали расти складские запасы. В свою очередь, снижение уровня складских запасов становилось новым целевым показателем, который предприятия стремились выполнить на фоне сдерживающего фактора в виде неспособности обеспечить продажи ниже своих предельных издержек производства.

Макроэкономические последствия ухудшения в секторе госпредприятий

Ухудшение ситуации в секторе ГП, формирующего по крайней мере половину добавленной стоимости в экономике, имеет макроэкономические последствия, непосредственно влияя на экономический рост, финансовую стабильность и уязвимость во внешнем секторе.

Анализ показывает, что в период 2012–2016 гг. рост совокупной факторной производительности (СФП) или объема выпуска, генерируемого не за счет капитала и рабочей силы (скорректированного с учетом загрузки мощностей и влияния выигрыша от торговли нефтепродуктами за счет импорта сырой нефти по ценам ниже мировых), был отрицательным (рисунок 2). Кроме того, в течение 2011–2016 гг. только пять из 24 секторов (строительство, горнодобывающая промышленность, транспорт, связь и финансы) демонстрировали положительную динамику СФП. Хотя с 2011 г. накопление основных фондов стало почти исключительным источником экономического роста, доход на капитал сократился втрое за период с 2005 г. по 2016 г., а динамика доходов на душу населения стала более волатильной (рисунок 3). При этом рост производительности труда главным образом обеспечивался за счет роста производительности внутри секто-

мени объем кредиторской задолженности в секторе ГП более чем удвоился: с 1,9% до 4,3% ВВП. Следует отметить, что ухудшение показателей работы ГП также связано с постепенным урезанием субсидий и сокращением объемов нового директивного кредитования. Так, поток директивных кредитов постепенно уменьшался с 2,8 млрд. бел. рублей в 2016 г. (около 3% ВВП в эквиваленте) до 1,24 млрд. бел. рублей в 2018 г. (около 1% ВВП), однако запас оставался на уровне не менее трети от общего уровня выданных кредитов.

Анализ балансовых отчетов 2015 г. 70 белорусских ГП (включающих таких «флагманов экономики», как Беларуськалий, Нафтан, МАЗ, Гомсельмаш, БМЗ и некоторых других; их суммарная выручка составила 17,6% ВВП, а доля в общей занятости – 4,5%) в сравнении с показателями 100 предприятий в тех же секторах из стран СНГ и ЦВЕ выявляет четыре типа проблем, присущих промышленным госпредприятиям в Беларуси:

1. Низкую эффективность использования активов согласно индикаторам оборачиваемости активов, отдачи, загрузки мощностей.
2. Значительную долговую нагрузку ввиду высокого отношения долга к собственным средствам показателя *EBITDA*.

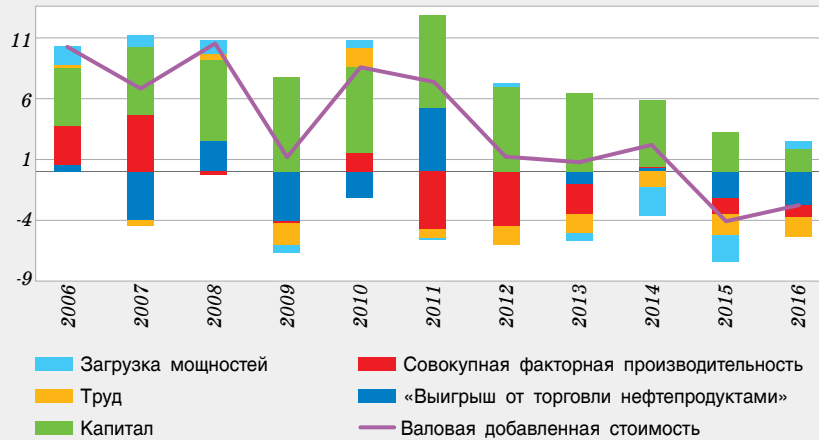
3. Низкий уровень прибыли или даже убытки ввиду низкого уровня возврата на капитал (показатель *EBIT margin*).

4. Слабую производительность труда, находящую свое отражение в относительно низких уровнях выручки на одного занятого.

Эти проблемы стали результатом бизнес-модели, которой придерживались многие госпредприятия, в особенности крупные и экспортноориентированные. Одной из ее черт была необходимость следования установленным показателям объемов производства. Кроме того, предприятия выполняли различные непрофильные и социальные задачи. Далее, бизнес-модели были выстроены с ориентацией на длинные производственные циклы, выпуск крупных партий товара и привлечение конкретных поставщиков, как правило, также из числа государственных предприятий. Доступ на традиционные рынки стран СНГ и России, в том числе на преференциальных условиях, а также экономическая защита внутреннего рынка позволяли реализовывать намеченную экономию на масштабе.

По крайней мере, вплоть до рецессии 2015–2016 гг. государственные предприятия планировали производство на основе централизованных прогнозов и имели точки безубыточности,

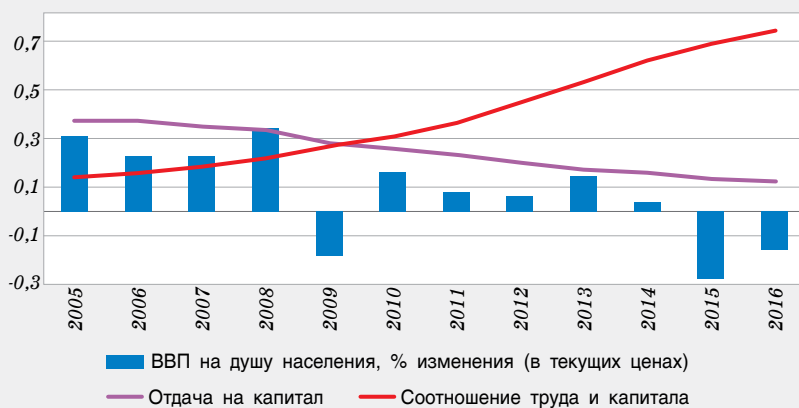
**Составляющие экономического роста:
вклад в рост реальной добавленной стоимости в ВВП,
в процентных пунктах, 2006—2016 гг.**

Примечание. Разработка автора на основе [2; 3].

Рисунок 2

**Фондообеспеченность, доход на капитал и динамика ВВП
на душу населения (в текущих долл. США), 2005—2016 гг.**

Примечание. Разработка автора на основе [2; 3].

Рисунок 3

ров, а не за счет перераспределения трудовых ресурсов при более продуктивном их использовании. Кроме того, постепенный переход от занятости в промышленности и сельском хозяйстве к занятости в секторе услуг с более низкой добавленной стоимостью привел к негативному вкладу структурных изменений в производительность труда.

По оценкам Национального банка, объем потенциальных рисков, связанных с нестабильным финансовым положением крупнейших ГП и их недостаточной кредитоспособностью, составлял около 15% ВВП в 2018 г., что равно 24,7% общего объема акти-

вов банков. В 2019 г. этот показатель оценивался уже на уровне 15,6% ВВП [4].

В то время как кредиты отраслям обрабатывающей промышленности и сельскому хозяйству занимают более 60% кредитного портфеля банков, суммарная доля этих секторов в валовой добавленной стоимости составляет всего около 30%, что косвенно указывает на относительно низкую отдачу на вложенный в эти отрасли капитал. При этом уровень долговой нагрузки не меняется, в том время как «качество активов банков, размещенных в обрабатывающей промышленности, значительно ниже качества активов,

размещенных в иных сегментах экономики» [5, с. 20]. Свидетельством этого является высокая доля необслуживаемых активов (таблица).

Начиная с 2005 г. Беларусь наращивала внешние обязательства для покрытия разрыва между внутренними сбережениями и инвестициями с целью активизации накопления материального капитала. Этот разрыв финансировался за счет заимствований, поскольку приток прямых иностранных инвестиций был ограниченным, оставаясь на уровне около 2% ВВП ежегодно (на чистой основе). Хотя наличие устойчивого разрыва между сбережениями и инвестициями не обязательно создает проблемы как таковые, они возникают в том случае, если внешние сбережения будут использованы для финансирования инвестиций, норма прибыли на капитал которых ниже стоимости внешних заимствований.

В результате произошло ухудшение чистой международной инвестиционной позиции. В конце 2016 г. ее показатель составил почти 41 млрд. долл. США (рисунок 4), сформировавшись за счет отрицательной динамики в секторе нефинансовых предприятий и секторе государственного управления, заимствующим в том числе и для нужд ГП. Ситуация несколько улучшилась в 2017–2018 гг., однако структура отрицательного значения практически не изменилась.

Недостатки системы корпоративного управления в секторе ГП

Проблемы с эффективностью функционирования госпредприятий частично связаны со сложившейся структурой собственности и системой владельческого надзора. Управление сектором государственных предприятий осуществляется в рамках сложной и разрозненной системы, представленной несколькими государственными органами, осуществляющими иногда параллельные и дублирующие функции.

Государственный комитет по имуществу (ГКИ) является уполномоченным владельцем акций

Таблица

Долговая нагрузка и необслуживаемые активы в разрезе основных отраслей экономики, 2012—2018 гг., проценты

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Сельское хозяйство							
Доля необслуживаемых активов*	7,6	10,4	9,1	9,6	34,7	21,8	3,7
Долговая нагрузка	59,1	65,4	50,7	5,6	47,0	30,0	32,0
Обрабатывающая промышленность							
Доля необслуживаемых активов	7,3	4,7	5,2	8,9	17,8	22,6	10,9
Долговая нагрузка	56,0	68,7	76,2	83,3	79,0	69,4	69,6
Строительство							
Доля необслуживаемых активов	27,7	20,9	12,8	23,4	24,7	20,5	4,1
Долговая нагрузка	13,8	10,5	9,2	12,4	16,9	14,6	15,4
Торговля							
Доля необслуживаемых активов	4,3	2,7	3,2	7,4	12,8	13,5	4,8
Долговая нагрузка	30,6	34,3	35,5	37,8	44,4	48,1	48,7
Другие виды деятельности							
Доля необслуживаемых активов	5,0	3,9	4,0	8,7	13,5	10,6	2,7
Долговая нагрузка	16,4	15,5	16,0	15,8	10,3	9,0	11,1

Источник: [5, с. 19].

государства в акционерных обществах, но не имеет права реализовывать права собственности на эти АО, за исключением тех, которые находятся в его непосредственном ведении. Отраслевые министерства и концерны одновременно осуществляют функции собственников, разработчиков политики и регуляторов в отношении государственных предприятий, находящихся в их ведении. Осуществление отраслевыми министерствами и местными органами государственного управления функций определения политики и контроля подрывает цель максимизации прибыли акционеров и ослабляет задачи обеспечения рентабельности государственных предприятий. Кроме того, существующие механизмы позволяют включать в состав наблюдательных советов представителей руководства ГП (кроме генерального директора) и государственных служащих из соответствующих надзорных органов, что не отвечает современным практикам надлежащего корпоративного управления.

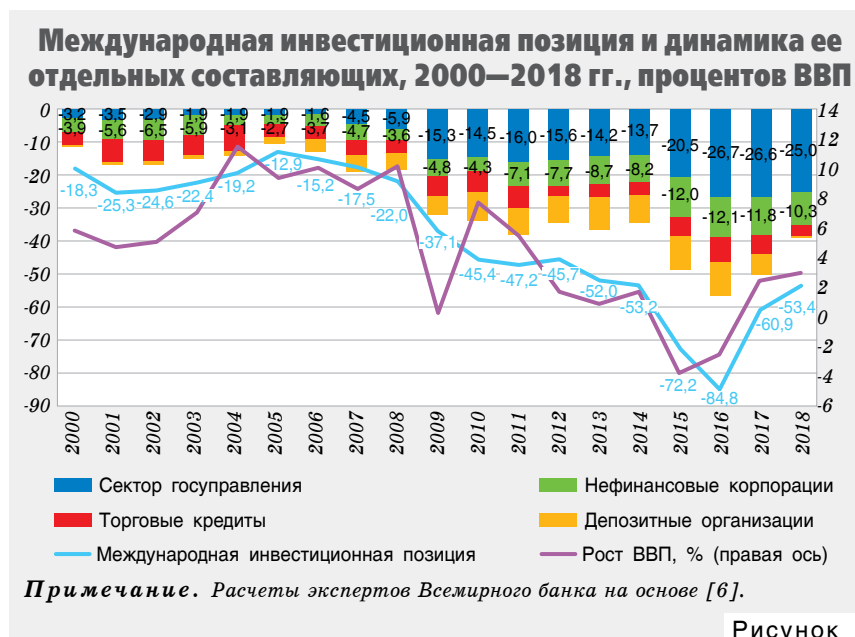

Рисунок 4

Более того, это может породить напряженность между осуществлением функций собственника и процессом принятия решений, что не способствует определению эффективной стратегии ГП, принятию инновационных и (или) трансформацион-

ных решений или обеспечению подотчетности руководства ГП за результаты. Такое распределение ролей и обязанностей в управлении и надзоре за ГП ведет к установлению для предприятий конкурирующих, а порой и противоречивых политических,

* До 2018 г. указана доля проблемных активов. Данный показатель не сопоставим с долей необслуживаемых активов, рассчитываемой вместо нее с 1 апреля 2018 г. и отражающей уровень кредитного риска в банковском секторе в соответствии с международными стандартами.

коммерческих и финансовых задач. Это ослабляет подотчетность руководства и негативно влияет на производительность ГП. Недавнее постановление (постановление Совета Министров от 19 марта 2019 г. № 169) о назначении представителей государства в органах управления 70 открытых акционерных обществ не изменило существенным образом общий подход к управлению ГП.

Заключение

Несмотря на растущий вклад частного сектора в экономику Беларуси, государственные предприятия реального сектора все еще играют значительную роль,

генерируя до половины валовой добавленной стоимости и нанимая не менее половины занятых. Секторальное присутствие разнится, но остается высоким в промышленности и некоторых других секторах. Ухудшение показателей в секторе ГП, ставшее негативной тенденцией после рецессии 2015–2016 гг., проявляется в снижении уровней чистой прибыли и сохранении числа убыточных и низкорентабельных предприятий, а также росте задолженности перед поставщиками и кредиторами. Эти проблемы возникли не только из-за ухудшения экономической ситуации, они стали следствием несовершенной системы управления активами и

операционной деятельностью ГП. В целом слабость финансово-экономических показателей в секторе ГП проявляется на макроэкономическом уровне. Так, темпы экономического роста замедляются, создаются угрозы финансовой стабильности и накапливаются внешние дисбалансы. В этой связи повышение эффективности в секторе ГП, прежде всего за счет структурных преобразований, позволит минимизировать риски нестабильности и содействовать наращиванию производительности, способствующей долгосрочному экономическому росту.

* * *

Материал поступил 26.03.2020.

Библиографический список:

1. Основные показатели деятельности организаций госсектора [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-predprinimatelstva/statisticheskie-izdaniya_/index_15938/. – Дата доступа: 01.03.2020.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 01.03.2020.
3. Belarus – Systematic Country Diagnostic: Towards a Competitive, Inclusive, and Dynamic Belarus / World Bank. – 2018. – Report № 123887. – Vol. 1. – P. 68.
4. Калечиц, Д. Обеспечение финансовой стабильности в 2019 году и задачи на 2020 год [Электронный ресурс] / Д. Калечиц // Национальный банк Республики Беларусь: доклад на расширенном заседании Правления. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/top/pdf/obespechenie-finansovoj-stabilnosti-v-2019-godu-i-zadachi-na-2020-god-kalechits-d.pdf>. – Дата доступа: 01.02.2020.
5. Финансовая стабильность в Республике Беларусь 2018 [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/publications/finstabrep>. – Дата доступа: 01.03.2020.
6. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by>. – Дата доступа: 01.03.2020.

SOE sector: structural challenges

Kiryl HAIDUK, World Bank Representative Office in the Republic of Belarus, Senior Economist, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: khaiduk@worldbank.org.

Abstract. *Despite the expansion of the private sector, state-owned enterprises continue to play a significant role in the non-financial and financial sectors of the Belarusian economy. In recent years, the deteriorating economic situation of state-owned enterprises in the real sector, generating up to half of gross value added, has a direct impact on economic growth rates, financial stability and robustness in the external sector. In this regard, a set of measures is needed to reform the sector of state-owned enterprises in order to neutralize negative trends and promote sustainable and inclusive economic growth.*

Keywords: *state-owned enterprises; restructuring; financial stability; economic growth.*

Демография как вызов для экономического роста

Катерина БОРНУКОВА

Центр экономических исследований «БЕРОК», заместитель директора по научной работе, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: bornukova@beroc.by

Лев ЛЬВОВСКИЙ

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: lvovskiy@beroc.by

УДК 338.23, 338.22.01, 331.522, 331.538, 314

Ключевые слова:
демография; трудоспособное население; рост ВВП; эмиграция; иммиграция; пенсионная система.

Из всех факторов, влияющих на экономический рост, демография, пожалуй, является самым прогнозируемым. Действительно, сегодня мы на 20–30 лет вперед знаем довольно точный прогноз по количеству рабочей силы. Измениться он может только под влиянием миграции или благодаря снижению смертности (в случае прорыва в медицине и значительного повышения продолжительности жизни и продления трудоспособного возраста), поскольку рождаемость в Беларуси снижается.

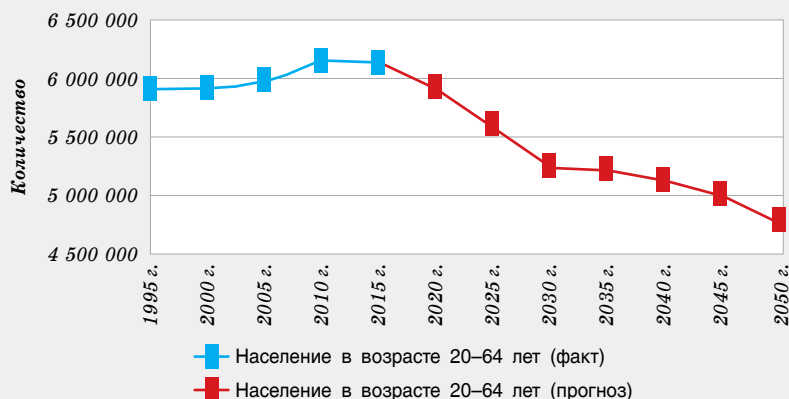
В первые 25 лет независимости демография Беларуси способствовала экономическому росту: трудоспособное население росло, и с 1995 г. по 2015 г. количество населения в возрасте 20–64 лет увеличилось на 226 469 человек, обеспечив скромные 2,6% роста ВВП за этот период¹. Однако рост трудоспособного населения достиг

пика в 2014 г., после чего началось его снижение, вызванное в первую очередь резким падением рождаемости в 90-х гг. (рисунок 1).

Согласно прогнозу ООН (медианный сценарий), низкий уровень рождаемости приведет к сокращению населения Беларуси до 8 634 225 человек в 2050 г. Количество людей в возрасте 20–64 лет (трудоспособное население) сократится еще значительней: на 1 371 836. Это означает, что при прочих равных ВВП в 2050 г. будет на 16% ниже только из-за сокращения трудоспособного населения.

Резкое сокращение трудоспособного населения, которое нас ждет, требует более эффективного использования того человеческого потенциала, который у нас есть. А это означает острую необходимость в инвестициях в человеческий капитал и в эффективность рынка труда.

Динамика трудоспособного населения в Республике Беларусь: фактические и прогнозные показатели 1995–2050 гг.

Примечание. Разработка авторов на основе [9; 14].

Рисунок 1

¹ Здесь и ниже расчеты по ВВП делались из предположения производственной функции Кобба – Дугласа с долей вклада труда в ВВП, равной 2/3.

Фискальные последствия старения населения

Старение и сокращение населения влияет на рост ВВП не только напрямую, но и опосредованно, через фискальные механизмы. Пенсии, детские пособия, средства на здравоохранение и образование – важные статьи расходов, которые зависят напрямую от возрастного состава населения. В 2018 г. суммарно они составляли 19,7% ВВП. Основная фискальная нагрузка распределяется через ФСЗН (8,7% ВВП на пенсии и 2,4% ВВП на детские пособия). Как видно из *рисунка 2*, демографическая нагрузка детьми не снизится (абсолютное количество детей будет снижаться с темпом, близким к темпу снижения трудоспособного населения), а вот демографическая нагрузка пенсионерами будет расти: если в 2020 г. на 100 человек в возрасте 15–64 лет будет приходиться 23,2 человека 65 лет и старше, то к 2050 г. эта цифра вырастет до 39,9 человека.

Текущая пенсионная система без изменений в размере взносов, пенсий или пенсионного возраста будет генерировать большие дефициты порядка 5–10% от ВВП, что вряд ли можно будет легко компенсировать за счет других статей бюджета [6; 7]. Повышение размера взносов будет серьезным

вызовом для конкурентоспособности белорусских предприятий, поскольку сегодня страховые взносы в Беларуси уже являются одними из самых высоких в странах Центральной и Восточной Европы. Для сравнения, размер взносов в России – до 30%, в Польше – до 34%, в Украине – 22%, а в Беларуси – 35% [8].

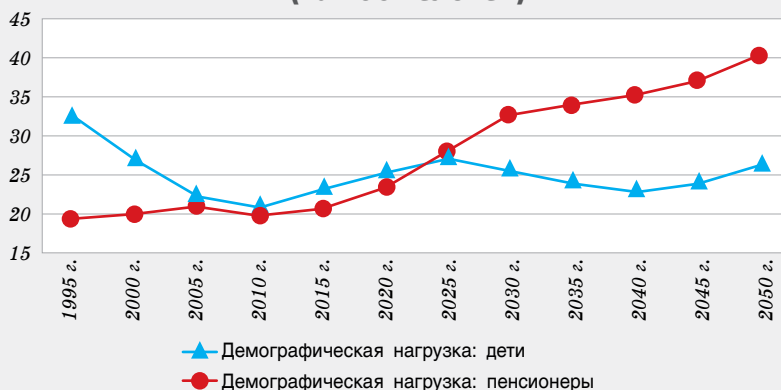
Эмиграция

Активная эмиграция населения может негативно сказываться на росте ВВП не только путем уменьшения населения, но и через изменение его качественного состава. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, эмигранты из Беларуси в среднем моложе и более образованны, чем все население в среднем. Так, среди эмигрировавших в 2018 г. высшее образование имели 41% против 18% в среднем, а в трудоспособном возрасте и моложе такого возраста находились около 90% эмигрантов против 72% в среднем по стране [9]. Официальные данные по эмиграции, предоставляемые Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, говорят об увеличении оттока населения Беларуси. Так, например, по официальным данным, в 2009 г. международная миграция составляла 7 643, а в

2018 г. – более 15 000 человек. При этом необходимо отметить, что Национальный статистический комитет учитывает эмигрантов только согласно талонам миграционного учета², что сильно занижает реальные цифры. Согласно данным Евростата, в 2018 г. первичное разрешение на проживание в странах ЕС получили 138 тыс. белорусов [11]. Гринкарту США в 2018 г. получили более 1 300 граждан нашей страны, а участие в ее розыгрыше приняли более 170 тыс. белорусов [12; 13].

Отдельно стоит упомянуть граждан Беларуси, выезжающих за рубеж в целях получения высшего образования. Несмотря на то, что выезд за рубеж для учебы не обязательно является эмиграцией, часто это – первый шаг к смене постоянного места жительства. Студенты выделяются по сравнению с иными группами эмигрантов и высоким качеством человеческого капитала, и тем, что они находятся в самом начале своей трудовой деятельности. Кроме того, студенты более мобильны, чем население в целом, так как в меньшей степени обременены семейными и социальными обязательствами. Таким образом, миграционные тренды среди молодежи являются более наглядными и в большей степени реагируют на изменения качества жизни в стране. Так, например, между 2008 г. и 2018 г. при сокращении среднегодовой численности граждан Беларуси в возрасте 15–19 лет с 68 тыс. до 45 тыс. количество белорусов-первокурсников в Польше выросло с 659 до 2 200, а общее число обучающихся превысило 6 тыс. человек. В этот же период количество белорусских студентов в России уменьшалось, но все равно осталось на достаточно высоком уровне. Так, в 2013 г. эта цифра составляла 24 тыс. человек, а в 2018 г. уже 13 тыс.³.

Демографическая нагрузка в Республике Беларусь, 1995–2050 гг. (на 100 человек)

Примечание. Разработка авторов на основе [9; 14].

Рисунок 2

Отпуск по уходу за ребенком и женщины на рынке труда

Сегодня в Беларуси оплачиваемый (пособием) отпуск

² Методика по расчету относительных статистических показателей естественного движения населения и коэффициента младенческой смертности. Национальный статистический комитет.

³ По данным Министерства образования и науки Российской Федерации.

по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет является одним из самых продолжительных в мире (для сравнения, в Швеции отпуск по уходу за ребенком составляет 16 месяцев; в Польше – 52 недели; в России оплачиваются только первые полтора года отпуска). В итоге в 2018 г. 342 тыс. человек, или 6% рабочей силы, находились в отпуске по уходу за ребенком или по беременности и родам. Кроме прямого эффекта снижения занятости, трехлетний отпуск по уходу за ребенком приводит к вымыванию человеческого капитала. Вымывание человеческого капитала представляет собой обесценение и потерю опыта в то время, пока человек не работает. По оценкам Dechter [3], каждый месяц отпуска по уходу за ребенком приводит к вымыванию 0,4–1% человеческого капитала. По оценкам белорусских данных, «штраф» за материнство составляет 14,4% [2]. Иными словами, женщина-мать зарабатывает в среднем на 14,4% меньше, чем женщина с таким же образованием и опытом, но не являющаяся матерью. Эта разница может объясняться вымыванием человеческого капитала во время отпуска по уходу за ребенком. Сокращение отпуска по уходу за ребенком на один год могло бы увеличить предложение рабочей силы, а следовательно, и занятость, и за счет этого мог бы быть достигнут рост ВВП на 1,3%⁴. Кроме того, снизилось бы вымывание человеческого капитала из-за продолжительного отпуска по уходу за ребенком, что привело бы к росту ВВП как минимум на 1,4%. Развитие сети детских садов и яслей, а также усиление развивающей компоненты в них внесло бы вклад в формирование человеческого капитала будущих поколений. Как показывают многие исследования (подробный обзор в [5]), инвестиции в дошкольное развитие детей имеют высокую отдачу, особенно для детей из относительно небогатых семей.

Иммиграция

В современном мире иммиграция все чаще становится одним из ключевых инструментов для увеличения численности населения и улучшения его качественного состава. Популярность этого метода объясняется в первую очередь тем, что эффективная политика в сфере привлечения мигрантов позволяет достаточно быстро увеличить население, причем государства-реципиенты в зависимости от своей привлекательности могут выбирать специфические группы мигрантов в зависимости от своих нужд. Например, Канада строит свою иммиграционную политику на списке необходимых ей профессий, а также возрастного состава мигрантов; Польша в первую очередь привлекает мигрантов из стран с близкой культурой, таких как Украина и Беларусь; в США преимуществом при получении вида на жительство пользуются высокообразованные мигранты. Многочисленные исследования не обнаружили негативных эффектов миграции на население принимающей страны, а ряд исследований обнаружил позитивные эффекты миграции на рост ВВП на душу населения. Так, например, по оценкам экспертов из национального банка Польши [4], иммигранты из Украины обеспечили 11% роста ВВП Польши между 2014 г. и 2019 г.

Несмотря на текущее и прогнозируемое уменьшение населения, Беларусь не проводит четкой и сколько-нибудь значимой политики по привлечению мигрантов. Напротив, существующее законодательство и практики, касающиеся мигрантов в Беларуси, гораздо строже, чем в более развитых странах, которые и без того являются привлекательными для потенциальных мигрантов. Например, чтобы получить разрешение на временное проживание в Республике Беларусь (далее – РВП), потенциальным мигрантам необходимо заключение трудового контракта, а для найма иностранного гражданина работодатель должен по-

лучить специальное разрешение на трудоустройство иностранца. В то же время для открытия банковского счета и подключения большинства тарифов мобильной связи иностранцу требуется РВП, что лишь уменьшает шансы на нахождение работы.

Иммигранты, получившие РВП, также сталкиваются с особыми правилами своего нахождения в Республике Беларусь: повышенные цены на платные медицинские услуги, невозможность прописаться в собственной квартире в случае ее приобретения и, соответственно, более высокая плата за коммунальные услуги. Согласно закону, регулиющему права и обязанности иностранцев в Беларуси, иммигрант может быть депортирован за пять административных правонарушений в течение года. Так как степень тяжести этих правонарушений не оговорена в законе, это означает, к примеру, что Беларусь может лишиться талантливого программиста или предпринимателя из-за того, что тот пять раз перешел дорогу в неположенном месте или превысил скорость на 10 км/ч. Даже те мигранты, чьи работодатели хотели бы заключить долгосрочный контракт, вынуждены оформлять новое РВП ежегодно, причем на оформление РВП уходит минимум один рабочий день. Для получения постоянного вида на жительство в Беларуси необходимо прожить больше лет по сравнению с многими более развитыми странами, причем проживать требуется непрерывно, так как даже однократный «разрыв» в РВП перезапускает семилетний счетчик с нуля.

Предлагаемые решения

Реформа пенсионной системы. Старение населения требует реформы пенсионной системы. Потенциал параметрических реформ ограничен. Поднимать пенсионный возраст до нужного порога низкой дефицитности (по оценкам исследований, это 65 лет для обоих полов) затруднительно с учетом ожидаемой низкой про-

⁴ Несмотря на то, что рабочие места сохраняются за родителями, находящимися в отпуске по уходу за ребенком, на время отпуска их заменяют другие работники, которые были бы высвобождены, если бы отпуска по уходу за ребенком сократились. Таким образом, предложение рабочей силы все равно увеличилось бы, что привело бы к увеличению занятости в долгосрочном периоде.

должительности жизни мужчин, но целесообразно было бы выравнивать пенсионный возраст для мужчин и для женщин. Кроме сокращения дефицита ФСЗН и увеличения занятости такая мера привела бы в том числе к сокращению дискриминации женщин на рынке труда. Однако этого недостаточно для существенного сокращения дефицита, а изменение других параметров – размера пенсии и размера страховых взносов – нежелательно. Для устойчивости пенсионной системы необходима структурная реформа, запуск накопительной системы пенсий. Добровольные пенсионные накопления в Беларуси начинают развиваться, но они пока не получили широкого распространения. Создание обязательной накопительной пенсионной компоненты не только позволило бы решить проблемы пенсионной системы, но и дало бы толчок развитию фондового рынка в стране. Но для ее запуска необходимы первоначальный и долгосрочный источники финансирования, поскольку ФСЗН не сможет выделить часть собираемых средств в накопительный фонд, а повышать взносы нельзя. Таким источником в первую очередь могли бы стать поступления от приватизации предприятий. Кроме того, на поддержку пенсионного фонда можно направить средства бюджета, сэкономленные на сокращении поддержки неэффективных предприятий; доходы от добычи природных ископаемых; при необходимости – долгосрочные государственные займы.

Изменение политики стимулирования рождаемости. Согласно международному опыту [1], стимулирование рождаемости в современных развитых (совершивших демографический переход) странах эффективнее проводить мерами, которые позволяют совмещать родительство и занятость на рынке труда. Актуальны такие меры и для Беларуси [15]. В первую очередь это расширение сети качественных детских садов и яслей, нацеленных на развитие детей. Такие меры не только стимулируют рождаемость, они повышают уровень занятости и снижают вымывание человеческого капитала, что, в свою очередь, генерирует экономический рост.

Для Беларуси эти рекомендации можно локализовать так: 1) введение выделенного оплачиваемого отцовского отпуска по уходу за ребенком (отдельного от отпуска по уходу за ребенком до трех лет), которое поможет снизить вымывание человеческого капитала матерей и дискриминацию женщин на рынке труда, а также снизит воспринимаемые женщиной затраты на материнство, потенциально повышая рождаемость; 2) стимулирование возвращения женщин на рынок труда путем, например, предоставления вариантов продолжительности отпуска и размера пособий, создания условий для совмещения родительства и занятости; 3) развитие яслей и детских садов, нацеленных не только на пребывание в них детей, но и на их развитие; бюджетные дотации на места в частных детских садах и бюджетные стипендии для малоимущих семей; дальнейшая дерегуляция частных детских садов.

Изменение миграционной политики. В связи с состоянием демографической ситуации в Беларуси было бы целесообразно пересмотреть иммиграционную политику с учетом экономических интересов. В первую очередь следует определиться, какое количество мигрантов требуется Республике Беларусь для стабилизации демографической ситуации, а также с желаемыми характеристиками привлекаемых в страну людей. По примеру Польши стоит обратить внимание на потенциальных иммигрантов из близких Беларуси стран (Россия, Украина, другие страны СНГ) и понять, какие именно особенности нашей страны могли бы оказаться привлекательными для этих людей. Такими позициями могут служить пониженные налоги, особые условия ведения того или иного бизнеса (по примеру ПВТ), безопасность, верховенство закона, стоимость жизни, географические данные Беларуси. Следующим шагом должно стать улучшение качества жизни мигрантов, которые уже находятся на территории нашей страны: либерализация отдельных правил и законов, касающихся мигрантов, облегчение получения постоянного вида на жительство, снижение количества бюрократи-

ческих препятствий. Всего вышеперечисленного можно добиться в довольно короткие сроки путем создания межведомственного совета по иммиграции с участием представителей Министерства труда и социальной защиты, правоохранительных органов, заинтересованных представителей бизнеса и самих мигрантов, так как именно последние могут лучше всего рассказать о взаимодействии той или иной политики с реальной жизнью приезжих.

Меры по сокращению эмиграции. В сфере уменьшения и предотвращения эмиграции из Беларуси стоит в первую очередь улучшить работу по сбору и оценке данных, так как не зная конкретных параметров эмиграции, сложно выработать эффективную политику. Стоит обратить внимание на причины миграции и сосредоточить государственную политику именно на них, так, например, если причиной отъезда граждан республики называет «климат», то правительство вряд ли сможет изменить его мнение, а если респондент укажет, что недоволен качеством образования, то это подскажет конкретную область работы для правительства. Также следует развивать отношения с белорусской диаспорой за рубежом: во-первых, привлечь в страну бывших граждан часто бывает проще, чем новых мигрантов; во-вторых, даже проживая за рубежом, эти люди могут приносить значительную пользу своей стране. Конкретными шагами по работе с диаспорой могут быть признание западных ученых степеней, различные гранты и возможность бизнес-партнерства, а также академическое и культурное взаимодействие с бывшими гражданами.

В условиях отсутствия роста населения качественное развитие человеческого капитала выходит на первое место. Неэффективные государственные инвестиции в экономику необходимо перенаправить в инфраструктуру детских садов, раннего развития, а также в образование, что позволит компенсировать снижение количества трудоспособного населения.

* * *

Материал поступил 27.02.2020.

Бібліографічны спіс:

1. Adda, J. *The career costs of children* / J. Adda, C. Dustmann, K. Stevens // *Journal of Political Economy*. – 2017. – 125(2). – P. 293–337.
2. Akulava, M. *Current gender trends in Belarusian labor market: wage gap, child penalty and marriage premium* [Electronic resource] / M. Akulava // *BEROC WP 38*. – 2016. – Mode of access: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/beroc_wp38_akulova_gender_gaps.pdf. – Date of access: 20.12.2019.
3. Dechter, E. *Maternity leave, effort allocation, and postmotherhood earnings* / E. Dechter // *Journal of Human Capital*. – 2014. – 8.2. – P. 97–125.
4. Growiec. *The Contribution of Immigration from Ukraine to Economic Growth in Poland* [Electronic resource] / Growiec, Wyszynski, Strzelecki // *Narodowy Bank Polski*. – 2019. – Mode of access: <http://www.nbp.pl/badania/seminaria/31x2019.pdf>. – Date of access: 20.01.2020.
5. Heckman, J. *The Case for Investing in Disadvantaged Young Children* / J. Heckman // *CESifo DICE Report*, ISSN 1613-6373 / *Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München, München*. – 2008. – Vol. 06, iss. 2. – P. 3–8.
6. *Republic of Belarus: 2016 Article IV Consultation Staff Report* / *IMF Country Report No. 16/298*. – IMF. – 2016.
7. Lisenkova, K. *Effects of population ageing on the pension system in Belarus* / K. Lisenkova, K. Bornukova // *Baltic Journal of Economics*. – 2017. – 17.2. – P. 103–118.
8. *PWC 2019* [Electronic resource]: *Worldwide Tax Summaries Online*. – Mode of access: <http://taxsummaries.pwc.com/ID/tax-summaries-home>. – Date of access: 01.10.2019.
9. *Демографічны ежегоднік Рэспублікі Беларусь* [Электронны рэсурс] / *Нацыянальны статэстычны камітэт Рэспублікі Беларусь*. – 2018. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10769/. – Дата доступа: 24.12.2019.
10. *Методіка по расчэту адносільных статэстычных паказатэляў естэственнага дэвіжэня насэленія і каэфіцыэнта мэладэчэскай с мэртнэстнэ* [Электронны рэсурс] / *Нацыянальны статэстычны камітэт Рэспублікі Беларусь*. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/metodiki-po-formirovaniyu-i-raschetu-statistichesk/>. – Дата доступа: 24.12.2019.
11. *Обзор миграции Евростата* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Residence_permits_statistics_on_first_permits_issued_during_the_year&oldid=427234#First_residence_permits_by_citizenship. – Дата доступа: 24.10.2019.
12. *Отчет о количестве участников розыгрыша гринкарты* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DV%20AES%20statistics%20by%20FSC%202016-2018.pdf>. – Дата доступа: 24.12.2019.
13. *Статистика по выигрышам гринкарты* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.green-card.com/winner-statistics/?year=2018>. – Дата доступа: 24.12.2019.
14. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division* [Electronic resource]: *World Population Prospects 2019*. – Mode of access: <https://population.un.org/wpp/>. – Date of access: 01.10.2019.
15. Боброва, А.Г. *Негативные тенденции рождаемости в Беларуси и пути их преодоления* / А.Г. Боброва // *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений*. – 2018. – С. 209–216.

Demography as a challenge for economic growth

Kateryna BORNUKOVA, *BEROC Economic Research Center, Academic Director, Republic of Belarus, Minsk*,
e-mail: bornukova@beroc.by.

Lev LVOVSKIY, *BEROC Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk*,
e-mail: lvovskiy@beroc.by.

Abstract. *Low fertility and population ageing are the one of the key drivers for development of the Belarusian economy. As a result of these processes the working population will decline, while the deficit of the Fund of Social Protection of Population will grow. Introduction of cumulative pension funds will make old-age support systems more sustainable. With the purpose of stimulating fertility, Belarus needs a system supporting employment that combines with parenthood, as well as financing early development. Emigration and immigration are also significant challenges that need proactive policy response.*

Keywords: *demography; working age population; GDP growth; emigration; immigration; pension system.*

Реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС¹

Игорь ПЕЛИПАСЬ

Исследовательский центр Института приватизации и менеджмента, председатель наблюдательного совета, кандидат экономических наук, доцент, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: pelipas@research.by

УДК 339.924

Ключевые слова:

общая и клубная конвергенция; панельные данные; экономический рост; инфляция; институты; экономическая интеграция; ЕАЭС.

и институциональную. Реальная конвергенция означает сближение уровней доходов на душу населения между странами экономических объединений. Номинальная конвергенция представляет собой синхронизацию динамиками важнейших макроэкономических показателей. Институциональная конвергенция предполагает сближение условий ведения экономической деятельности и уровня развития рыночных институтов.

Целью данной работы является анализ наличия реальной, номинальной и институциональной конвергенции между странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). При этом мы исходим из предположения, что конвергенция может происходить как между всеми странами экономического объединения, так и между различными кластерами стран. Выявление так называемой общей и клубной конвергенции требует использования соответствующей эконометрической методологии анализа.

В данной работе для анализа реальной, номинальной и институциональной конвергенции между странами ЕАЭС был использован метод, основанный на нелинейной факторной модели с изменяющимися параметрами [2]. Преимущества этого метода состоят в том, что он допускает гетерогенность в динамике показателей, не требует никаких исходных предположений о стационарности переменной вокруг тренда или

наличия единичного корня и, следовательно, позволяет получать устойчивые оценки вне зависимости от статистических характеристик данных.

Этот метод основывается на анализе панельных данных. На первом этапе проверяется гипотеза об отсутствии конвергенции по всей группе стран в целом (общая конвергенция). Если наличие общей конвергенции не подтверждается, анализ продолжается в направлении поиска однородных кластеров стран в рамках исследуемой группы. Таким образом, данный подход позволяет выявить так называемую клубную конвергенцию, а также объединить близкие по своим характеристикам клубы. Кроме того, в ходе анализа можно определить тип конвергенции: конвергенция уровней рассматриваемых показателей (абсолютная) или конвергенция темпов роста показателей (относительная). Практические аспекты использования данного подхода подробно изложены в [3; 4], где он используется для анализа различных аспектов реальной и номинальной конвергенции.

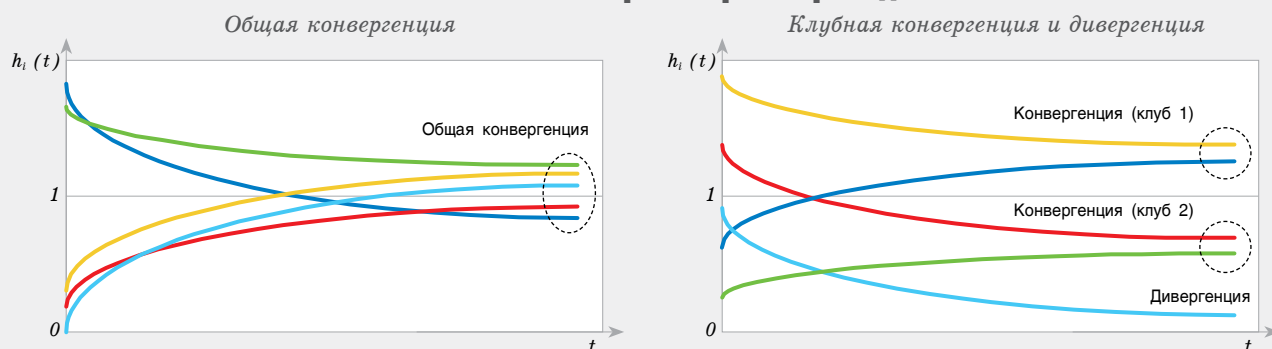
Используя понятие относительных траекторий перехода², идея общей и клубной конвергенции может быть представлена весьма наглядно графически. На *рисунке 1* изображены стилизованные траектории перехода, отражающие в одном случае общую конвергенцию, а во вто-

Экономическая конвергенция в широком смысле слова представляет собой устойчивый во времени процесс сокращения межстрановых различий в основных экономических показателях, а также сближения национальных правовых систем и мер политики. Сближение стран, входящих в экономические объединения, является как одной из целей процесса экономической интеграции, так и предпосылкой ее успешности. Можно выделить три вида экономической конвергенции: реальную, номинальную

¹ Более подробно результаты данного исследования представлены в [1].

² Относительная траектория перехода характеризуется коэффициентами факторных нагрузок относительно среднего значения показателя по панели данных и таким образом характеризует траекторию перехода исследуемой переменной по каждой отдельно взятой стране относительно ее среднего значения по всей панели рассматриваемых стран.

Стилизованные траектории перехода

Примечания: 1. Средний уровень показателя по панели данных равен 1. Пунктирными овалами обозначены группы стран, где наблюдается конвергенция. Цветные линии характеризуют значения относительных траекторий перехода (h_{it}) для отдельных стран, включенных в панель данных.
2. Составлено на основе [2; 4].

Рисунок 1

ром – клубную конвергенцию и дивергенцию.

В случае общей конвергенции траектории перехода для всех стран, включенных в панель, стремятся к среднему значению анализируемого показателя по панели в целом, которое по определению равно 1. Напротив, во втором случае гипотеза об общей конвергенции отвергается, что, однако, не исключает наличия кластеров стран, где конвергенция имеет место. При этом формируются клубы конвергенции, где траектории перехода отдельных стран стремятся к своим специфически средним (клубы 1 и 2 на рисунке 1). В то же время могут быть страны, которые не входят ни в какие клубы и демонстрируют дивергенцию. Алгоритм, изложенный выше, позволяет осуществить формальное тестирование наличия клубной конвергенции и состава этих клубов. Графики траекторий перехода являются хорошим наглядным дополнением к формальному эконометрическому анализу общей и клубной конвергенции.

Эмпирический анализ конвергенции в странах ЕАЭС был выполнен при помощи специальной процедуры для оценки конвергенции и выделения клубных кластеров в программе Stata [5]³.

В качестве основного показателя для анализа реальной конвергенции в ЕАЭС был выбран показатель валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности (ВВП на душу населения по ППС). В качестве дополнительного показателя для оценки реальной конвергенции использовался показатель ВВП на душу населения в текущих долларах США. Данные показатели были взяты из базы данных World Economic Outlook Database (WEO), публикуемой Международным валютным фондом (МВФ)⁴.

Для оценки номинальной конвергенции между странами ЕАЭС в качестве основного показателя использовался уровень инфляции. Данный показатель в обобщенном виде характеризует макроэкономическую стабильность (нестабильность). Как и в предыдущем случае, здесь использовалась база данных МВФ (WEO). В качестве показателя уровня инфляции рассматривались темпы прироста индекса потребительских цен (в процентах) как в среднем за год, так и на конец года. В качестве дополнительного показателя номинальной конвергенции мы использовали индексы потребительских цен (ИПЦ), скорректированные на обменный курс национальной валюты к

доллару США (или российскому рублю). Данные о соответствующих индексах потребительских цен и обменных курсах были взяты из базы данных МВФ (WEO).

Оценка институциональной конвергенции представляет особую трудность из-за сложности выбора адекватной количественной характеристики этого процесса. Одним из немногих возможных вариантов здесь является использование различных индексов, характеризующих развитие рыночных институтов, проводимую экономическую политику, качество государственного управления и состояние экономической среды. В данной работе были использованы три таких показателя: индекс экономической свободы, публикуемый Фондом наследия (Heritage Foundation)⁵, индекс качества управления⁶ и показатель удаленности от передового рубежа⁷, публикуемые Всемирным банком (The World Bank). Использование различных показателей позволяет рассмотреть разные аспекты институциональной динамики, в определенной степени нивелировать возможные противоречия в оценке развития институтов в различных странах ЕАЭС.

На рисунках 2–4 представлена динамика выбранных по-

³ См. также: <https://sites.google.com/site/kerrydu2016/home/stata-files>.

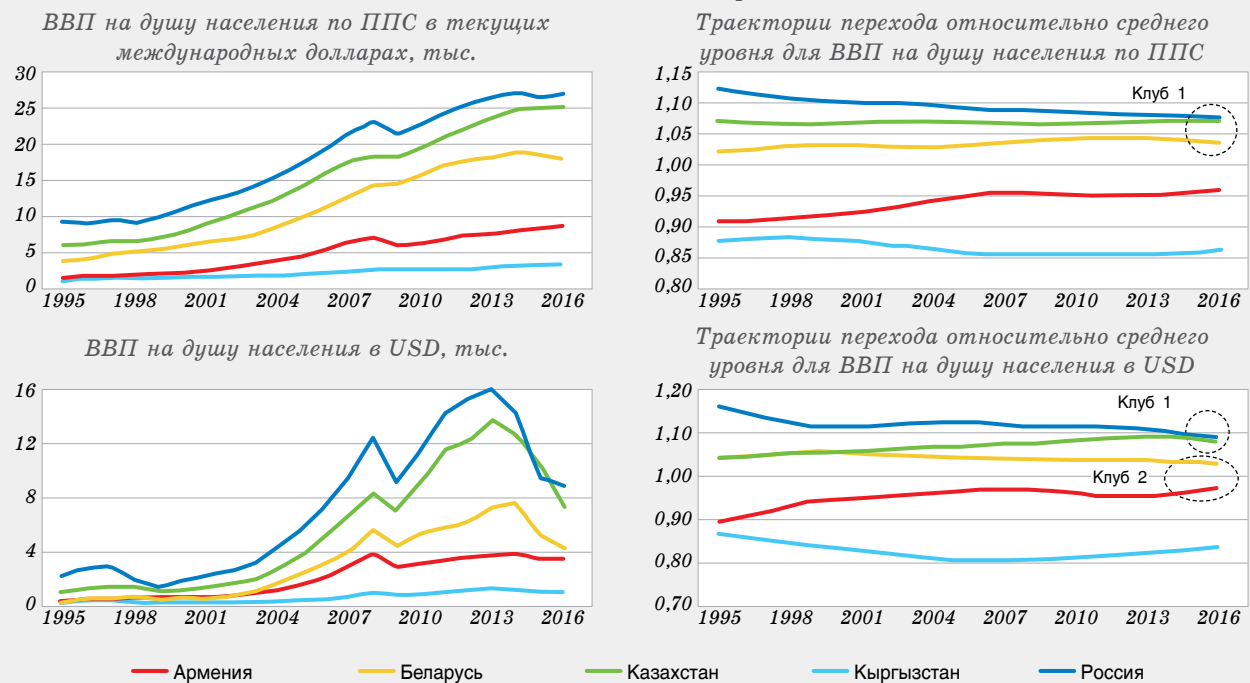
⁴ См.: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx>.

⁵ См.: <http://www.heritage.org/index>.

⁶ См.: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>.

⁷ См.: <http://russian.doingbusiness.org/data/distance-to-frontier>.

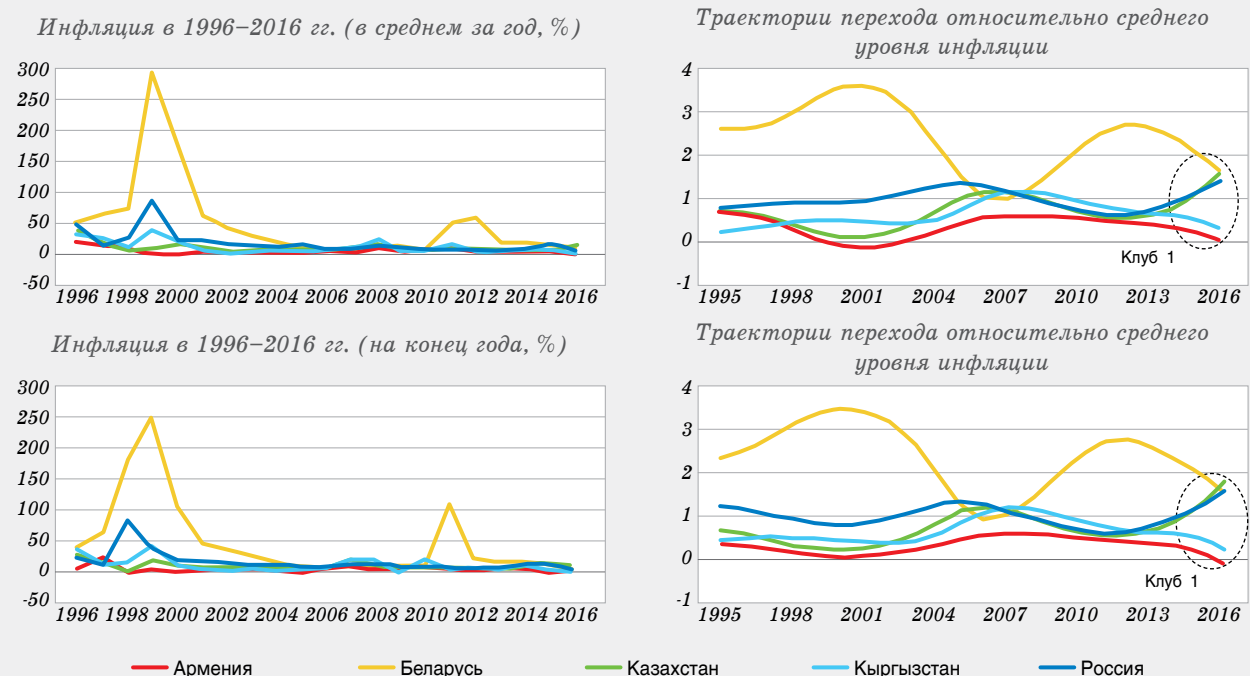
Динамика ВВП и траектории перехода относительно среднего уровня на душу населения по ППС и в долл. США в странах ЕАЭС

Примечания: 1. Средние уровни ВВП на душу населения по странам ЕАЭС на графиках равны 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами. 2. Расчеты автора.

Рисунок 2

Уровень инфляции и траектории перехода относительно среднего уровня инфляции в странах ЕАЭС

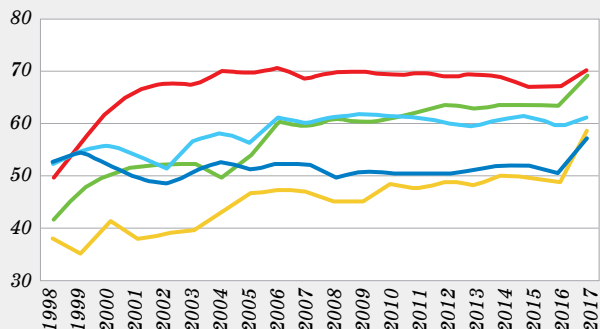

Примечания: 1. Средние уровни соответствующих показателей по странам ЕАЭС на графиках равны 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами. 2. Расчеты автора.

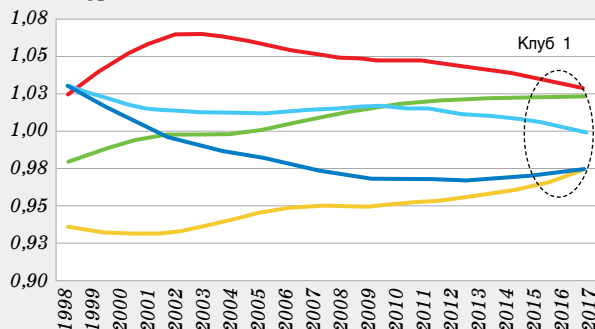
Рисунок 3

Динамика показателей, характеризующих уровень экономической свободы, качество государственного управления и условия ведения бизнеса, и траектории перехода относительно среднего уровня соответствующих показателей

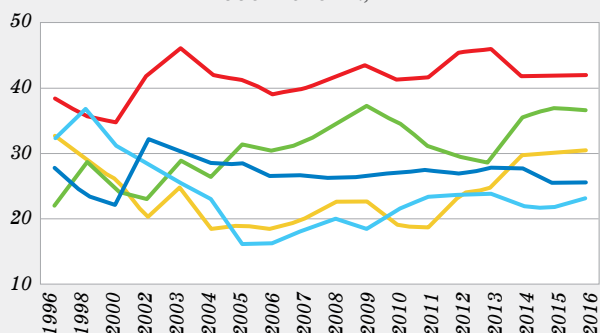
Индекс экономической свободы
Фонда наследия в 1998–2017 гг., балл

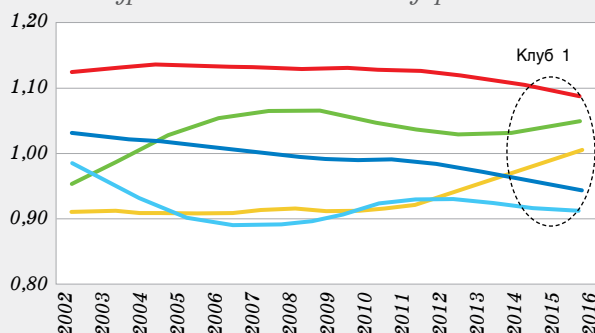
Траектории перехода относительно среднего уровня индекса экономической свободы

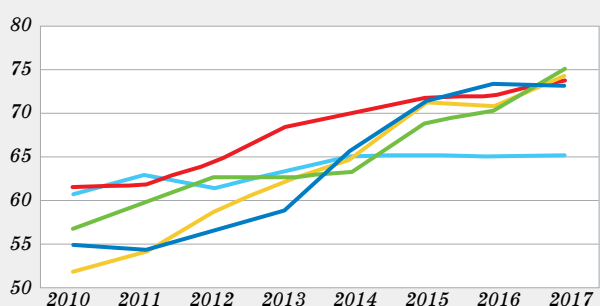
Индекс качества управления
в 1996–2016 гг., балл

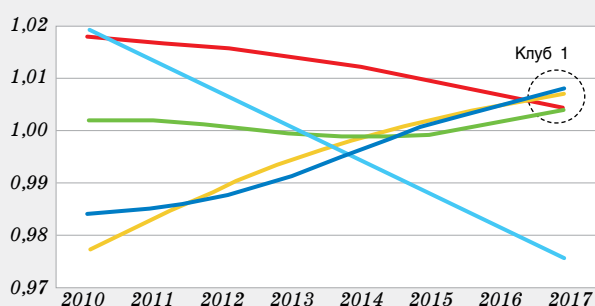
Траектории перехода относительно среднего уровня индекса качества управления

Показатель удаленности от передового
рубежа в 2010–2017 гг., балл

Траектории перехода относительно среднего уровня показателя удаленности от передового рубежа

— Армения — Беларусь — Казахстан — Кыргызстан — Россия

Примечания: 1. Средние уровни соответствующих показателей по странам ЕАЭС на графиках равны 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами.
2. Расчеты автора.

Рисунок 4

казателей и приведены соответствующие траектории перехода, характеризующие процессы общей и клубной конвергенции в странах ЕАЭС в графическом виде.

Обобщенные результаты эконометрического анализа конвер-

генции в странах ЕАЭС представлены в *таблице*.

Анализ показывает, что в странах ЕАЭС имеют место различные виды конвергенции: реальная, номинальная и институциональная. При этом наблюдается клубная реальная конвер-

генция. По показателю уровня ВВП на душу населения по ППС в текущих международных долларах (основной показатель реальной конвергенции) данный клуб формируют Беларусь, Казахстан и Россия. Данная конвергенция является относитель-

Таблица

Конвергенция в ЕАЭС: итоговые результаты

Показатель	Наличие конвергенции		Тип конвергенции
	общая	клубная	
Реальная конвергенция			
ВВП на душу населения по ППС	Нет	Да	Относительная
ВВП на душу населения в USD	Нет	Да	Абсолютная/относительная
Номинальная конвергенция			
Уровень инфляции (в среднем за год)	Да	–	Относительная (слабая)
Уровень инфляции (на конец года)	Да	–	Относительная (слабая)
Индекс потребительских цен, выраженный в USD	Нет	Да	Относительная (слабая)
Индекс потребительских цен, выраженный в RUB	Нет	Да	Относительная (слабая)
Институциональная конвергенция			
Индекс экономической свободы	Да	–	Относительная
Индекс качества управления	Да	–	Относительная
Показатель удаленности от передового рубежа	Нет	Да	Абсолютная

Примечание. Составлено автором.

ной, когда сближаются темпы роста ВВП на душу населения по ППС, а его уровни при этом все еще значимо различаются. По уровню ВВП на душу населения в долларах США также имеет место относительная клубная конвергенция, где формируются два кластера стран: с одной стороны, Казахстан и Россия, с другой – Армения и Беларусь.

По уровню инфляции между странами ЕАЭС наблюдается относительная общая конвергенция, однако выражена она пока весьма слабо. Поскольку в 2017 г. во всех странах ЕАЭС ожидаются достаточно низкие показатели инфляции, номинальная конвергенция, оцениваемая по уровню инфляции, вполне может усилиться. По индексам потребительских цен, выраженных в долларах США и российских рублях (агрегированные показатели стоимости жизни), имеет место относительная клубная конвергенция, выраженная, как и в случае с уровнями инфляции, слабо.

По индексам экономической свободы и качества государственного управления в рамках ЕАЭС существует общая относительная конвергенция, в то время как по показателю удаленности от передового рубежа конвергенция является клубной и абсолютной (сближаются уровни рассматриваемого показателя). В данный клуб конвергенции входят все страны ЕАЭС, за исключением Кыргызстана.

Таким образом, в странах ЕАЭС происходит клубная реальная конвергенция, общая номинальная конвергенция и в целом общая институциональная конвергенция (исключение составляет лишь Кыргызстан по одному показателю). Важно отметить, что с точки зрения конвергенции рассмотренных показателей ЕАЭС похож на многие другие интеграционные объединения. Наличие стран-лидеров и аутсайдеров, клубная конвергенция, сближение темпов роста показателей, а не их уровней – все это характерные черты большинства

интеграционных объединений. Отмеченные в ходе анализа различия в уровнях экономического и институционального развития между отдельными странами ЕАЭС не являются препятствием для развития интеграционного объединения. Более того, экономическая интеграция может способствовать большей конвергенции в рамках ЕАЭС.

Республика Беларусь стабильно занимает третье место по уровню ВВП на душу населения по ППС, уступая России и Казахстану. Однако дальнейшее сближение со странами-лидерами будет возможно только в случае опережающих темпов роста реального ВВП и производительности труда в Беларуси по сравнению с Россией и Казахстаном. В противном случае есть опасность дивергенции и увеличения различий в уровне жизни населения и производительности в рамках ЕАЭС.

* * *

Материал поступил 27.03.2020.

Библиографический список:

1. Пелипась, И. Реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС: рабочие материалы / И. Пелипась // Исследовательский центр ИПМ, WP/17/03. – Минск, 2017. – 23 с.
2. Phillips, P. C. B. Transition modeling and econometric convergence tests / P. C. B. Phillips, D. Sul // *Econometrica*. – 2007. – № 75. – P. 1771–1885.
3. Phillips, P. C. B. Some empirics on economic growth under heterogeneous technology / P. C. B. Phillips, D. Sul // *Journal of Macroeconomics*. – 2007. – № 29. – P. 455–469.
4. Phillips, P. C. B. Economic transition and growth / P. C. B. Phillips, D. Sul // *Journal of Applied Econometrics*. – 2009. – № 24. – P. 1153–1185.
5. Du, K. Econometric convergence test and club clustering using Stata / K. Du // *The Stata Journal*. – 2018. – № 17. – P. 882–900.

Real, nominal and institutional convergence in the EAEU countries

Igor PELIPAS, IPM Research Center, Head of the Supervisory Board, PhD in Economics, Associate Professor, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: pelipas@research.by.

Abstract. *The paper analyzes real, nominal and institutional convergence in the EAEU countries. For a long time the Republic of Belarus has been occupying the third place, after Russia and Kazakhstan, in terms of GDP levels per capita by purchasing power parity. However, further convergence with the leading countries will be possible only in case of the outstripping growth rates of the real GDP and labor productivity in Belarus. Otherwise, there is a threat of divergence and increase of differences in the standard of living of population and labor productivity within the framework of the EAEU.*

Keywords: *general and club convergence; panel data; economic growth; inflation; institutes; economic integration; EAEU.*

Стабилизация в монетарной сфере: ограничитель роста или необходимое условие?

Дмитрий КРУК

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: kruk@beroc.by

УДК 336.74 338.1 338.2

Ключевые слова:

состояние монетарной политики; эффективность монетарной политики; институциональные характеристики монетарной среды; инфляционные ожидания.

Период макроэкономической стабилизации совпал с заметным ослаблением темпа экономического роста. За 5 лет с 2015 г. по 2019 г. национальная экономика выросла лишь на 0,3%, а среднегодовой темп прироста ВВП в этот период составил всего 0,07%. Безусловно, внедрение нового дизайна экономической политики и пробуксовка экономического роста связаны между собой. Основываясь на базовых постулатах экономической теории [2, с. 1–24], можно утверждать, что в рамках нового дизайна экономическая политика перестала выполнять камуфлирующую роль в отношении темпа роста выпуска [1]. Соответственно, концептуальная и давно идентифицированная проблема слабого потенциала роста в Беларуси [3] визуализировалась и стала очевидна в статистических данных, даже без какой-либо их дополнительной статистической обработки.

Тем не менее в поисках «легких» объяснений слабого роста выпуска монетарная среда и политика приковывают к себе повышенное внимание. Например, в адрес монетарной политики (МП) могут выдвигаться «подозрения» в избыточной жесткости, что подразумевает чрезмерную направленность на обеспечение ценовой стабильности в ущерб динамике выпуска. Кроме того, ряд выдвигаемых в экспертных кругах предложений де-факто сводятся к тому, что при значительном ослаблении роста выпуска и актуальных угрозах финансовой стабильности смягчение степени приоритетности ценовой стабильности

может быть своеобразным «меньшим злом». Другими словами, подразумевается, что монетарные власти могут и должны смягчить свою политику для ускорения роста выпуска и нейтрализации потенциальных финансовых стрессов, даже если это приведет к повышению инфляции.

На «исследовательском языке» указанные «подозрения» можно свести к двум вопросам. Первое, каково было состояние МП в отношении выпуска в Беларуси в последние годы? Обеспечивала ли МП контрциклическое воздействие на выпуск, и если нет, то каковы были причины этого? Второе, приемлема ли для современных экономических реалий Беларуси большая ориентированность МП на сглаживание краткосрочных колебаний выпуска?

Основы современной монетарной политики и повестка дня в Беларуси

Общепризнанная монетарная теория в современном мире опирается на два фундаментальных положения. Первое постулирует нейтральность денег в долгосрочном периоде. Оно подразумевает, что в долгосрочном периоде корреляция инфляции и денежной массы стремится к 1, тогда как корреляция между ростом денежной массы и ростом выпуска отсутствует [2, с. 3]. В качестве его теоретического обоснования выступают гипотеза Фелпса – Фридмана [4; 5] и/или гипотеза рациональных ожиданий [6]. Несмотря на то, что уже прошло около 50 лет с момента, когда

С 2015 г. в Беларуси ощутило улучшилось качество экономической политики. Страна переориентировалась на режим плавающего обменного курса, монетарная политика и фискальная политика стали во многом опираться на разумные правила, нацеленные на поддержание низкой и стабильной инфляции и фискальной дисциплины. Благодаря этим изменениям в экономической политике в 2017–2019 гг. страна впервые за долгие годы смогла достичь состояния макроэкономической стабильности [1]. Особенно ценным это достижение видится с учетом «свежей памяти» финансовой нестабильности, высокой инфляции и девальвации в Беларуси.

указанные теоретические обоснования были сформулированы, их нельзя назвать устаревшими. За все эти годы в экономической теории не были сформулированы какие-либо теоретические конструкции, оспаривающие постулат о долгосрочной нейтральности денег. Более того, этот постулат имеет многочисленные эмпирические подтверждения [2, с. 1–4]. Претензии на его опровержение, как правило, высказывают лишь достаточное маргинальные и/или неортодоксальные концепции, которые не соответствуют критериям научности.

Вторым фундаментальным положением монетарной теории является краткосрочная эффективность МП, то есть возможность ее воздействия не только на цены, но и на динамику выпуска в краткосрочном периоде. В отношении этого положения консенсус среди экономистов не так безусловен, как в отношении первого. Традиции неоклассической школы и реального бизнес-цикла обычно склонны отрицать краткосрочную эффективность МП, рассматривая ее лишь как возможный частный случай [7]. Однако такой подход слабо сочетается с практикой МП и эмпирическими фактами, свидетельствующими в пользу наличия этого феномена [2, с. 4–15]. Поэтому, по крайней мере в прикладном анализе МП, безусловный приоритет в последние 20 лет принадлежит новой кейнсианской традиции [8]. Последняя постулирует краткосрочную эффективность МП как общий случай.

Основными выводами моделей господствующего нового кейнсианского подхода для МП являются следующие: (1) возможность «божественного совпадения» [9], то есть отсутствия для центрального банка противоречия между инфляцией и краткосрочным сглаживанием выпуска в случае отсутствия реальных жесткостей¹; (2) наилучшим режимом МП для реализации «божественного совпадения» является таргетирование инфляции [10]; для эффективной реализации МП чрезвычайно важны (3) стабильные ожидания, подконтрольные центрбанку, и (4) реалистичные оценки равновесного уровня

выпуска и процентной ставки, используемые в реализации МП [8, с. 185–186]. В последние годы выводы (1)–(2) подвергаются определенным корректировкам и ревизиям, что связано с новыми вызовами, с которыми сталкиваются развитые страны. Таковыми, например, являются замедление равновесного роста, снижение равновесной процентной ставки, что приводит к проблеме «нулевой нижней границы процентной ставки». С этими проблемами связан и феномен сглаживания краткосрочной кривой Филлиппа [11]. В качестве реакции на эти вызовы ряд работ постулирует необходимость корректировки правил МП в пользу более активного фокуса центрбанков на сглаживании выпуска [12; 13].

Наиболее важные вопросы монетарной политики в белорусской повестке дня в какой-то мере схожи с мировыми тенденциями. При этом отрадно, что такие вопросы преимущественно затрагивают роль и место МП лишь в отношении краткосрочных колебаний выпуска. Это дает основания надеяться, что экзотическая идея так называемого монетарного стимулирования долгосрочного роста, не имеющая каких-либо теоретических оснований, себя изжила и в Беларуси. Вместе с тем при анализе роли и места белорусской МП в краткосрочной перспективе важно принимать во внимание существующие институциональные особенности монетарной среды в Беларуси. С этой позиции простое проецирование на Беларусь выводов и рекомендаций для МП развитых стран может привести к ошибочным решениям.

Институциональные особенности монетарной среды в Беларуси

Особенностями монетарной среды Беларуси, которые скрывают возможность монетарной политики, являются: неустойчивость инфляционных ожиданий (ИО); масштабный шок общефакторной производительности и неоднозначность равновесного уровня и темпа прироста выпуска;

нестабильность экономического цикла и ненадежность его оценок; неустойчивость фактической инфляции и большой «люфт» для адаптации административно регулируемых цен.

Как показано выше, стабильность и подконтрольность («заякоренность») ИО являются важнейшей предпосылкой для осознанной и целенаправленной реализации МП. Однако в Беларуси это важнейшее условие не соблюдается [14]. Как показано в [14], в зависимости от состояния ИО белорусская монетарная среда может функционировать в трех отличающихся режимах. «Нормальный» режим – с адекватными значениями индикаторов монетарной среды – ассоциируется с периодами относительно стабильных и низких в абсолютных величинах инфляционных ожиданий. При таком режиме имеет место достаточно устойчивое соотношение между фактической и ожидаемой инфляцией. Но даже в его рамках каузальность этого соотношения лишь односторонняя, предполагающая влияние фактической инфляции на ожидаемую. В рамках этого режима Национальный банк может достигать краткосрочной эффективности МП, но только при условии стабилизации фактической инфляции. В противном случае это чревато повышением ИО [14].

Вследствие «незаякоренности» ИО могут измениться и под воздействием экзогенных шоков. При их росте (вне зависимости от причины) Национальный банк вынужден иметь дело с новым состоянием монетарной среды, и перед ним встает простой выбор. Если в ответ на рост ИО Национальный банк пропорционально повышает свою процентную ставку, то переводит монетарную среду в «субнормальный» режим. Адаптация ставок к повышенным инфляционным ожиданиям не дает последним полностью реализоваться в фактической инфляции. Отсюда фактическая инфляция оказывается ниже ожидаемой, реальные процентные ставки существенно возрастают, а МП принимает рестриктивный в отношении выпуска характер.

¹ Важно отметить, что в рамках «божественного совпадения» в качестве меры разрыва выпуска рассматривается отклонение фактического выпуска от его эффективного уровня, что отличается от более традиционной меры разрыва выпуска.

Безусловно, такое состояние МП не является желанным [14].

Доступной альтернативой переходу в «субнормальный» режим является игнорирование Национальным банком роста ИО. В этом случае ИО трансформируются в фактическую инфляцию. Монетарная среда тогда вступает в «аварийный» режим функционирования: с отрицательными реальными процентными ставками, высоким уровнем инфляции и высокой вероятностью раскручивания инфляционной спирали. Практически по всем формальным критериям переход в «субнормальный» режим является намного более предпочтительной (хоть в целом и нежеланной) опцией, нежели переход в «аварийный» режим. С этой позиции соответствующее «субнормальному» режиму рестриктивное состояние МП более корректно было бы интерпретировать как ее «вынужденную жесткость» [14].

Серьезными препятствиями для реализации МП являются и проблемы идентификации равновесных значений выпуска, процентной ставки, а также текущей динамики бизнес-цикла. В период с 2007 г. по 2017 г. в Беларуси имела место устойчивая тенденция снижения темпа равновесного выпуска. Более того, в 2015–2016 гг. она, вполне вероятно, трансформировалась в редкий феномен структурного спада [15]. На этом фоне с 2017 г. среда долгосрочного роста в Беларуси стала неустойчивой, а оценки равновесного темпа прироста колеблются в диапазоне 0–3,5% в год [16]. Сама по себе «турбулентность» среды долгосрочного роста является вызовом для МП, поскольку дезориентирует ее. В этом случае существует опасность принять долгосрочные адаптации за конъюнктурные колебания и наоборот [17]. Кроме того, она приводит к неоднозначности оценок равновесного уровня процентной ставки. Например, на основе калибровки модели динамического стохастического общего равновесия допустимая область значений последней составляет от 2,0 до 3,5% годовых [18]. Вместе с тем

различные эконометрические техники оценки обуславливают даже более широкий диапазон – до 4,5% годовых. Наконец, схожие проблемы идентификации могут возникать и относительно состояния бизнес-цикла. Во-первых, на это вновь может влиять «турбулентность» долгосрочной среды роста. Во-вторых, существующие процедуры идентификации бизнес-цикла сегодня часто ставятся под сомнение [19], что более чем актуально и для ситуации в Беларуси [20, с. 10–11]. Все указанные проблемы могут приводить к систематическим ошибкам в МП при ее ориентированности на сглаживание краткосрочных колебаний выпуска. Причем чем большая роль будет придаваться этой задаче, тем более значимыми могут быть систематические ошибки.

Еще одним важным «дефектом» монетарной среды в Беларуси является большой потенциал для адаптаций уровня цен. Общий уровень цен в Беларуси далек от международного и является одним из наименьших среди стран с развивающимся рынком с сопоставимым уровнем дохода [21, с. 118]. Это означает и большее потенциальное воздействие эффекта Балассы – Самуэльсона на Беларусь. Кроме того, стране присуще существенное отклонение относительных цен от международных эталонов. Например, занижены относительные цены на медицинские, жилищно-коммунальные услуги, топливо [21, с. 118], а также некоторые другие товары, цены на которые подвержены административному регулированию. Все это означает, что Беларусь потенциально подвержена ощутимым по масштабу шокам фактической инфляции. С учетом описанной выше специфики связи фактической инфляции и ИО это чревато выходом динамики инфляции из-под контроля МП. Предотвратить такой сценарий можно, если стабилизация инфляции будет единственной краткосрочной целью (или безусловно приоритетной) МП (в добавок к долгосрочной ориентации на ценовую стабильность).

Монетарная среда в Беларуси в 2015–2019 гг.

«Подозрения» в избыточной жесткости в отношении монетарной среды сформировались в 2015–2016 гг., когда диспропорции монетарной среды были достаточно очевидны. В этот период реальные процентные ставки были чрезвычайно высоки (около 13,5% в среднем за период), причем они сохранялись на фоне устойчивой дезинфляции (в среднем за этот период инфляция составляла около 11,7%, а к концу 2016 г. она перешла в диапазон 7–8%). Безусловно, такая ситуация в монетарной сфере оказывала сдерживающее воздействие на выпуск.

Однако принимая во внимание институциональные дефекты монетарной среды в Беларуси, эта ситуация является хрестоматийным примером «вынужденной жесткости» [14]². Такая ситуация сложилась, поскольку вследствие реальных шоков на рубеже 2014–2015 гг. в Беларуси существенно возрос уровень ИО, причем до конца 2016 г. он превышал фактическую инфляцию. Как показано выше, для того чтобы не допустить перетекания ожидаемой инфляции в фактическую и перехода в «аварийный» режим МП (как в 2011 г.), Национальный банк был вынужден войти в «субстандартный» режим. Но «субстандартный режим», являясь мерой защиты от инфляционного скачка, отнюдь не гарантирует автоматического и быстрого снижения ИО. С этой позиции он является тяжелым и дорогим (в терминах потерь выпуска) путем стабилизации монетарной сферы. Но в отсутствие альтернатив такой путь был единственным возможным для обеспечения ценовой стабильности. Только пройдя этот «тяжелый и дорогой» путь, добившись снижения инфляционных ожиданий до уровня, близкого к фактической инфляции, Национальный банк смог (с октября 2016 г.) перейти в нормальный режим политики [14].

Наиболее важным выводом и уроком периода «вынужденной

² В данной работе состояние МП оценивается на основе сопоставления фактической (*ex post*) величины реальной процентной ставки по сравнению с ее предполагаемым уровнем (*ex ante*). Результаты такого подхода к оценке состояния МП близки к оценкам разрыва по ставке МБК/монетарных условий, которые рассчитываются в Национальном банке.

жесткости» является то, что до тех пор, пока ИО нестабильны и подвержены широкому перечню шоков, Национальный банк не может превентивно нейтрализовать угрозу «вынужденной жесткости». Единственной реалистичной альтернативой ей остается инфляционная спираль. Поэтому состояние МП в 2018–2019 гг., которое в среднем характеризовалось нейтральным состоянием, уже можно считать большим достижением для Беларуси. Более того, до тех пор пока сохраняются институциональные дефекты монетарной среды, претендовать на полноценную краткосрочную эффективность монетарной политики не приходится. Сглаживание выпуска может быть лишь строго вторичной краткосрочной задачей при приоритетности стабилизации инфляции.

Заключение

Анализ состояния и среды МП позволяет сделать два важных вывода в отношении сегодняшних реалий монетарной среды. Во-первых, МП в Беларуси при всплеске

инфляционных ожиданий оказывается в ситуации неприятного выбора. Он предполагает либо вынужденную жесткость МП, либо ее вхождение в «аварийный режим» с раскручиванием инфляционной спирали. С этой позиции состояние МП, близкое к нейтральному, в последние периоды уже является весомым достижением для Беларуси, монетарная среда которой имеет серьезные институциональные дефекты. При таких дефектах МП даже в относительно благоприятные периоды не может себе позволить стимулирующую политику. Это чревато усилением противоречий с динамикой инфляции «руководимой» актуализацией выбора между «субстандартным» и «аварийным» режимом МП. Во-вторых, важными видятся выводы из сложившегося статус-кво в монетарной среде в отношении среднесрочной перспективы. Поскольку МП стала своего рода заложником институциональных дефектов, она не может быть в полной мере эффективной. Чтобы сделать ее таковой, важны меры институционального характера. Среди тех из

них, которые находятся (хотя бы частично) в компетенции Национального банка, наиболее важные – стабилизация и «заякоривание» инфляционных ожиданий, а также снижение уровня реальной и финансовой долларизации. В значительной мере этому смогут поспособствовать прозрачность, открытость Национального банка, а также его приверженность правилу в реализации МП (в противовес дискреции). Но как минимум не менее важно и устранение институциональных дефектов, которые находятся за пределами компетенций Национального банка. Наибольшую поддержку в этом монетарной политике сможет оказать повышение и стабилизация темпа долгосрочного роста, что является первичной концептуальной проблемой современной Беларуси. В этом случае и Национальный банк будет максимально «полезен» для долгосрочного роста, так как барьеры для обеспечения ценовой стабильности существенно ослабнут.

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. Крук, Д.Э. Белорусская экономика в середине 2019 г.: итоги периода восстановительного роста [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_69.pdf. – Дата доступа: 11.03.2020.
2. Walsh, C.E. *Monetary theory and policy* / C.E. Walsh. – 3rd ed. – Cambridge: MIT Press, 2010. – 614 p.
3. Kruk, D. *Belarusian economic growth decomposition* [Electronic resource] / D. Kruk, K. Bornukova // Belarusian Economic Research and Outreach Center. – Mode of access: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/WP_24_eng_Bornukova&Kruk.pdf. – Date of access: 11.03.2020.
4. Phelps, E. *Phillips curves, expectations of inflation and optimal unemployment over time* / E. Phelps // *Economica*. – 1967. – № 135 (34). – P. 254–281.
5. Friedman, M. *The Role of Monetary Policy* / M. Friedman // *American Economic Review*. – 1968. – № 1 (58). – P. 1–17.
6. Lucas, R. *Expectations and the neutrality of money* / R. Lucas // *J. of Economic Theory*. – 1972. – № 2 (4). – P. 103–124.
7. Lucas, R. *Some international evidence on output-inflation tradeoffs* / R. Lucas // *American Economic Review*. – 1973. – № 3 (63). – P. 326–334.
8. Gali, J. *Monetary policy, inflation, and the business cycle* / J. Gali. – 1st ed. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 203 p.
9. Blanchard, O. *Real wage rigidities and the new Keynesian model* / O. Blanchard, J. Gali // *J. of Money, Credit, and Banking*. – 2007. – № S1 (39). – P. 35–65.
10. Blanchard, O. *The state of macro* / O. Blanchard // *Annual Review of Economics*. – 2009. – № 1 (1). – P. 209–228.
11. Blanchard, O. *The US Phillips curve: back to the 60s?* [Electronic resource] / O. Blanchard // *Peterson Institute for International Economics*. – Mode of access: <https://www.piie.com/system/files/documents/pb16-1.pdf>. – Date of access: 11.03.2020.
12. Blanchard, O. *Inflation and activity – two explorations and their monetary policy implications* [Electronic resource] / O. Blanchard, E. Cerutti, L. Summers // *International Monetary Fund*. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/up15230.pdf>. – Date of access: 11.03.2020.
13. Blanchard, O. *Rethinking macroeconomic policy II: getting granular* [Electronic resource] / O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1303.pdf>. – Date of access: 11.03.2020.
14. Kruk, D. *Exploring SVAR-based empirical measure of inflation expectations for Belarus: implications for monetary policy* / D. Kruk // *Economics. J. of Belarusian State University*. – 2020 (forthcoming).
15. Крук, Д.Э. Причины и характеристики экономического спада в Беларуси: роль структурных факторов [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_42.pdf. – Дата доступа: 11.03.2020.

16. Крук, Д.Э. Перспективы и вызовы для белорусской экономики в среднесрочном периоде (2018–2020 гг.) [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_54.pdf. – Дата доступа: 11.03.2020.
17. Kruk, D.E. Monetary Policy Puzzle Given Negative TFP shock and Unstable Expectations [Electronic resource] / D.E. Kruk // Forum for Research on Eastern Europe and Emerging Economies. – Mode of access: http://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2017/05/FREPolicyBriefs_May29.pdf. – Date of access: 11.03.2020.
18. DSGE-модель для экономики Беларуси / Национальный банк Республики Беларусь; рук. К.В. Борнукова. – Минск, 2020. – 102 с.
19. Coibion, O. The Cyclical Sensitivity in Estimates of Potential Output / O. Coibion, Y. Gorodnichenko, M. Ulate // Brookings Papers on Economic Activity. – 2018. – № 2 (49). – P. 343–441.
20. Малюгин, В. Индекс экономических настроений белорусской экономики: методические, модельные и программные средства / В. Малюгин, Д. Крук, П. Милевский // Банкаўскі веснік. – Тэматычны выпуск «Исследования банка № 16». – Красавік, 2019. – 29 с.
21. A comprehensive report of the 2011 international comparison program / World bank group. – Washington, DC: World Bank, 2015. – 306 p.

Stabilization in monetary sphere: limiter of growth or necessary condition?

Dzmitry KRUK, BEROE Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: kruk@beroc.by.

Abstract. This article analyzes present-day realities of the monetary environment in Belarus. The author describes the state of monetary policy in Belarus, reasons and consequences of such state, as well as probable strengthening of monetary policy orientation towards smoothing the output fluctuations. The study shows a number of institutional deficiencies in the Belarusian monetary environment. The most serious ones are the absence of anchors for inflation expectations and weak and unstable equilibrium output growth. Efforts aimed at eliminating institutional deficiencies are necessary for increasing monetary policy effectiveness.

Keywords: monetary policy state; monetary policy effectiveness; institutional characteristics of monetary environment; inflationary expectations.

Как режим таргетирования инфляции согласуется с вопросами роста?

Наталья МИРОНЧИК

Национальный банк Республики Беларусь, начальник Управления исследований, кандидат экономических наук, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: N.Mironchik@nbrb.by

УДК 336.711

Ключевые слова:
монетарная политика; таргетирование инфляции; режим денежно-кредитной политики; экономический рост; коммуникационная политика.

За время государственной независимости денежно-кредитная политика Республики Беларусь прошла достаточно долгий и непростой этап становления и развития. Продолжительное время использовалась стратегия таргетирования обменного курса, а с 2015 г. денежно-кредитная политика работает в рамках режима монетарного таргетирования. В среднесрочной перспективе Национальный банк планирует осуществить переход к таргетированию инфляции (ТИ). Как данный режим согласуется с задачами обеспечения экономического роста?

Общая информация о режиме таргетирования инфляции

С точки зрения конечной цели монетарной политики любая стратегия политики, будь то таргетирование инфляции, таргетирование обменного курса или монетарное таргетирование, априори направлена на поддержание устойчивого роста экономики посредством обеспечения ценовой стабильности. Это общепризнанно и объясняется нейтральностью монетарной политики – теоретически обоснованным и эмпирически подтвержденным принципом, согласно которому предложение денег не влияет на рост экономики в долгосрочной перспективе, а определяет только уровень инфляции. Высокая и волатильная инфляция, а также дефляция крайне вредны для роста. Они

приводят к нестабильности реальных процентных ставок, что, в свою очередь, делает невозможным надежное долгосрочное планирование инвестиционных проектов. И наоборот, как подтвердили исследования экспертов МВФ, в странах с хорошо заякоренными инфляционными ожиданиями отрасли, характеризующиеся высокой интенсивностью исследований и разработок, имеют тенденцию расти быстрее, чем остальные [14]. Таким образом, обеспечение покупательной или ценовой стабильности национальной валюты – это лучшее, что может сделать центральный банк для поддержки устойчивого роста экономики.

Под ценовой стабильностью, как правило, понимается не нулевая, а небольшая и предсказуемая инфляция, обеспечивающая наиболее благоприятные условия для развития бизнеса¹. Для стран с формирующейся экономикой ее уровень должен несколько превышать инфляцию в развитых странах в силу опережающего роста производительности и реальных доходов. Для Беларуси оптимальным и целевым признан уровень инфляции не более 5% с дальнейшим снижением в среднесрочном периоде до 4%, а затем постепенным доведением до уровня развитых экономик [2].

В настоящее время ТИ считается наиболее эффективным режимом в достижении цели монетарной политики, поскольку признан весьма адаптивным и в

Оксана РЫЖКОВСКАЯ

Национальный банк Республики Беларусь, начальник управления монетарной политики Главного управления монетарной политики и экономического анализа, кандидат экономических наук, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: ryzhkovskaya@nbrb.by

¹ В зависимости от страны оптимальным для роста экономики считается уровень среднегодовой инфляции в диапазоне 2–5%. При более высокой инфляции повышается вероятность ее выхода в область двузначных значений, а при более низких – риск дефляции.

большей степени учитывающим интересы роста, в том числе в странах с формирующимся рынком [10]. За последние три десятилетия данный режим стал одним из самых распространенных в странах, стремящихся проводить независимую монетарную политику. Более 40 стран, преимущественно с высоким и выше среднего уровнем дохода на душу населения, ввели ТИ. На их долю приходится более 60% мирового ВВП (рисунок). Ни один центральный банк, который внедрил стратегию ТИ, не отказался от нее. Эффективность ТИ – это результат естественной и закономерной эволюции монетарной политики в ходе экономического развития и развития финансовых рынков.

Таргетирование инфляции представляет собой совокупность правил и процедур денежно-кредитной политики, обеспечивающих достижение цели по инфляции, и предполагает объявление

этой цели для общественности, объяснение принимаемых решений по ее достижению и ответственность за невыполнение указанной цели. Основным инструментом денежно-кредитной политики при ТИ служит регулирование краткосрочной процентной ставки денежного рынка [22].

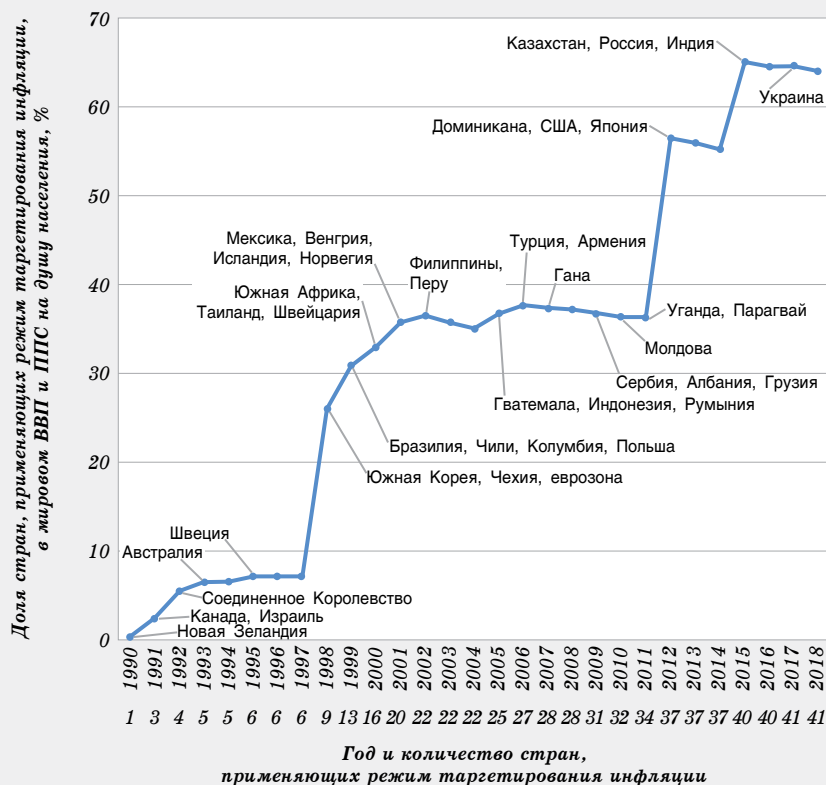
Несмотря на то, что определение режима таргетирования инфляции не дает прямого ответа на вопрос о связи монетарной политики с объемом производства и занятостью, режим не игнорирует реальные переменные. Динамика ВВП учитывается в политике в соответствии с теорией² и особенностями функционирования фактической экономики. Подразумевается, что монетарная политика влияет на экономические циклы. Она воздействует на реальную экономику в кратко- и среднесрочном периодах, обеспечивая временный компромисс между объемом производства,

занятостью и инфляцией, и влияет на скорость, с которой центральный банк вернет инфляцию к цели, согласующейся с устойчивым высоким темпом роста экономики. Так, работа процентного канала трансмиссионного механизма монетарной политики предполагает, что в силу негибкости цен и заработных плат монетарная политика воздействует на реальные процентные ставки, которые влияют на инвестиции и потребление и таким образом изменяют совокупный спрос. Ослабление денежно-кредитной политики в традиционном понимании приводит к снижению реальных процентных ставок, что уменьшает стоимость заимствований и стимулирует увеличение инвестиционных расходов и общее увеличение совокупного спроса [20].

По сути стратегия ТИ – это «таргетирование прогноза по инфляции», поскольку она учитывает лаг воздействия мер монетарной политики на выпуск и цены. Возможность влиять на совокупный спрос в кратко- и среднесрочном периодах позволяет режиму ТИ минимизировать издержки выхода экономики из кризисов наиболее успешным образом [10]. Ученые объясняют это соблюдением четкого правила политики для процентной ставки, в основе которого лежит правило Тейлора (вставка). Правило работает таким образом, чтобы монетарная политика обеспечивала не только стабилизацию инфляции на целевом уровне, но и минимизацию отклонений выпуска от своего равновесного уровня. Как следствие, при соблюдении правила происходит систематическое уменьшение неопределенности и постепенное укрепление доверия к способности центрального банка решать данные задачи.

Описание механизма работы трансмиссионного механизма с учетом специфики и особенностей структуры экономики, ее финансовой системы в обязательном порядке содержится в объяснениях центральных банков, использующих режим ТИ. Данный механизм закладывается в модель анализа и проектирования монетарной политики, на основе кото-

Страны, применяющие режим таргетирования инфляции

Примечание. Составлено авторами по данным МВФ и Всемирного банка.

Рисунок

² В основе режима таргетирования инфляции лежит новая кейнсианская теория.

Правило Тейлора

Правило Тейлора – это правило монетарной политики, которое определяет соответствие установленной центральным банком номинальной процентной ставки изменениям инфляции и выпуска. Правило было предложено Дж. Тейлором в 1993 г. Оно было выведено эмпирическим путем на основе анализа монетарной политики ФРС за период 1987–1992 гг.

Правило задается следующим образом:

$$i_t - \pi_{t+n} = r_t^* + \alpha(\pi_{t+n} - \pi_t^T) + \beta y_{t+m}^* \quad (1)$$

где i_t – краткосрочная номинальная ставка денежного рынка, π_t – уровень инфляции, r_t^* – нейтральный уровень реальной краткосрочной процентной ставки, y_t^* – отклонение ВВП (Y_t) от своего равновесного

уровня (Y_t^*), рассчитанное как $\frac{Y_t - Y^*}{Y^*}$ и выраженное в процентах,

α и β – весовые коэффициенты, n и m – лаги воздействия монетарной политики на инфляцию и выпуск соответственно.

Согласно правилу Тейлора номинальная процентная ставка должна быть установлена на таком уровне, чтобы фактическая реальная ставка политики была равной нейтральной реальной ставке плюс условие, которое учитывает отклонение инфляции от цели и величину разрыва выпуска с весами, равными α и β соответственно.

В изначальной форме предложенное Тейлором правило для ставки по федеральным фондам США имело следующие параметры:

$$i_t - \pi_t = 2 + 0,5(\pi_t - 2) + 0,5y_t^* \quad (2)$$

Такая калибровка предполагала следующее: а) средняя реальная ставка процента должна быть на уровне 2%, что соответствовало долгосрочным темпам прироста реальных доходов в США за 1984–1992 гг. (2,2%); б) цель по инфляции равна 2%; в) равные веса для разрыва выпуска и отклонения инфляции от цели [12].

Вставка

Влияние режима ТИ на экономический рост

Положительное воздействие ТИ на динамику экономического роста подтверждают результаты многих исследований. В [9; 18; 23] показано, что страны, перешедшие на режим ТИ, смогли добиться более высокого и устойчивого роста своих экономик после смены режима монетарной политики в сравнении с теми странами, которые не перешли на ТИ. Авторы связывают это с тем, что переход к таргетированию инфляции позволяет снизить инфляционные ожидания, уровень и волатильность инфляции. В свою очередь, ценовая стабильность приводит к меньшей изменчивости относительных цен и повышению точности ценовых сигналов для бизнеса и, как следствие, улучшению инвестиционных решений и снижению волатильности выпуска. Эти результаты подтверждают и современные исследования, основанные на более полных данных о долгосрочных эффектах смены режима денежно-кредитной политики. Так, Г. Хейл и А. Филиппов, сравнив схожие по макроэкономическим характеристикам пары стран, которые использовали разные режимы монетарной политики, сделали вывод, что экономики развивающихся стран, перешедших к таргетированию инфляции, благодаря смене режима в среднем стали прирастать на 0,6 п. п. больше, чем экономики стран, которые не переходили на ТИ [19].

В то же время, как отмечает Ф. Картаев, приводя в пример опыт России, сам по себе переход к таргетированию инфляции не способен обеспечить устойчивые высокие темпы роста экономики [4]. Разумная монетарная политика лишь помогает экономическому развитию, однако она не способна стать драйвером роста и решить проблемы качественного накопления физического и человеческого капитала, стимулирования технологического прогресса и улучшения институциональной среды. Марио Драги, будучи главой ЕЦБ, указывал, что решить проблему низких темпов экономического роста можно только посредством проведения структурных реформ и мер фискаль-

рой принимаются политические решения.

Национальный банк Республики Беларусь использует такую модель с 2018 г. Модель была разработана при технической поддержке МВФ и учитывает структуру и особенности белорусской экономики, в том числе влияние долларизации, политики заработных плат и целевого кредитования государственных программ на эффективность трансмиссии монетарной политики [6]. Несмотря на то, что структурные ограничения не препятствовали успешности ТИ в других странах с формирующимся рынком, наличие указанной модели недостаточно для эффективного использования стратегии ТИ в Республике Беларусь. Особенности белорусской экономики существенно отличаются. Высокая доля государственного сектора в экономике и слабость рыночных механизмов распределения ресурсов на фоне высокого уровня финансовой валютизации в значительной степени ослабляют работу процентного канала

трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в Беларуси. Для перехода на ТИ в экономике должна быть сформирована рыночная среда с устойчивыми связями между процентными ставками, реальными переменными и ценами. Сохраняющиеся доминирование государственного сектора, высокий уровень монополизации и слабая конкуренция обуславливают ценовые диспропорции и искажение информационных сигналов о состоянии рынков товаров, рабочей силы и капитала, ослабляют доверие общественности к деятельности Национального банка и затрудняют работу процентного канала. Соответственно, трансформация экономики и переход на рыночные принципы распределения ресурсов с выстраиванием работы таких институтов, как защита прав кредиторов и равенство всех форм собственности, будут способствовать не только успешности ТИ в Беларуси, но и повышению потенциала роста экономики в целом.

ной политики, направленных на снижение неопределенности и повышение ожиданий относительно будущих доходов фирм. В свою очередь, улучшение экономических перспектив позволит повысить эффективность монетарной политики [16]. Эксперты МВФ призывают к согласованным действиям на всех направлениях макроэкономической политики. Политика стимулирования внутреннего спроса, в том числе мерами монетарной и фискальной политики, должна лишь поддерживать реализацию структурных реформ, которые увеличивают потенциальный рост и предотвращают любое падение производства и занятости [17].

Результаты трансформации режима и новые вызовы

Как отмечалось выше, высокая адаптивность режима ТИ к особенностям национальной структуры экономики, глобальным изменениям, новым вызовам и шокам обусловила его трансформацию за 30 лет использования после введения Резервным банком Новой Зеландии в 1989 г. Усовершенствования коснулись многих элементов режима, в том числе отношения к отклонению инфляции от цели, внедрения принципа прозрачности, повышения роли коммуникаций, больше внимания стали уделять финансовой стабильности, расширению набора инструментов регулирования ликвидности [8; 10; 11; 24].

Отношение к отклонению инфляции от цели. В условиях высоких и незакоренных инфляционных ожиданий режим ТИ, как и ранее, предполагает важность дезинфляции экономики и стабилизации ожиданий вблизи таргета. Однако если инфляционные ожидания хорошо закреплены на целевом уровне, то в случае ценовых шоков возможен более гибкий подход к достижению цели по инфляции. Как отмечают эксперты МВФ в [10], доверие к национальной валюте и центральному банку не означает, что уровень инфляции всегда должен быть близким к установленному целевому параметру. Природа экономических потрясений такова, что фактическая инфляция может отклоняться от цели ино-

гда значительно. Лаг воздействия монетарной политики и краткосрочный компромисс между инфляцией и выпуском, а также риск ошибок делают невозможным быстрое устранение таких отклонений. Важным моментом для доверия и сохранения заякоренности ожиданий является то, что центральный банк последовательно действует таким образом, чтобы вернуть инфляцию к цели в течение периода монетарной трансмиссии, продолжительность которого составляет пару лет или около того.

Прозрачность монетарной политики и коммуникации. Связь центрального банка с общественностью является неотъемлемой частью режима ТИ [21]. Она необходима, чтобы улучшить понимание денежно-кредитной политики и, как следствие, повысить доверие к ней и ее эффективность, что, в свою очередь, должно снизить реальные затраты на поддержание инфляции на целевом уровне. С начала 90-х гг. уровень прозрачности деятельности центральных банков значительно возрос. Повышение прозрачности сопровождалось совершенствованием инструментов коммуникационной политики [15]. Немедленная публикация решений по процентным ставкам стала стандартным элементом коммуникаций центральных банков не только для режима ТИ. В настоящее время все центральные банки, использующие режим ТИ, помимо публикации пресс-релизов, сразу после заседаний комитета по монетарной политике проводят брифинги с участием руководителя центрального банка, на которых разъясняется обоснованность принятого решения, публикуют свои прогнозы инфляции, большинство из них также прогнозы ВВП, некоторые – прогноз изменения процентной ставки (Новая Зеландия, Норвегия, Чехия и Швеция) [15; 24]. В аналитических материалах центральные банки объясняют, как решения по монетарной политике воздействуют на экономику для возврата инфляции к цели, часто анализируют ошибки прошлых прогнозов. Аналитические подразделения центральных банков ведут активные научные коммуникации, обосновывая разработанные модели анализа и

прогнозирования и объясняя целесообразность и способы их применения [8].

Национальный банк Республики Беларусь внедрил публичный регламент заседания Правления Национального банка по вопросам денежно-кредитной политики, публикацию пресс-релизов по принятым решениям и проведение брифингов Председателя Правления в 2018 г. Помимо этого, усовершенствован сайт Национального банка в сети Интернет, который постоянно пополняется новыми материалами и информацией, направленными на разъяснение действий регулятора по вопросам денежно-кредитной политики, растет частота и расширяются формы коммуникаций экспертов банка в соответствии с утвержденной в конце 2018 г. Коммуникационной политикой [7].

Больше внимания вопросам финансовой стабильности. После мирового финансового кризиса центральные банки, в том числе таргетирующие инфляцию, стали придавать больше внимания вопросам финансовой стабильности как фактору, влияющему на денежно-кредитную политику. П.-Р. Агенор и Л.А. Перейра да Силва, считая, что макропрudenциальная политика и монетарная политика должны дополнять друг друга, предложили центральным банкам использовать комбинированное таргетирование инфляции (Integrated inflation targeting), в рамках которого факторы – отклонение инфляции от цели и разрыв выпуска – в правиле монетарной политики для процентной ставки дополняются кредитным разрывом в качестве индикатора риска для финансовой стабильности [11]. Однако, как отмечают А. Самарина и Н. Апокоритис, финансовая стабильность пока не стала формальной целью денежно-кредитной политики, она остается отдельным мандатом центральных банков, который выходит за рамки денежно-кредитной политики [24].

Расширение набора инструментов регулирования ликвидности. Чтобы стимулировать восстановление экономики и восстановить функционирование финансового посредничества после кризиса, центральные

банки развитых стран широко использовали адаптивные меры денежно-кредитной политики. В результате инструментарий денежно-кредитной политики был расширен за счет операций рефинансирования на более длительные сроки, в более широком масштабе и с более высокой частотой, с расширенным набором контрагентов и обеспечения, валютными свопами с другими центральными банками и программы покупки активов (для частных и государственных ценных бумаг) и количественных смягчений [24]. Данные операции привели к значительному расширению балансов центральных банков развитых стран. При этом спрос экономических агентов на кредит не усилил инфляционных рисков – средний темп роста кредита банков экономике в данных странах остался низким. Например, в еврозоне за 2016–2018 гг. он составил 1,8%, в США – 3,7%.

Однако использование инструментов количественных смягчений может быть полезно лишь для борьбы с дефляцией [13]. Применение таких мер для стимулирования роста в странах с незаякоренными инфляционными ожиданиями, в том числе в настоящее время в белорусской экономике, опасно, поскольку они могут усилить риски для ценовой и финансовой стабильности и усугубить проблему низких темпов роста потенциального выпуска.

В Беларуси средний темп прироста требований банковской системы к экономике за 2016–2019 гг. составил 7,0%, а широкой денежной массы – 10,5%. Такие темпы роста кредита и денежной массы говорят о том, что денег и кредита в белорусскую экономику поступает достаточно, но экономика не способна превратить эти деньги в эффективно работающий капитал, создать реальную добавленную стоимость. В таких условиях обеспечить выход экономики на высокие устойчивые темпы роста могут только меры, направленные на реформирование структуры национальной экономики и повышение ее

конкурентоспособности, а также меры фискальной политики по поддержке структурных реформ.

Среди новых вызовов режиму ТИ в странах с формирующейся экономикой наиболее актуальными представляются угроза снижению степени независимости центральных банков и наблюдаемое ослабление связи между динамикой потребительских цен и рынком труда.

Угроза снижения степени независимости центральных банков. Обязательным институциональным условием гарантии того, что инфляционные ожидания будут находиться под контролем, содействуя долгосрочному росту экономики, призвана служить операционная независимость центрального банка [10]. Под независимостью понимается отсутствие возможности у внешних заинтересованных сторон оказывать давление на центральный банк в принятии решений по монетарной политике, способных подвергнуть риску ценовую и финансовую стабильность в экономике. Считается, что независимости, или автономности, способствует законодательное закрепление целей и полномочий центрального банка. Несмотря на то, что консенсус относительно необходимой автономности центральных банков был достигнут в большинстве стран мира в конце 1990-х – начале 2000-х гг., последние несколько лет отмечены возрастанием политического давления на ряд центральных банков с режимом ТИ (Турция, Индия, США и другие) с целью смягчить денежно-кредитную политику для стимулирования деловой активности и экономического роста. При этом игнорируются выводы теории и эмпирические свидетельства того, что центральный банк, обещающий ценовую стабильность, но при этом находящийся под политическим давлением по проведению стимулирующей политики, не будет обладать общественным доверием. В такой ситуации экономические агенты осознают риски, что способствует росту инфляционных ожиданий. Как

отмечает С. Моисеев, эффективным ответом на такое давление может быть укрепление коммуникационной политики: активное и доступное разъяснение целей и задач монетарной политики, а также принимаемых центральными банками мер для их решения. Он также подчеркивает важность проведения эффективной налоговой, бюджетной и инвестиционной политики государства [5].

Ослабление связи между динамикой потребительских цен и рынком труда. Замедление инфляционных процессов на фоне сокращающейся безработицы, отмечаемое в ряде стран в последнее время, свидетельствует об ослаблении связи между занятостью и инфляцией. Вместе с тем наличие последней предполагается теорией (кривая Филлипса) и, соответственно, закладывается в модели центральных банков, предназначенные для анализа и проектирования монетарной политики. Полных и точных ответов, объясняющих нарушение общепринятого понимания зависимости между предельными издержками производства и инфляцией, у науки пока нет³. Соответственно, это может ослабить аналитические основы центральных банков и негативно сказаться на эффективности принимаемых политических решений. В таких условиях центральным банкам необходимо максимизировать усилия по совершенствованию и развитию системы анализа, прогнозирования и проектирования денежно-кредитной политики.

Подготовка к внедрению режима ТИ в Республике Беларусь

Для внедрения режима таргетирования инфляции Национальным банком в целом завершена настройка его инструментов [7]. Тем не менее важен дальнейший прогресс по данному направлению, особенно учитывая глобальную тенденцию усиления политического давления на центральные банки. Национальному банку целесообразно продолжить

³ Среди причин данного явления называются: увеличение в структуре потребления населения расходов (например, на медицинские услуги), которые слабо чувствительны к экономической ситуации; быстрое развитие интернет-торговли (эффект Amazon), что меняет поведение экономических агентов и способствует повышению гибкости цен; постепенная роботизация производственных процессов, ослабляющая фактор предельных издержек на труд; усиление влияния внешних факторов в силу постепенной синхронизации глобальной и внутренней инфляции и другие [1].

совершенствование и укрепление своей коммуникационной политики для содействия достижению цели по обеспечению ценовой стабильности как важнейшего условия устойчивого роста экономики. Наличие понимания и общественного консенсуса относительно целей и возможностей монетарной политики являются залогом доверия и успешности центрального банка в выполнении своего мандата.

Необходимо продолжить концентрировать усилия на: 1) повышении эффективности работы процентного канала за счет снижения долларизации экономики, уменьшения объемов директивного кредитования и расширения использования рыночных инструментов перераспределения ресурсов в экономике, что также будет служить цели обеспечения финансовой стабильности; 2) снижении влияния курсового фактора

на инфляцию через уменьшение присутствия Национального банка на валютном рынке; 3) развитии модельного аппарата для улучшения системы анализа, прогнозирования и проектирования монетарной политики; 4) законодательном установлении целевого значения показателя по инфляции на среднесрочную перспективу.

* * *

Материал поступил 19.03.2020.

Библиографический список:

1. Демьяненко, В. Семь версий «пропавшей» инфляции [Электронный ресурс] / В. Демьяненко // Эконс. – 2020. – 12 фев. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/monetarnaya-politika/sem-versiy-propavshey-inflyatsii/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
2. Калечиц, Д.Л. Трансформация целей деятельности Национального банка на современном этапе / Д.Л. Калечиц // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 5. – С. 3–11.
3. Картаев, Ф.С. Влияет ли режим монетарной политики на реальный выпуск? / Ф.С. Картаев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 1. – С. 81–92.
4. Картаев, Ф. Как инфляционное таргетирование влияет на экономический рост [Электронный ресурс] / Ф. Картаев // Эконс. – 2019. – 20 июня. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/kak-inflyatsionnoe-targetirovanie-vliyaet-na-rost/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
5. Моисеев, С. Почему растет давление на центральные банки [Электронный ресурс] / С. Моисеев // Эконс. – 2019. – 9 авг. – Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/pocemu-rastet-davlenie-na-tsentralnye-banki/>. – Дата доступа: 16.03.2020.
6. Мусил, К. Структурная модель квартального прогнозирования для Беларуси [Электронный ресурс] / К. Мусил, М. Пранович, Я. Влчек // Рабочий документ МВФ. – № 18/254. – Декабрь, 2018. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/mp/theoretical-materials/strukturalnaya-model-kvartalnogo-prognozirovaniya-dlya-belarusi.pdf>. – Дата доступа: 17.03.2020.
7. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
8. Юдаева, К. Границы монетарной политики: Мировые тенденции и российская практика инфляционного таргетирования / К. Юдаева // Деньги и кредит. – 2018. – № 2. – С. 95–100.
9. Abo-Zaid, S. Inflation targeting: a three-decade perspective / S. Abo-Zaid, D. Tuzemen // Journal of Policy Modeling. – 2012. – Vol. 34, № 5. – P. 621–645.
10. Adrian, T. Advancing the frontiers of monetary policy [Electronic resource] / T. Adrian, D. Laxton, M. Obstfeld. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2018. – 296 p.
11. Agénor, P.-R. Integrated inflation targeting: Another perspective from the developing world [Electronic resource] / P.-R. Agénor, L.A. Pereira da Silva // Bank for International Settlements. – 2019. – Mode of access: <https://www.bis.org/publ/othp30.pdf>. – Date of access: 15.03.2019.
12. Bofinger, P. Monetary Policy. Goals, Institutions, Strategies, and Instruments / P. Bofinger. – New York: Oxford University Press, 2001. – 454 p.
13. Bordo, M.D. Money still makes the world go round: The zonal view / M.D. Bordo, A. Filardo // Journal of the European Economic Association. – 2007. – № 5. – P. 509–523.
14. Choi, S. Inflation anchoring and growth: Evidence from sectoral data [Electronic resource] / S. Choi, D. Furceri, P. Loungani // IMF Working paper. – № 18/36. – March, 2018. – Mode of access: <http://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2018/wp1836.ashx>. – Date of access: 16.03.2020.
15. Cizkowicz-Pękala, M. Three decades of inflation targeting [Electronic resource] / M. Cizkowicz-Pękala // NBP Working Paper. – № 314. – Warsaw, 2019. – Mode of access: https://www.nbp.pl/publikacje/materialy_i_studia/314_en.pdf. – Date of access: 16.03.2020.
16. Draghi, M. Monetary policy and structural reforms in the euro area [Electronic resource] / M. Draghi // Prometeia40. – Bologna, 2015. – Mode of access: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2015/html/sp151214.en.html>. – Date of access: 15.03.2020.
17. Gaspar, V. Macroeconomic Management When Policy Space Is Constrained: A Comprehensive, Consistent and Coordinated Approach to Economic Policy / V. Gaspar [et al.] // International Monetary Fund. – IMF Staff Discussion Note 16/09. – Washington, DC, 2016. – 43 p.
18. Gonçalves, C. Inflation targeting in emerging economies: what do the data say? / C. Gonçalves, J. Salles // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 85. – P. 312–318.
19. Hale, G. Is transition to inflation targeting good for growth? / G. Hale, A. Philippov // FRBSF Economic Letter. – 2015. – № 14.
20. Ireland, P.N. The Monetary Transmission Mechanism / P.N. Ireland // FRBank of Boston Working paper. – № 06-1. – November, 2005. – 14 p.
21. King, M. Monetary Policy: Practice ahead of Theory [Electronic resource] / M. King // Cass Business School. – London: City University, 2005. – Mode of access: <https://www.bis.org/review/r050520a.pdf>. – Date of access: 16.03.2020.

22. Leiderman, L. *Inflation Targets* / L. Leiderman, L.E.O. Svensson (eds.). – London: CEPR, 1995.
23. Mollick, A. *Does inflation targeting matter for output growth? Evidence from industrial and emerging economies* / A. Mollick, R. Cabral, F. Carneiro // *Journal of Policy Modeling*. – 2011. – Vol. 33, № 4. – P. 537–551.
24. Samarina, A. *The evolution of monetary policy frameworks in the post-crisis environment [Electronic resource]* / A. Samarina, N. Apokoritis // *VOX: CEPR's policy portal*. – 2020. – 15 Jan. – Mode of access: <https://voxeu.org/article/post-crisis-evolution-monetary-policy-frameworks>. – Date of access: 17.03.2020.

How does inflation targeting agree with growth issues?

Natalya MIRONCHIK, *National Bank of the Republic of Belarus, Head of Research Department, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: N.Mironchik@nbrb.by.*

Oksana RYZHKOVSKAYA, *National Bank of the Republic of Belarus, Head of Monetary Policy Department, Monetary Policy and Economic Analysis Directorate, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: ryzhkovskaya@nbrb.by.*

Abstract. *The article discusses the relationship between economic growth and monetary policy, in particular, the inflation targeting regime, to which the National Bank of the Republic of Belarus plans to move in the medium term. The experience of countries that have already implemented this regime indicates that the inflation targeting strategy is the most effective one in achieving the goal of monetary policy and most adaptive one, since it takes into account growth interests to a greater extent. The most significant one among the current challenges for monetary policy in emerging economies is the political pressure to pursue a stimulating policy against the background of unanchored inflationary expectations. In this regard, it is important for the National Bank to continue improving and strengthening its communication policy to help achieve the goal of ensuring price stability as an essential condition for sustainable economic growth.*

Keywords: *monetary policy; inflation targeting; monetary policy regime; economic growth; communication policy.*

Финансовая стабильность как фундаментальное условие долгосрочного экономического роста

Максим ВЛАСЕНКО

Белорусский государственный университет, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: m.vlasenko1989@gmail.com

В последние годы понятие «финансовая стабильность» часто звучит в экономическом информационном пространстве нашей страны. По тематике, связанной с финансовой стабильностью, опубликован ряд научных публикаций [1; 2]. О значимости финансовой стабильности в экономическом развитии государства часто говорят международные эксперты и высшие должностные лица центрального банка [3; 4]. Наконец, обеспечение финансовой стабильности обозначено как одна из двух ключевых целей деятельности Национального банка в 2020 г. наряду с поддержанием ценовой стабильности [5]. Однако в силу относительной но-

УДК 336.01

Ключевые слова:

финансовая стабильность; финансовый цикл; финансовые кризисы; макропруденциальная политика; системные риски.

визны финансовой стабильности как экономической категории и сферы государственного регулирования у общественности еще не сформировано единого представления о содержании данного понятия.

Когда финансовая стабильность упоминается в контексте национальной экономики, каждый воспринимает ее по-своему. Для кого-то это низкая инфляция, прогнозируемый валютный курс, растущая заработная плата. Для других – это здоровое состояние крупных валообразующих предприятий, доступность банковских кредитов, бездефицитный государственный бюджет. Безусловно, финансовая стабильность тесно связана со всеми обозначенными темами. Однако они не являются ее целевыми объектами, а воздействуют на финансовую стабильность в качестве факторов. И если в фокусе внимания макроэкономической стабильности находится достижение устойчивого экономического роста при низком уровне безработицы, а монетарная стабильность нацелена на сохранение покупательной способности национальной валюты, то финансовая стабильность – это устойчивое функционирование тех субъектов экономики, которые обеспечивают движение и распределение финансовых ресурсов, то есть банков и иных финансовых посредников, финансовых рынков и платежной системы.

Именно эти институты являются объектом государственного регулирования. Их роль в экономике сложно переоценить. Финансовые институты обеспечивают трансформацию сбережений населения в инвестиции реального сектора, а также проведение платежей, защиту от финансовых рисков. Все это крайне важно и для макроэкономической стабильности. С другой стороны, финансовая стабильность – это также поддержание целостных и работоспособных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, с помощью которых импульсы, исходящие от монетарного регулятора, распространяются в экономике. Таким образом, финансовые посредники оказывают определенное влияние и на ценовую стабильность.

Процессы, в которых ключевым звеном является финансовый сектор экономики, должны осуществляться непрерывно и бесперебойно. В этом смысле значение имеет именно деятельность, осуществляемая финансовыми посредниками в совокупности, а также их способность проводить операции и сохранять накопления, а не жизнеспособность отдельного финансового института (если только он не является системно значимым). Этот нюанс обособляет финансовую стабильность и от традиционных мер пруденциального надзора, которые направлены на обеспечение безопасного функ-

ционирования каждого отдельного банка без учета его роли в экономических процессах. С точки зрения финансовой стабильности финансовая система должна сохранять способность к функционированию, даже если есть препятствующие этому факторы вроде резкого замедления экономического роста, девальвации национальной валюты, ухудшения положения крупных предприятий и т. п. Поэтому весь набор факторов, способных повлиять на финансовую стабильность, необходимо учитывать при ее мониторинге и обеспечении.

Возможность системных сбоев в функционировании финансовой отрасли во многом обусловлена наличием такого феномена, как финансовые циклы. Их не следует отождествлять с экономическими циклами – колебаниями экономической конъюнктуры. Последние давно изучены и классифицированы (по причинам, длительности) в мировой научной литературе. Что же касается финансовых циклов, то несмотря на очевидную тесную взаимосвязь колебаний на финансовых рынках и в реальной экономике, они имеют несколько иные движущие силы. Интерес к финансовым циклам как к объекту исследований был подогрет глобальным финансовым кризисом 2008–2009 гг., который имел также и широкие макроэкономические последствия: падение темпов роста мирового ВВП на 4 п. п. (восстановление докризисных темпов динамики в ряде стран произошло лишь в 2014–2015 гг.), рост безработицы в мире на 7%, банкротство 85 крупных международных банков и огромные затраты государств на восстановление наиболее значимых из них, покрытые в конечном итоге за счет налогоплательщиков [6, с. 12].

Финансовый цикл обычно рассматривают как общее периодическое отклонение от трендовой динамики переменных, важных для финансовой стабильности. Тонкость заключается в том, что в отличие от экономических финансовых циклы в большей степени имеют субъективную природу и тесно связаны с ожиданиями и настро-

ениями экономических агентов. Они склонны интерпретировать временные циклические улучшения в реальной экономике как долгосрочный рост ее производительности и на этой основе наращивать использование заемных финансовых средств для приобретения рискованных активов [7, с. 11]. Утрата способности осознавать действительный уровень финансовых рисков провоцирует дальнейший рост стоимости этих активов, ослабление условий привлечения заемного финансирования, высокую инвестиционную активность, поддерживаемую краткосрочным ростом объемов производства и уровня рентабельности в экономике. На фоне всеобщего оптимизма системные риски остаются недооцененными. Их проявление начинается позже, когда экономическая активность естественным образом замедляется. Экономический спад «разворачивает» зависимости в обратном направлении – участники рынка осознают, что их доходов не хватает на покрытие чрезмерного долга, их финансовые активы падают в цене, поэтому они вынуждены реструктуризировать свои обязательства. В этой ситуации банки начинают сильно ужесточать стандарты кредитования и часто отказывают в ресурсной поддержке даже «здоровым» клиентам. Соответственно, возврат на траекторию роста осложняется.

Таким образом, в наиболее широком смысле финансовые циклы представляют собой периодические колебания в способности участников рынка осознавать истинный уровень финансовых рисков и связанные с ними изменения в объемах и стоимости обращающихся активов. При этом угрозу финансовой стабильности несет как необоснованный оптимизм (на стадии нарастания рисков), так и чрезмерный пессимизм (на этапе материализации рисков). Оба явления приводят к существованию так называемой проблемы процикличности – свойства финансового сектора усиливать фазы роста и падения в экономических циклах. Доказано, что финансовые циклы, как правило, в 1,5–2 раза длиннее, чем

бизнес-циклы, а также имеют большую амплитуду и, кроме того, их фазы не всегда совпадают во времени [2, с. 57].

Концептуально динамика финансового цикла во времени может быть оценена через периодические колебания в соотношении рыночной стоимости финансовых активов и заемных средств, использованных для их приобретения. На практике для выявления фаз финансового цикла часто пользуются кредитным гэпом – отклонением отношения кредита к ВВП от долгосрочного тренда. В рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору указывается, что значения кредитного гэпа в 3–5 п. п. уже являются сигналом о нежелательном «перегреве» на финансовом рынке. За экспансией неизбежно следует фаза спада, которая редко проходит безболезненно. Основная опасность финансовых циклов заключается в том, что зачастую смена их фаз сопровождается финансовыми кризисами.

В общем смысле финансовый кризис представляет собой стремительное падение доверия экономических субъектов к готовности правительства, центрального банка, организаций нефинансовых отраслей или банковского сектора выполнять свои обязательства на первоначальных условиях.

Финансовые кризисы по своей природе могут быть сгруппированы в три крупные категории, зачастую переплетающиеся между собой: банковский кризис, валютный кризис и кризис государственной задолженности [8, с. 21]. При этом один тип кризиса может инициировать возникновение другого типа: банковский кризис нередко предшествует валютному кризису, особенно в государствах с формирующимся рынком; проблемы банковского сектора могут запустить долговой кризис (в случае активного участия государства в распределении кредитных ресурсов); кризис внешней задолженности способен подорвать устойчивость банков (например, через отток капитала материнских компаний). Финансовый кризис считается системным, если он совпадает по

времени с рецессией в реальном секторе экономики.

Наиболее типичный механизм развития событий, приводящих к системному финансовому кризису, включает в себя кредитный канал. В центре этого механизма находится банковский сектор, или, говоря точнее, чрезмерное кредитование. Банки, аккумулируя значительные потоки привлеченного капитала, в том числе иностранного, расширяют кредитование в целях роста краткосрочной эффективности, что повышает уровень рисков и нарушает макроэкономический баланс. Частичным решением проблем для участников рынка может стать отказ от национальных денег и переход к более стабильной иностранной валюте. В таком случае банковский, валютный и экономический кризисы наступают одновременно. Последствия, как правило, крайне болезненны для экономического роста страны и благосостояния населения. Как показывает история, средняя цена системного финансового кризиса – порядка 15–20% ВВП [4, с. 1].

Через финансовые кризисы в той или иной степени проходили экономики всех стран на разных этапах своего развития. Не стала исключением и Республика Беларусь, причем можно вспомнить сразу несколько значительных эпизодов за последнее десятилетие.

В 2009 г. под воздействием мирового финансового кризиса произошло существенное сужение внешнего спроса и, как следствие, резкое сокращение объемов экспорта. В результате образовавшегося давления на валютном рынке белорусский рубль потерял четверть своей стоимости, произошел значительный отток рублевых вкладов населения, процентные ставки по кредитам выросли, а темпы экономического роста в конечном счете упали до нуля. Уже через два года, в 2011 г., чрезмерная кредитная поддержка экономики (прежде всего на льготных условиях), практиковавшаяся после событий 2009 г., привела к сильнейшей девальвации национальной валюты и последовавшей за ней гиперинфляции. Возник теневой валютный

рынок, произошло снижение доверия к банковской системе, спровоцировавшее отток значительной части депозитов населения, прежде всего валютных. Это был масштабный валютный кризис, и его полной трансформации в банковский кризис воспрепятствовали беспрецедентная докапитализация крупнейших государственных банков за счет бюджетных средств и резкое увеличение процентных ставок. Тем не менее темпы экономического роста в последующие три года были в 4–5 раз ниже докризисных.

Еще один значительный эпизод случился на рубеже 2014–2015 гг., когда произошла сильная девальвация российской валюты. Вслед за этим последовало обесценение белорусского рубля. Значительно сжался российский рынок – основной внешний рынок сбыта отечественной продукции. В результате резко ухудшилось финансовое положение многих предприятий реального сектора. Последствия тех шоков пятилетней давности до сих пор негативно сказываются на темпах роста экономики страны.

Колоссальные издержки, которые несет экономика и общество при потере устойчивости финансового сектора, наглядно подчеркивают всю важность государственной политики по обеспечению финансовой стабильности (ее часто называют макропруденциальной политикой). Она призвана стимулировать финансовых посредников к заблаговременному созданию дополнительных запасов капитала и ликвидности на те времена, когда они могут потребоваться (наиболее распространенный индикатор при этом – упоминавшийся выше кредитный гэп: при его положительных значениях резервы создаются, при отрицательных же – расформируются на покрытие возникающих в фазу спада убытков). Принуждение банков к созданию дополнительных запасов капитала и ликвидности, безусловно, является непопулярной мерой, однако она необходима в целях долгосрочного сохранения финансовой стабильности.

Также макропруденциальная политика должна быть направ-

лена на корректировку и выравнивание кредитных потоков в экономике, так как дисбаланс может вызвать не только дефицит привлеченных ресурсов, но и их избыток. Неравномерное распределение, неэффективное использование банковских кредитов, когда они имеют низкую стоимость и доступны, могут подорвать финансовый рынок и вызвать нестабильность. Уже упоминавшаяся масштабная девальвация белорусского рубля в 2011 г. была вызвана, прежде всего, перекосами на кредитном рынке, в частности масштабным кредитованием не всегда эффективных проектов. Для недопущения таких дисбалансов в арсенале макропруденциальной политики имеются специальные инструменты (например, лимиты на показатели долговой нагрузки и обеспеченности кредита). Они позволяют сгладить цикличность и сбалансировать скорость развития финансового и реального секторов экономики. Данные инструменты стимулируют финансовых посредников кредитовать экономику, когда она нуждается в финансовых ресурсах, и ограничивают кредитный поток, когда он носит чрезмерный характер [9].

К числу задач политики по обеспечению финансовой стабильности относится и повышение устойчивости финансовой инфраструктуры, ограничение уровня концентрации рисков в отдельных сегментах и предотвращение ситуаций дефицита ликвидности на финансовом рынке.

Обзор мирового опыта показывает, что исторически полномочиями на проведение макропруденциальной политики наделялся центральный банк страны, как правило, совместно с правительством. В настоящее время примерно треть центральных банков в мире ставят обеспечение финансовой стабильности в свой важнейший приоритет наряду с ценовой стабильностью, и еще половина центральных банков считают финансовую стабильность второй по значимости целью после ценовой стабильности [4].

В 2013 г. в соответствии с изменениями, внесенными в

Банковский кодекс, у Национального банка появилась новая функция – мониторинг финансовой стабильности в стране. Вместе с тем мониторинг – это еще не полноценное обеспечение финансовой стабильности, а лишь выявление и оценка угроз устойчивой работе банковского сектора и уязвимых мест финансовой системы. В 2014–2016 гг. в регуляторный периметр Национального банка были включены лизинговые и микрофинансовые организации, Банк развития. С начала 2016 г. на основании Указа Президента Республики Беларусь № 78 Председатель Правления Национального банка несет персональную ответственность за обеспечение финансовой стабильности. Кроме того, в 2016 г. был создан межведомственный Совет по финансовой стабильности, который организует и координирует взаимодействие государственных органов при осуществлении мониторинга финансовой стабильности. В 2017–2019 гг. проходила активная разработка и внедрение передовых макропруденциальных инструментов, призванных обеспечить финансовую стабильность [4].

Нужно отметить, что, хотя деятельность по обеспечению финансовой стабильности является новой даже по мировым стандартам, многие стабилизационные

меры, применявшиеся в Беларуси за последнее десятилетие, носили макропруденциальный характер. Пожалуй, первой такой мерой можно считать приостановление с последующим запретом в 2009 г. банковского кредитования физических лиц в иностранной валюте. Как показало время, в частности девальвация 2011 г., мера была абсолютно правильной и своевременная, особенно в части долгосрочных жилищных кредитов. Большинство же макропруденциальных мер исторически было реализовано в рамках банковского регулирования и надзора, что естественно, учитывая доминирующую роль банковского сектора в распределении финансовых активов в Беларуси. В качестве примера можно привести меры 2014–2015 гг. по борьбе с чрезмерно высокими процентными ставками по кредитам, выдаваемым предприятиям реального сектора. Повышенные требования к капиталу сделали для банков невыгодной выдачу таких кредитов и способствовали более быстрому снижению процентных ставок до экономически обоснованного уровня. Еще одной мерой стало введение повышенных отчислений в резервы по валютным кредитам, выдаваемым предприятиям, у которых доход в иностранной валюте недостаточен.

Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, нашей

стране предстоит еще большая работа по калибровке и развитию механизмов, направленных на недопущение финансовых кризисов в будущем. Сюда можно отнести и распространение практик риск-ориентированного надзора, и дальнейшее урегулирование проблемы необслуживаемых кредитов (включая создание эффективного долгового рынка), и содействие развитию конкуренции на финансовом рынке, и создание современной финансовой инфраструктуры.

Резюмируя изложенное, нужно отметить, что обеспечение финансовой стабильности является одним из важнейших условий устойчивого роста белорусской экономики. Актуальность данного направления особенно высока в условиях текущих проблем, таких как высокий кредитный риск в банковском секторе, обусловленный низкой эффективностью деятельности реального сектора; значительная долларизация балансов банков; высокий уровень фискальных рисков и внешнего долга. От степени успешности решения данных проблем напрямую зависит рост экономики и благосостояние населения в среднесрочной перспективе.

* * *

Материал поступил 28.02.2020.

Библиографический список:

1. Пашкевич, А. Обеспечение финансовой стабильности: итоги и задачи на перспективу / А. Пашкевич // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 7. – С. 14–19.
2. Власенко, М.Н. Сопряженность монетарной политики и макропруденциального регулирования: теоретический анализ и опыт Беларуси / М.Н. Власенко // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 3. – С. 43–59.
3. Final conference in Minsk reviews the outcomes of the EU Twinning Project «Strengthening the National Bank of Belarus» [Электронный ресурс] / Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза. – Режим доступа: <https://euprojects.by/news/final-conference-in-minsk-reviews-the-outcomes-of-the-eu-twinning-project-strengthening-the-national/>. – Дата доступа: 25.02.2020.
4. Калечиц, Д.Л. Обеспечение финансовой стабильности как цель деятельности Национального банка [Электронный ресурс] // Тезисы выступления заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д.Л. Калечица на встрече депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь с руководством Национального банка. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/top/pdf/obespechenie-finansovoy-stabilnosti-kalechitsdl.pdf>. – Дата доступа: 25.02.2020.
5. Карта основных задач Национального банка на 2020 год [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/today/about/maptargets/map-targets-2020.pdf>. – Дата доступа: 25.02.2020.
6. Власенко, М.Н. Финансовый рынок и реальный сектор экономики: взаимосвязь и трансмиссия шоков / М.Н. Власенко, И.В. Юзефальчик // Банкаўскі веснік. – 2018. – № 12. – С. 9–17.
7. Власенко, М.Н. Финансовые циклы и их выявление в экономике Беларуси / М.Н. Власенко // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 12. – С. 11–18.
8. Власенко, М.Н. Типология финансовых кризисов. Кризис государственной задолженности / М.Н. Власенко // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 7. – С. 20–30.
9. Калечиц, Д.Л. Система обеспечения финансовой стабильности в Республике Беларусь: становление, развитие и перспективы / Д.Л. Калечиц // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 2. – С. 4–17.

Financial stability as a fundamental condition for long-term economic growth

Maksim ULASENKA, *Belarusian State University, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Corporate Finance, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: m.vlasenko1989@gmail.com.*

Abstract. *The article substantiates the importance of maintaining stable functioning of the country's economy financial sector in order to achieve macroeconomic stability. It describes the phenomenon of financial cycles, the nature of which is different from well-known business cycles, considers the main types of financial crises and the degree of their impact on the real sector of the economy. The author gives historical examples of implementation of episodes of the financial crisis in the Republic of Belarus from the perspective of macroeconomic consequences are given. The importance of macroprudential policy in ensuring financial stability and preventing financial crises is shown.*

Keywords: *financial stability; financial cycle; financial crises; macroprudential policy; systemic risks.*

Фискальная политика для устойчивого экономического роста в среднесрочном периоде

Марина СИДОРЕНКО

Всемирный банк, экономист,
магистр экономических наук,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: msidarenka@worldbank.org

УДК 336.1, 336.5, 338.22, 338.12

Ключевые слова:
бюджетно-налоговая политика; доходы бюджета;
расходы бюджета.

рост экономики составлял 7,2%, что было самым высоким показателем в Европе. Более того, данная ситуация возникла в период чрезвычайно благоприятных глобальных экономических условий: быстрое синхронизированное восстановление роста мировой экономики, рекордно низкие процентные ставки, достаточный объем ликвидности на мировых рынках и устойчиво высокая склонность инвесторов к риску. В результате в то время как в остальной части региона наблюдался устойчивый рост и улучшение состояния внешнеторгового баланса и сальдо бюджета, темпы экономического роста в Беларуси вновь замедлились, при этом рост реального ВВП составил лишь 1,2% в 2019 г., что опять же стало одним

из самых низких значений среди стран Европы с формирующейся рыночной экономикой.

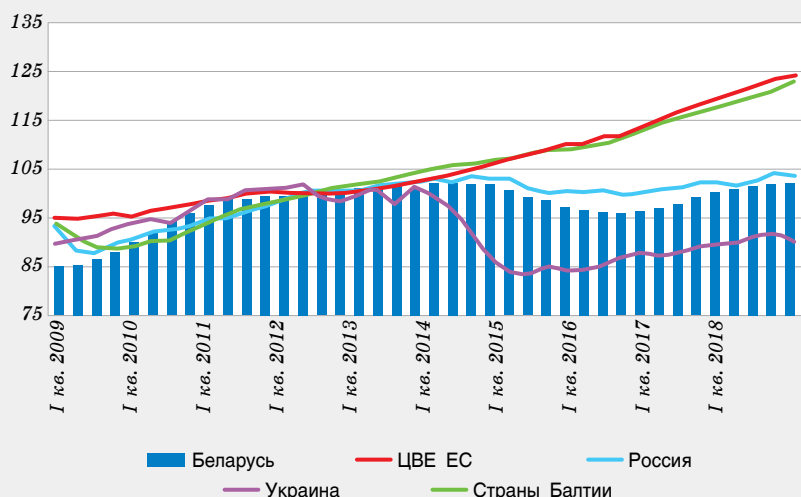
Замедление темпов экономического роста в Республике Беларусь сопровождалось неуклонным усилением макроэкономических дисбалансов. Чистая международная инвестиционная позиция страны (она представляет собой разницу между суммой внешних активов и суммой внешних обязательств и таким образом определяет, является ли страна чистым заемщиком или чистым кредитором) резко ухудшилась за период с 2012 г. К 2017 г. ее отрицательное значение увеличилось практически вдвое – до минус 85% ВВП, а затем уменьшилось до все еще значительной величины в минус 68% ВВП в 2018 г., что было

Обзор макроэкономической и бюджетно-налоговой политики в Республике Беларусь

С 2012 г. экономика Республики Беларусь сталкивалась с серьезными препятствиями. Отмечалась стагнация экономического роста, причем в течение 2012–2018 гг. среднегодовой рост реального ВВП составлял лишь 1,7%, что является одним из самых низких показателей роста в странах Европы с формирующейся рыночной экономикой (рисунок 1). Такие низкие экономические показатели находятся в явном противоречии с результатами, достигнутыми в предыдущем десятилетии, когда среднегодовой

Динамика реального ВВП в странах Восточной Европы

(индекс ВВП, скорректированный на сезонность, 2010 = 100)

Примечание. Разработка автора на основе [1; 2; 3], оценки Всемирного банка.

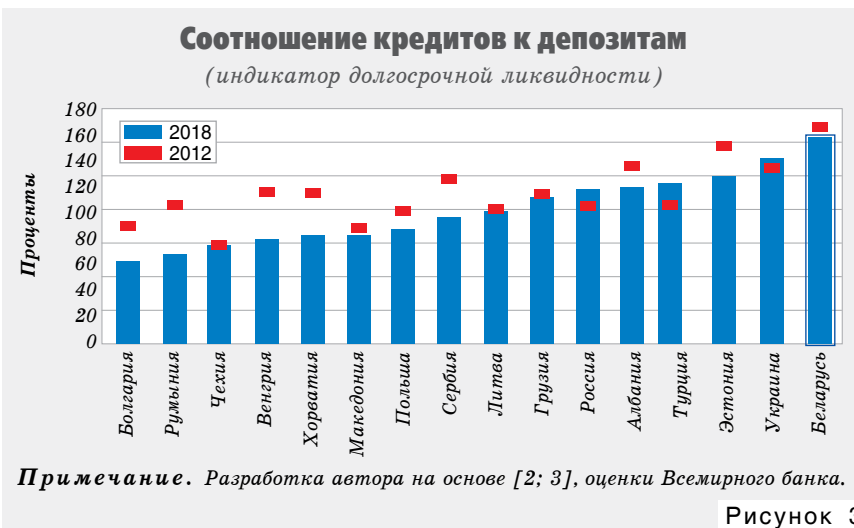
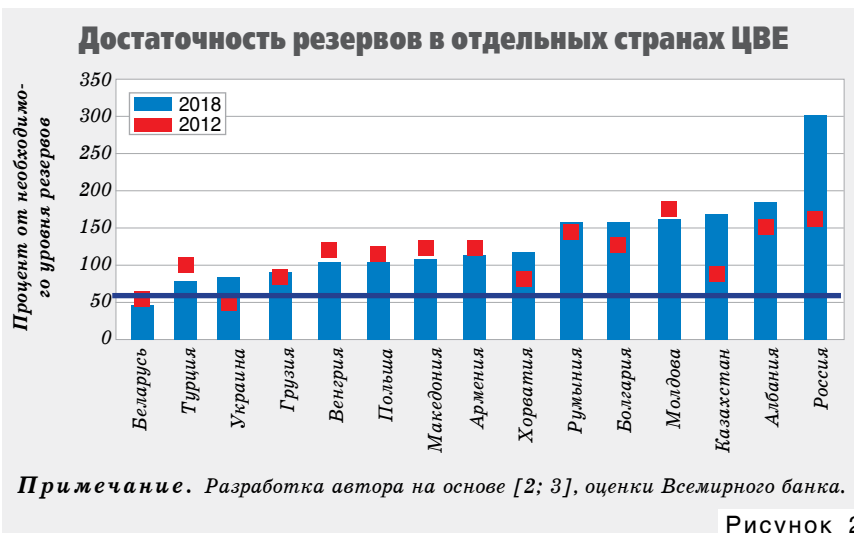
Рисунок 1

одним из самых низких показателей в регионе.

Объем международных резервов Беларуси по-прежнему является низким по сравнению со странами Европы с формирующейся рыночной экономикой, а золотовалютные резервы на конец 2018 г. составили лишь 45% от необходимого уровня¹ [1] (рисунок 2). Государственный долг увеличился более чем в два раза за период с 2010 г. и составил около 48% ВВП на конец 2018 г. Сохранялась высокая зависимость банковской системы Беларуси от оптового внешнего финансирования: соотношение кредитов к депозитам в 2018 г. составило 158% (в 2019 г. оно выросло до 161%)², что является самым высоким показателем в регионе (рисунок 3).

Повторяющиеся макроэкономические дисбалансы в сочетании с тенденцией к замедлению темпов экономического роста свидетельствуют о том, что ухудшение экономических показателей Беларуси вызвано внутренними причинами и носит структурный характер. Структурные недостатки являются следствием экономической модели страны, основанной на чрезмерно большой доле государственного сектора, который опирается на Россию в качестве источника дешевых поставок энергоносителей и основного экспортного рынка. Хотя такая тактика работала хорошо для Беларуси, когда цены на сырьевые товары увеличивались, а экономика России росла быстрыми темпами, однако окончание цикла роста цен на сырьевые товары и устойчивое замедление темпов роста в России с 2012 г. привели к существенному изменению данного подхода [5].

Для решения проблем, связанных с внешними факторами, ужесточена денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика, в рамках которой для того, чтобы справиться с трудностями, основной акцент был сделан на

недопущении серьезных финансовых сбоев и расширении внешних заимствований, а не на проведении структурной корректировки, необходимой для адаптации к новым реалиям. Несмотря на положительный эффект ужесточения мер политики, которое содействовало уверенному снижению инфляции до однозначных величин, действенность денежно-кредитной политики оставалась ограниченной в связи с высокой долларизацией, слабостью трансмиссионного механизма, недостаточным

уровнем развития финансовых рынков и значительным директивным кредитованием.

Основная часть корректировки пришлась на бюджетно-налоговую политику. Однако с учетом ограниченной возможности правительства по чистому заимствованию в связи с недостаточной развитостью внутренних финансовых рынков, высоким и растущим уровнем государственного долга, а также с учетом значительной зависимости доходов от волатильных налоговых поступлений,

¹ Новая метрика МВФ оценки адекватности резервов ARA (Assessing Reserve Adequacy) применяется с целью более совершенного учета особенностей развития страны при оценке достаточности резервных активов. Это «риск-взвешенный» показатель, учитывающий потенциальные потери резервов от сокращения внешнего спроса, оттока капитала, исполнения обязательств по краткосрочному долгу и иных обязательств, где вес каждого риска определен в зависимости от режима обменного курса. Например, для режима плавающего курса: ARA-метрика = 30% STD + 15% OPL + 5% M2 + 5% X, где STD – краткосрочные долговые обязательства, OPL – другие обязательства, M2 – денежная масса в национальной валюте, X – объем экспорта товаров и услуг. Адекватным считается резервный запас, если он находится в диапазоне от 100 до 150% ARA-метрики. В последние годы международные резервы существенно увеличились, тем не менее они продолжают оставаться ниже желаемого уровня, а именно 52% (72%) от ARA-метрики для стран с режимом фиксированного (плавающего) обменного курса [4].

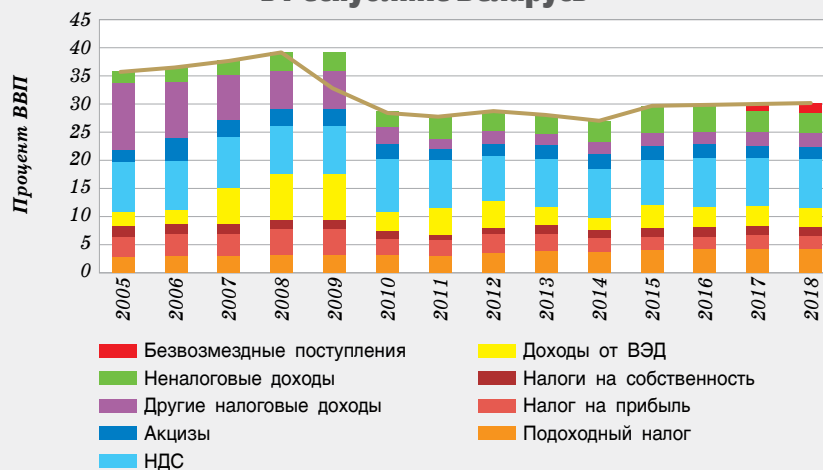
² Отношение суммы кредитов, выданных неправительственным заемщикам, и чистого кредитования правительства к депозитам, включаемым в широкую денежную массу [3].

связанных с энергоносителями, возможности для проведения контрциклической бюджетно-налоговой политики практически отсутствовали. В результате этого бюджетно-налоговая политика носила проциклический характер: урезание расходов в период спада 2014–2016 гг., за которым последовал переход к нейтральной политике в 2017 г. и увеличение расходов в 2018 г., как только условия финансирования стали менее жесткими и восстановился экономический рост. Однако качество сокращения расходов бюджета было неоптимальным: сокращение было сосредоточено на капитальных расходах, в то время как текущие расходы, особенно расходы на заработную плату в бюджетном секторе, пенсии и субсидии, относились к защищенным статьям, что стимулировало рост потребления за счет сокращения инвестиций. Такое смещение в сторону потребления в ущерб инвестициям в инфраструктуру, здравоохранение и образование оказало значительное влияние на потенциальный экономический рост и макроэкономические диспропорции.

Доходы сектора органов государственного управления: неоптимальное равновесие

Показатели доходов бюджета в Беларуси сопоставимы с показателями стран Центральной Европы и других стран с высоким уровнем дохода. Доходы сектора органов государственного управления составляют практически 40% ВВП, что является одним из самых высоких показателей в регионе, который в целом оставался неизменным со времени мирового финансового кризиса. Показатель собираемости налогов консолидированного бюджета, который в среднем составил около 30% ВВП в 2015–2018 гг. (рисунк 4), также является одним из самых высоких в регионе. Такие высокие уровни мобилизации доходов, в свою очередь, позволили правительству финансировать один из самых больших бюджетов

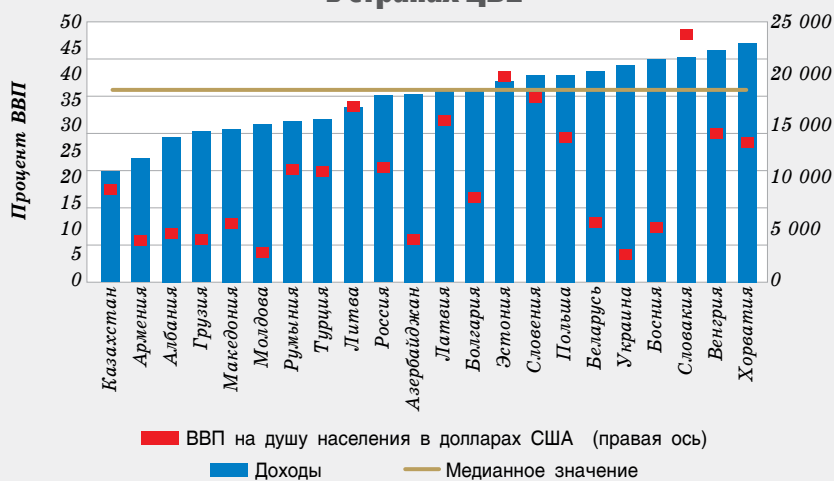
Структура доходов консолидированного бюджета в Республике Беларусь

Источник: [7].

Рисунок 4

Доходы бюджета органов государственного управления в странах ЦВЕ

Примечание. Разработка автора на основе [2; 3; 6; 7].

Рисунок 5

в Европе: размеры бюджета больше только в Словении, Хорватии и Венгрии, но и доходы на душу населения в этих странах также выше. Если сравнивать со странами с аналогичным уровнем доходов, только в Украине доходы бюджета сектора государственного управления относительно ВВП сопоставимы по величине, в то время как в России и других странах СНГ они меньше (рисунк 5). В Беларуси³, напротив, сохранение высоких уровней собираемости

доходов позволило правительству отсрочить фискальные реформы и рационализацию государственных расходов.

В то время как налоговая нагрузка в Беларуси одна из самых высоких по сравнению со странами Европы с формирующейся рыночной экономикой, налоговая база является более неустойчивой. Это связано с тем, что четверть налоговых поступлений обеспечивается за счет внешней торговли и налогов на предприя-

³ В Беларуси данный показатель находится выше медианного значения по региону, т. е. на уровне, характерном для стран с более высоким уровнем доходов на душу населения. При этом в Беларуси при такой достаточно высокой мобилизации доходов бюджета уровень ВВП на душу населения существенно ниже, что говорит о неоптимальной политике распределения и использования средств для повышения благосостояния.

тия (или около одной трети, если учитывать перечисление в бюджет дивидендов государственных предприятий). Оба эти источника в значительной степени подвержены воздействию в результате изменений экономических циклов. На долю налогов от экспорта (нефтепродукты и калий) пришлось 10% налоговых доходов в 2018 г. (или 3,2% ВВП), причем Беларусь является единственным импортером нефти, собирающим такие налоги. Возможность взимать эти налоги обусловлена тем, что Россия поставляет энергоносители Беларуси по ценам ниже мировых, что дает возможность для мобилизации сверхдоходов от экспорта нефтепродуктов и калия, который облагается налогом. Без учета данных экспортных налогов налоговая нагрузка в Беларуси соответствовала бы медианному уровню по региону, но была бы выше, чем в большинстве стран с близким уровнем доходов на душу населения.

К числу дополнительных слабых мест налоговой системы относятся широко распространённые льготы по налогам и вычеты, которые ведут к сужению налоговой базы, снижению роста основных налогов и возникновению перекосов в экономике. В случае с НДС увеличение доходов в последние годы намного отставало от расширения налоговой базы, что объясняется многочисленными освобождениями от НДС и применением пониженных ставок НДС – по оценкам властей эти налоговые льготы составляют 4% ВВП. В результате доходы от НДС в Республике Беларусь находятся лишь на уровне, близком к медианному по региону, хотя законом установлены ставки, которые ближе к верхней части диапазона, а в экономике преобладает государственный сектор, что снижает возможности уклонения от уплаты налогов.

В среднесрочной перспективе ожидается усиление давления на доходы. В частности, налоговый маневр, реализуемый в России, приведет к повышению стоимости энергоресурсов до уровня мировых цен (поскольку налоговый маневр предполагает снижение таможенных пошлин и увеличение налога на добычу природных ресурсов). А существенное сниже-

ние мировых цен на сырую нефть в начале 2020 г. повлечет за собой и падение цен на нефтепродукты. С точки зрения бюджета Беларусь столкнется с сокращением доходов от экспорта нефтепродуктов и потерей бюджетных поступлений от «перетаможки» (около 1,2% ВВП ежегодно), которые Беларусь получала на временной основе в 2017–2019 гг., т. е. возможности взимания таможенных пошлин с 6 млн. тонн сырой нефти, поставляемой транзитом через территорию Беларуси.

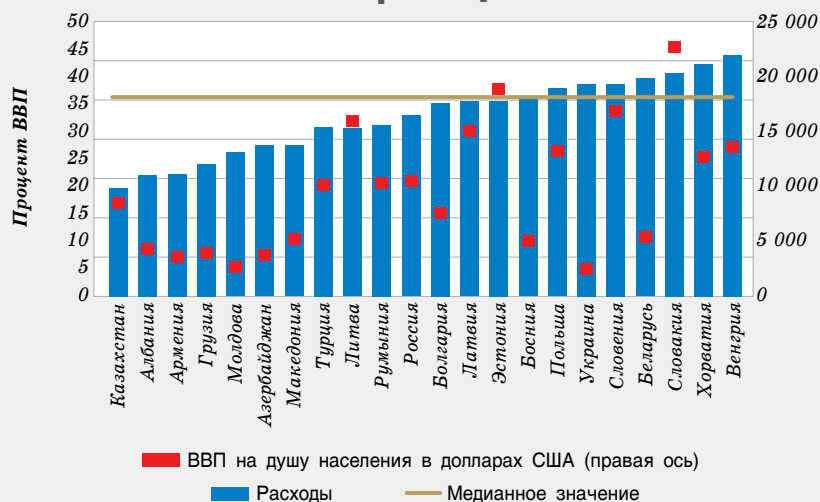
Для того чтобы компенсировать такое давление на доходы, правительству необходимо будет осуществить всеобъемлющие фискальные реформы. Что касается налогов, основным приоритетом должна стать отмена специальных освобождений и вычетов в целях расширения налоговой базы. Однако любая реформа в налоговой сфере должна проводиться в контексте более широких структурных реформ, включая реформирование расходов, необходимое для улучшения структуры и повышения эффективности расходов, а также для обеспечения постепенного сокращения налоговой нагрузки в сочетании с совершенствованием бизнес-среды и нормативно-правовой базы и, что особенно важно, с глубоким реформированием госпредприятий в целях повышения их рентабельности и конкурентоспособности.

Расходы сектора органов государственного управления: необходимость маневра по расходам

Расходы органов государственного управления в Республике Беларусь составляют немногим более 40% ВВП, что выше средних показателей по региону и значительно выше, чем в большинстве стран с аналогичным уровнем ВВП на душу населения (рисунк 6). Кроме того, значительная часть расходов, источником финансирования которых в других странах обычно является бюджет (например, социальная инфраструктура, спортивные мероприятия и т. д.), в Беларуси финансируется за счет средств госпредприятий. Даже несмотря на то, что такие расходы находятся за рамками бюджета, они оказывают воздействие на бюджет, уменьшая налогооблагаемую прибыль и способствуя возникновению условных обязательств бюджета, а также на экономику, влияя на эффективность распределения капитала и качество предоставляемых услуг в сравнении с централизованным обеспечением услугами за счет бюджета.

Структура расходов бюджета в Беларуси имеет несколько отличительных особенностей. Прежде всего, в Беларуси отмечается значительный перекося в пользу негибких текущих расходов на

Расходы бюджета органов государственного управления в странах ЦВЕ

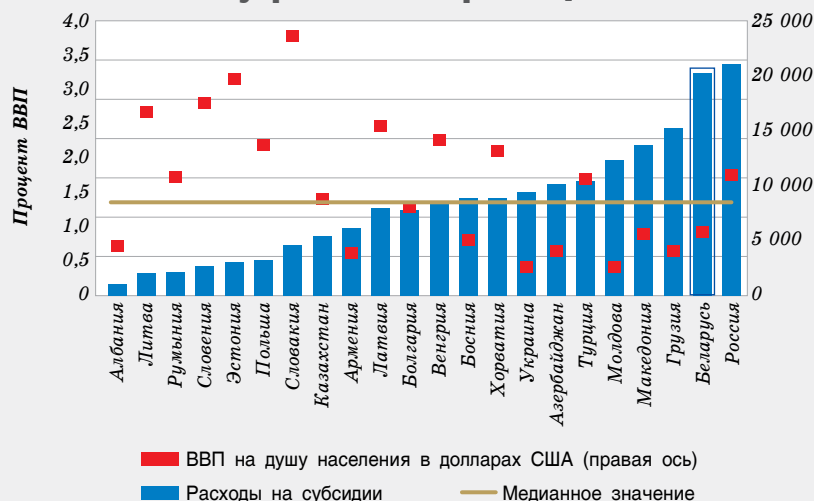
Примечание. Разработка автора на основе [2; 3; 6; 7].

Рисунок 6

потребление. Расходы на заработную плату в бюджетном секторе, отчисления на социальное страхование, пенсии, субсидии и трансферты населению в совокупности составили 31,5% ВВП, или 79% расходов сектора органов государственного управления в 2018 г. При этом медианный показатель по региону составил 29% ВВП. Значительная часть этих расходов относится к обязательным расходам, а дополнительным источником негибкости является рост расходов на обслуживание долга. В целом лишь треть бюджета направляется на дискреционные расходы (инвестиции и текущие расходы, не связанные с заработной платой), что существенно ограничивает гибкость бюджета.

На долю расходов на заработную плату в бюджетном секторе пришлось почти 10% ВВП в 2018 г. (включая отчисления на социальное страхование), что несколько превышает медианное значение по региону (9,3% ВВП) и составляет 40% расходов (без учета процентных платежей по долгу) на потребление. Хотя занятость в бюджетном секторе представляется избыточной по региональным стандартам, оплата труда в этом секторе также ниже. Численность работников бюджетной сферы составляет 854 000 человек (в 2018 г.) по сравнению с 650 000 человек в Венгрии (стране с аналогичной численностью населения и расходами на заработную плату на уровне 10,8% ВВП) и 420 000 человек в Болгарии (стране с населением 7 млн. человек и расходами на заработную плату на уровне 9,5% ВВП). В то же время работники бюджетной сферы в Беларуси получают заработную плату на 20% ниже средней заработной платы по стране, что является одним из самых больших разрывов в регионе. Помимо влияния на бюджет чрезмерная занятость в бюджетном секторе в сочетании с низкой заработной платой подрывает эффективность государственного управления. Одним из ключевых приоритетов политики должна стать оптимизация занятости в бюджетном секторе при одно-

Расходы на субсидии бюджета органов государственного управления в странах ЦВЕ

Примечание. Разработка автора на основе [2; 3; 6; 7].

Рисунок 7

временном приближении оплаты труда в этом секторе к остальной части экономики.

Другой отличительной чертой структуры расходов в Беларуси является очень высокая доля субсидий, которая составила 3% ВВП в 2018 г. (рисунок 7). Основная часть субсидий направляется реальному сектору (две трети) и предприятиям ЖКХ (главным образом на субсидирование цен для домашних хозяйств). Наиболее крупным бенефициаром является сельское хозяйство (1% ВВП), за которым следует жилищно-коммунальное хозяйство (0,8% ВВП), строительство и транспорт. Самая высокая доля субсидий в добавленной стоимости отмечается в коммунальном хозяйстве (20%), сельском хозяйстве (14%) и транспорте (5%)⁴.

Эффективность этих субсидий весьма сомнительна. Субсидии, просроченная задолженность перед банками и поставщиками в совокупности составляют половину добавленной стоимости в сельском хозяйстве. Субсидирование коммунального хозяйства особенно высоко, несмотря на то, что цены на импортируемый природный газ (основное топливо для централизованного теплоснабжения) составляли менее половины от тех, которые уплачивались за предела-

ми СНГ. В связи с этим возникают серьезные вопросы относительно жизнеспособности этих секторов, эффективности распределения капитала и целесообразности высоких затрат бюджета, связанных с их поддержкой. Кроме того, субсидирование цен является весьма регрессивной формой поддержки, поскольку от этого, как правило, выигрывают те, кто потребляет больше энергии, т. е. более обеспеченные домашние хозяйства. Таким образом, за счет субсидирования цен на энергоносители правительство перераспределяет ресурсы от малообеспеченных в пользу обеспеченных.

Рост расходов на обслуживание долга является важным и растущим источником негибкости бюджета. Расходы на уплату процентов за период с 2010 г. выросли почти в четыре раза в реальном выражении, составив 1,9% ВВП в 2018 г. Это один из наиболее высоких уровней в регионе, где медианное значение для стран Европы с формирующейся рыночной экономикой составляет 1,4% ВВП. Тот факт, что расходы на уплату процентов выше, чем в странах с аналогичным уровнем долга, отражает более высокую стоимость заимствования. Предполагаемая процентная ставка по государственному долгу Респуб-

⁴ Согласно оценкам Всемирного банка. Обзор государственных расходов для Республики Беларусь (2020, готовится к публикации).

лики Беларусь удвоилась за период с 2010 г. до 4,2% в 2018 г., оказавшись примерно на уровне показателя Украины, и является третьей по величине в регионе.

Перекося в пользу текущих расходов проявляется также в функциональной разбивке расходов органов государственного управления. Расходы в социальных секторах (образование и здравоохранение) в Беларуси находятся на уровне среднего значения по региону или превышают его, в большей степени соответствуя значениям стран региона с более высоким уровнем дохода. Так, расходы на образование являются одними из самых высоких в регионе и в 2018 г. составляли 5,4% ВВП. В то же время основная часть расходов на образование и здравоохранение приходится на заработную плату и коммунальные платежи, при этом остается очень мало средств на содержание, техническое обслуживание и инвестиции. Расходы на социальную защиту, составляющие 13,7% ВВП, также превышают медианный уровень (11,9%), однако их структура отличается от структуры по остальной части региона. Высокие социальные расходы обусловлены более высокими расходами на социальное страхование (в основном пенсии) в сравнении с большинством сопоставимых стран (11,2% в 2018 г.). В то же время расходы на социальную помощь, составляющие всего 2,1% ВВП, приближаются к нижней границе в сравнении с другими странами региона, а страхование на случай безработицы практически отсутствует.

Направления бюджетной корректировки

В среднесрочной перспективе Беларусь столкнется с рядом серьезных проблем. Действующие в среднесрочный период сдерживающие факторы, которые связаны с низкими ценами на сырьевые товары, фактической поэтапной отменой скидки к цене на нефть в результате российского «налогового маневра» и напряженным графиком погашения задолженности, будут усиливаться в ближайшие несколько лет в связи с экономическими последствиями вспышки коронавирусной инфек-

ции COVID-19. В то время как в настоящий момент сложно оценить величину и продолжительность глобальных экономических спадов, большинство показателей указывают на рецессию в мировой экономике, которая будет беспрецедентной за период с 1970-х гг. и более глубокой, чем в 2009 г. Глобальный шок в области спроса усугубляется шоком предложения, возникшим в результате жестких карантинных мер, вводимых во всем мире, и беспрецедентным за последние 20 лет падением цен на нефть и другие сырьевые товары. Учитывая открытость экономики страны и ее зависимость от внешних рынков, все это окажет значительное негативное воздействие на Беларусь, которое будет аналогичным, если не более существенным, чем в 2009 г. и 2015 г. В условиях внешнего шока потребуются серьезные корректировки. Однако, в отличие от 2009 г. и 2015 г., власти столкнутся с более жесткими сдерживающими факторами, учитывая ограниченность возможностей для корректировки обменного курса, высокий уровень государственного долга и погашения задолженности, а также ухудшение позиций на внешних рынках.

В предстоящие годы эти сложные перспективы подвергнут бюджетно-налоговую политику серьезным испытаниям. В краткосрочный период неизбежной станет значительная корректировка в целях преодоления воздействия внешнего шока и устранения макроэкономических диспропорций [8]. Ее необходимо будет дополнить значительной постоянной корректировкой, подкрепленной более глубокими структурными реформами, необходимыми для адаптации к изменившимся внешним условиям после окончания нынешнего кризиса. Ее размер будет зависеть от многих факторов, включая глубину сжатия основных экспортных рынков, траекторию цен на сырьевые товары и доступ к внешнему финансированию.

Для обеспечения максимального благоприятствования экономическому росту большинство мер бюджетно-налоговой политики должны быть направлены на увеличение доходов. Остальные

меры должны фокусироваться на сокращении непроизводительных и неэффективных расходов (в том числе на поддержку государственных предприятий). Одновременно необходимо усилить справедливость бюджетно-налоговой политики путем сохранения расходов на человеческий капитал и увеличение социальной поддержки нуждающихся. Производительные расходы необходимо сохранить и увеличить по мере возможности, особенно с учетом вероятности глубокого сжатия в текущем году и необходимости поддержать последующее восстановление роста [9].

Особый акцент на доходах обусловлен необходимостью компенсировать значительное постоянное сокращение основных налоговых поступлений (по налогам на прибыль и экспортным налогам). Ключевой мерой в отношении доходов может стать сокращение налоговых льгот, индексация акцизов с учетом инфляции и распространение налога на недвижимую собственность на многоквартирные дома. Сокращение расходов должно быть сосредоточено на неэффективных и вызывающих искажения затратах (сокращение субсидий и оптимизация расходов на заработную плату в бюджетном секторе, а также неэффективных текущих расходов, не связанных с заработной платой) при сохранении производительных расходов (инвестиции в инфраструктуру, транспорт и связь, необходимых для развития частного сектора в том числе, повышение качества человеческого капитала) и увеличения расходов на социальную защиту [10]. Однако система социальной защиты нуждается в значительной перестройке, усилении адресности и дополнительном финансировании, особенно для оказания поддержки наиболее уязвимым слоям населения. Учитывая значительные финансовые трудности, Беларуси необходимо будет повысить и эффективность расходования средств [11]. Ключевой целью должно стать повышение эффективности и качества предоставления услуг, особенно в области здравоохранения и образования [12].

* * *

Материал поступил 30.03.2020.

Библиографический список:

1. *Assessing reserve adequacy* [Electronic resource] // IMF 2011, 2013. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/datamapper/ARA/index.html>. – Date of access: 01.03.2020.
2. *The International Monetary Fund* [Electronic resource] // International Monetary Fund, 2018. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Data>. – Date of access: 01.03.2020.
3. *Haver Analytics* [Electronic resource] // Haver analytics, 2020. – Mode of access: <http://www.haver.com/>. – Date of access: 01.03.2020.
4. Республика Беларусь: доклад персонала для консультаций 2018 г. в соответствии со статьей IV [Электронный ресурс] // МВФ, 2018. – 28 ноября. – Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2018/11/28/mcs-112818-republic-of-belarus-staff-concluding-statement-of-the-2018-article-iv-mission>. – Дата доступа: 01.03.2020.
5. Комплексное диагностическое исследование экономики Республики Беларусь: Формирование нового видения конкурентоспособной, инклюзивной и динамично развивающейся Беларуси // Всемирный банк. – 2018.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 01.03.2020.
7. Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/>. – Дата доступа: 01.03.2020.
8. *The commodities roller coaster. A fiscal framework for uncertain times* [Electronic resource] // IMF Fiscal Monitor, 2015. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2016/12/31/The-Commodities-Roller-Coaster>. – Date of access: 01.03.2020.
9. *Achieving more with less* [Electronic resource] // IMF Fiscal Monitor, 2017. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2017/04/06/fiscal-monitor-april-2017>. – Date of access: 01.03.2020.
10. *Fiscal Policy and Long-Term Growth* [Electronic resource] // IMF, Staff report. – 2015, April. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Fiscal-Policy-and-Long-Term-Growth-PP4964>. – Date of access: 01.03.2020.
11. *Fiscal Policy and Growth: Why, what and how?* [Electronic resource] // OECD, IMF, 2015. – Mode of access: <https://www.oecd.org/g20/topics/framework-strong-sustainable-balanced-growth/G20-2015-Ankara-Fiscal-policy-and-long-term-growth-OECD-IMF-September.pdf>. – Date of access: 01.03.2020.
12. Gray, C. *Fiscal Policy and Economic Growth: Lessons for Eastern Europe and Central Asia* / C. Gray [et al.] // World Bank. – 2007. – Vol 1. – P. 358.

Fiscal policy for a sustainable economic growth in the middle-term perspective

Maryna SIDARENKA, World Bank, economist, Master of Economics, Republic of Belarus, Minsk,
e-mail: msidarenka@worldbank.org.

Abstract. *The article describes main challenges of fiscal policy, including those conditioned by the decrease in raw materials prices, tough schedule of debt repayment and difficulties with access to global financial markets. Overcoming external challenges will require significant adjustment of the fiscal policy strengthened by deeper structural reforms.*

Keywords: *fiscal policy; budget income; budget expenditures.*

«Первородный грех» госсектора: о рисках больших долгов в валюте¹

Михаил ДЕМИДЕНКО

Национальный банк Республики Беларусь, заместитель начальника Управления исследований, кандидат экономических наук, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: M.Demidenko@nbrb.by

Владислав РОМАНЮК

Национальный банк Республики Беларусь, специалист Управления исследований, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: V.Romanyuk@nbrb.by

УДК 336.27

Ключевые слова:
государственный долг; «первородный грех»;
валютная структура долга; валютные несоответствия.

Вопросы долга и его обслуживания весьма актуальны для Республики Беларусь. В период с 2010 г. по 2020 г. отношение государственного долга и долга, гарантированного Правительством, к ВВП выросло с 22,3% до 37,5%. Данное значение еще не превышает установленный Министерством финансов порог в 45%, однако, по методологии МВФ, на конец 2017 г. величина долга сектора государственного управления и гарантированного государством долга составила 53,4% ВВП. Безусловно, некоторый уровень госдолга представляется обычным явлением, когда речь идет о развивающихся странах, но рискованность текущей ситуации может быть несколько преуменьшена. Однако сам по себе уровень долга не представляется проблемой, пока экономические, социальные и политические выгоды превышают издержки по принятию и обслуживанию обязательств.

Тем не менее, если заглянуть глубже – в структуру долга, то мы обнаружим характерную для всех развивающихся стран особенность: высокий уровень валютизации государственного долга, который может служить катализатором кризисных явлений при возникновении внешних или внутренних экономических потрясений.

Долг и «первородный грех»

В конце прошлого века во время Азиатского кризиса 1997–1998 гг. многие экономисты обратили внимание на структуру долгов и их быстрый

рост в развивающихся странах. В то время существовало несколько предположений относительно причин возникновения этого кризиса. Одни утверждали [1; 2; 10], что он был следствием *морального риска* – инвесторы не сталкивались с полными рисками ввиду гарантий правительства и готовности международных организаций оказать поддержку, что приводило к чрезмерному накоплению долга. В то же время Барри Эйхенгрин и Рикардо Хаусманн выдвинули гипотезу «первородного греха», которая подчеркивала неполноту финансовых рынков как причину, по которой национальная валюта не используется для заимствований [4], что способствует возникновению кризисов, подобных Азиатскому.

Само употребление словосочетания «первородный грех» в экономической гипотезе есть прямая отсылка к богословскому термину. Наличие «греха» в экономике не означает, что в конкретный момент времени существуют проблемы, например с устойчивостью долга, однако они проявятся при неблагоприятном стечении обстоятельств. Более того, страна может столкнуться не просто с повышением неустойчивости долга, но и с целым рядом других проблем: отток капитала, валютный кризис, инфляция и др.

В первоначальном определении под «первородным грехом» подразумевалась невозможность использования национальной валюты для заимствований за рубежом, а также для осуществления долгосрочных внутренних заимствований. При наличии «греха»

¹ Авторы выражают благодарность Гарбузу Андрею Михайловичу за ценные замечания и оказание консультации при проведении данного исследования.

для большинства взятых страной обязательств будет характерно несовпадение валюты активов и обязательств (currency mismatch) или несовпадение сроков погашения (maturity mismatch), когда для финансирования долгосрочных проектов используются краткосрочные инструменты [4].

В последующем «первородный грех» был разделен на две категории: *внешний* и *внутренний*, где *внешний* – неспособность занимать в национальной валюте за рубежом, а *внутренний* – невозможность (или нежелание. – Прим. авторов) привлечь долгосрочные заимствования в национальной валюте на внутреннем рынке. Для оценки уровня *внешнего* и *внутреннего* «первородного греха» было разработано несколько индексов, с которыми можно более подробно ознакомиться в представленной литературе [5; 11; 12]. Авторы гипотезы и большинство других ученых сфокусировали свое внимание на внешнем аспекте греха, так как это представляется более трудной задачей [7].

Проявления «первородного греха»

Несовпадение по срокам погашения является следствием отсутствия возможности заемщиков использовать долгосрочные долговые инструменты и вызвано сложившимися условиями на финансовом рынке [4]. В такой ситуации под долгосрочные проекты последовательно привлекаются краткосрочные кредиты, что, во-первых, может приводить к удорожанию проектов, а во-вторых, повышает риск проекта быть незаконченным.

Валютные несовпадения описывают ситуацию, при которой доходы формируются в одной валюте, а выплаты по основному долгу и его обслуживание осуществляется в другой. Наличие обязательств в иностранной валюте также ограничивает способность центральных банков выступать в качестве кредиторов последней инстанции при возникновении кризисов валютной ликвидности. Помимо прочего, участники финансовых рынков,

зная о наличии «греха», дополнительно увеличивают риск-премию, что приводит к удорожанию привлекаемых средств [9].

Долг в валюте и связанная с ним волатильность внутренних процентных ставок усиливают неопределенность относительно способности правительства обслуживать государственный долг, что влечет за собой снижение кредитных рейтингов. Согласно расчетам, валютная и временная сбалансированность долгов, а также отсутствие индексации процентных ставок приводят к улучшению кредитного рейтинга в среднем на 3 уровня. Таким образом, «первородный грех» может служить объяснением, почему странам со схожими фискальными показателями международные рейтинговые агентства присваивают существенно различающиеся кредитные рейтинги [3].

Результаты проведенных эмпирических исследований указывают на наличие однонаправленной взаимосвязи между «первородным грехом» и волатильностью выпуска и потоков капитала. Так, при изменении индекса² «первородного греха» от 0 до 1 волатильность темпов роста увеличивается на 1,1 п. п. [3].

Важно отметить, что несовпадение валюты активов и обязательств может быть причиной того, что страны склонны к наращиванию избыточных международных резервных активов в качестве страховки на случай валютных потрясений. Накапливание резервных активов при прочих равных уменьшает валютное несоответствие, но меньшее валютное несоответствие не является свидетельством отсутствия «первородного греха» [3]. Накапливание резервов – неплохой выход, но он, как правило, не выгоден стране, так как по долгам она платит больше, чем получает от размещения резервов.

Одна из гипотез гласит, что наличие «первородного греха» может быть индикатором слабости институтов и низкого доверия к экономической политике. В таком случае при высокой инфляции центральному банку необходимо ставить цель по достижению и поддер-

жанию ценовой стабильности, при этом, если требуется, укрепить его операционную независимость. Правительству, в свою очередь, следует проводить сбалансированную бюджетную политику, повысив ее прозрачность и подотчетность [5].

Внутренний аспект

Внутреннему аспекту «первородного греха» в развивающихся странах были посвящены работы, например А. Мейля и Ж. Рейно [11; 12]. Авторы исследовали три фактора, которые дополнительно повышают рискоспособность внутреннего государственного долга: номинирование долга в иностранных валютах, короткие сроки погашения, индексация. Первые два фактора, повышающие рискоспособность, есть не что иное, как проявления «первородного греха».

Авторы оценивали распространенность каждого компонента в государственном долге 33 стран в период с 1994 г. по 2006 г. Согласно их расчетам, короткие сроки погашения были наиболее распространенной причиной излишней рискоспособности долга, затем следовала индексация долга и лишь на третьем месте – номинирование обязательств в иностранной валюте.

Результаты исследований А. Мейля и Ж. Рейно показывают, что снижение уровня инфляции на 1 п. п. в среднем приводит к уменьшению доли валютного, индексируемого и краткосрочного долга на 0,05 п. п. по каждому из этих факторов. Кроме того, увеличение отношения частных сбережений к ВВП на 1 п. п. приводит к снижению доли заимствований в иностранной валюте во всем долге на 0,1 п. п. Увеличение отношения фискального баланса к ВВП на 1 п. п. способно дополнительно уменьшить долю долгов в иностранной валюте и долю краткосрочных долгов на 0,25 п. п. Все эти меры лежат в плоскости монетарной и фискальной политики. Таким образом, повышение общей эффективности последних и поддержание макроэкономической стабильности по-

² $OSIN3 = \max \left(1 - \frac{\text{долг в валюте страны } i}{\text{долг, выпущенный страной } i}, 0 \right)$. Значения индекса ограничены 0 и 1, где 0 – полное отсутствие греха, 1 – долг страны полностью валютизирован.

звolyт уменьшить рискованность долга, снизив долю иностранных обязательств индексируемой и краткосрочной задолженности [12].

К подобным выводам пришли и другие экономисты, продемонстрировав, что искупление внутреннего «первородного греха» происходит через развитие финансового сектора, повышение качества институтов, достижение и поддержание макроэкономической стабильности [7].

Внутренний «первородный грех» связан и с внешним его проявлением. Невозможность занимать на внутреннем рынке в национальной валюте негативным образом сказывается на способности занимать в национальной валюте у других стран. В таком случае у правительства просто не остается иного выхода, кроме как принять на себя дополнительные риски.

В целом в литературе отмечается следующее:

- 1) «первородный грех» – широко распространенное явление среди развивающихся стран, но также встречается и в развитых странах;
- 2) внешний «первородный грех» достаточно постоянен и устойчив;
- 3) от внутреннего «первородного греха» избавиться, несомненно, проще, чем от внешнего;
- 4) «первородный грех» оказывает негативное влияние на финансовую устойчивость и ограничивает возможности монетарной и фискальной политики;
- 5) «первородный грех» не является следствием слабой монетарной и фискальной политики или низкого качества институтов, но его «искупление» связано с повышением эффективности монетарной и фискальной политики [3; 8].

Государственный долг Беларуси, «грешны» ли мы?

Рассмотрим ситуацию с государственным долгом Республики Беларусь. По состоянию на начало января 2020 г. государственный долг вместе с гарантиями Правительства составил 37,5% ВВП и увеличился в два раза за последние десять лет, если рассматривать долг без учета гарантий, то отношение к ВВП составило

33,7%. В структуре общей задолженности на внутренние обязательства и гарантии приходится 22%, на внешние – 78%.

В поисках ответа на поставленный вопрос рассмотрим обозначенные в литературе факторы, повышающие рискованность государственного долга³: срочность погашения долга, индексация, валюта, в которой долг номинирован.

Сроки погашения госдолга. Согласно данным на конец 2019 г., сроки кредитов по внешнему госдолгу в среднем составляют 14,8 года, а средние сроки погашения внутреннего валютного государственного долга – 7 лет. Таким образом, государственные займы Беларуси по срокам погашения можно отнести к категории долгосрочных, а значит, отсутствует проблема несовпадения сроков погашения (*maturity mismatch*).

Индексация государственного долга предполагает защиту инвесторов от валютного или процентного риска путем привязки процентных ставок к обменному курсу или, например, к ключевой ставке центрального банка, также допускается привязка к индексам цен. По состоянию на конец 2019 г. Министерству финансов Республики Беларусь удалось улучшить структуру долгового портфеля и свести долю займов, выданных под плавающую процентную ставку, до 40% от всех займов. Тем не менее это все еще высокий уровень, который несет в себе определенные риски.

Плавающие ставки, с одной стороны, способны облегчить долговое бремя, так как снижение переменной компоненты, например ставки Libor, если речь идет о долларовых обязательствах, приведет к такому же снижению номинальной процентной ставки по обязательствам Правительства. С другой стороны, в долгосрочной перспективе мы не можем предугадать движение ставок, а значит, принимаем на себя дополнительные риски. Кроме того, в период с 2010 г. по 2020 г. ставки Libor находились в пределах от 1 до 3%, а ставки Euribor с 2016 г. вообще были отрицательными. Это означает, что дальнейшее снижение ставок по обязательствам в долларах и евро ограничено.

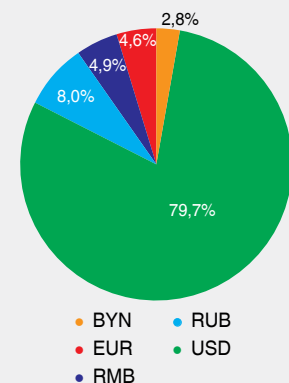
В свою очередь, рублевые обязательства с плавающей процентной ставкой привязаны к ставке рефинансирования Национального банка Республики Беларусь. В среднесрочной перспективе при переходе на режим таргетирования инфляции ожидаемым эффектом является снижение уровня инфляции и, как следствие – снижение ставки рефинансирования. В теории это привело бы к положительному эффекту, но как будут развиваться события в реальности и с какими шоками может столкнуться белорусская экономика в ближайшие годы – предугадать сложно.

Увеличение доли долга с фиксированной процентной ставкой позволило бы уменьшить неопределенность и связанные с ней риски, а также укрепить устойчивость долга и бюджета к колебаниям процентных ставок, повысив предсказуемость его расходов.

Валютная структура государственного долга. В 2019 г. номинированные в белорусских рублях обязательства составляли менее 3% долгового портфеля. Большая часть обязательств (80%) номинирована в американских долларах, еще 8% – в евро. На китайский юань и российский рубль приходится суммарно 9,5% (рисунки 1).

Индекс «первородного греха» (OSIN3, формула расчета приве-

Валютная структура государственного долга на 1 января 2020 г. (без учета гарантий)

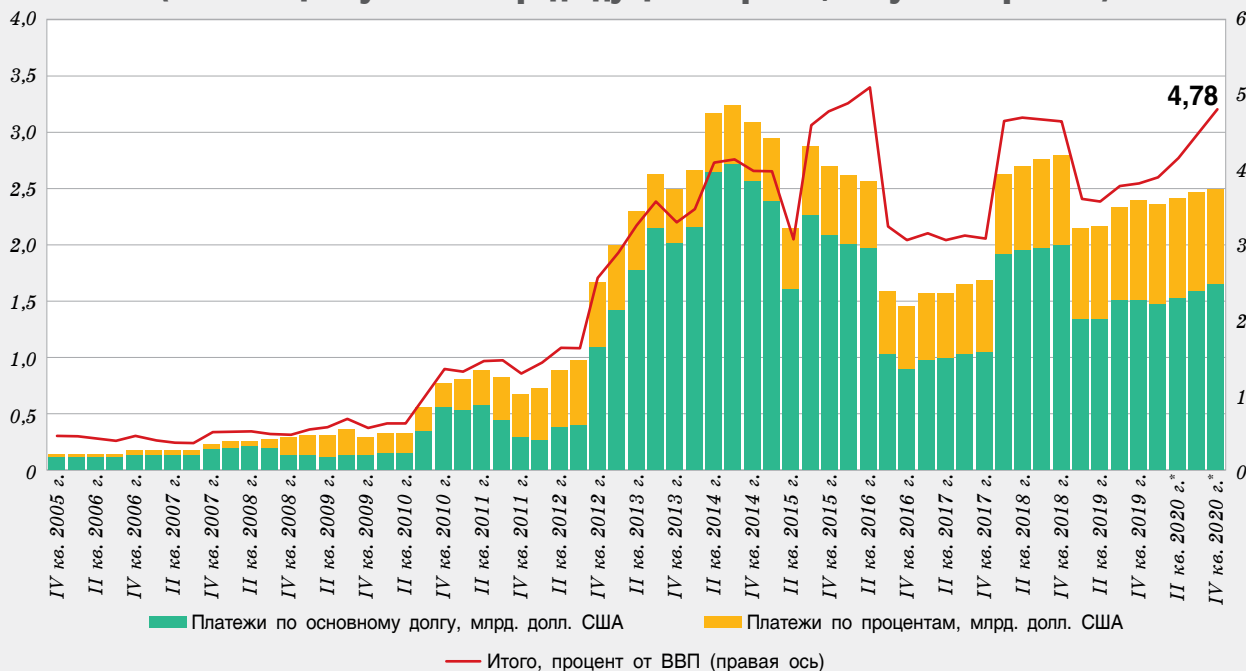

Примечание. Составлено на основе данных Министерства финансов Республики Беларусь.

Рисунок 1

³ Здесь и далее рассматривается только госдолг без учета гарантий Правительства, если не сказано иное.

Стоимость обслуживания внешнего госдолга Республики Беларусь (скользящая сумма за 4 предыдущих квартала, без учета гарантий)

* Прогноз

Примечание. Расчеты авторов на основе данных Национального банка Республики Беларусь.

Рисунок 2

дена в сноске выше), измеренного только для сектора государственного управления, составляет 0,972. Подобные высокие значения присущи странам Латинской Америки, в особенности Аргентине и Венесуэле [6].

Внешний госдолг целиком состоит из иностранной валюты, и, несмотря на долгосрочность обязательств, мы можем констатировать наличие как минимум внешнего первородного греха. На обслуживание внешнего госдолга Беларусь в последние несколько лет ежегодно тратила в среднем 3,8% ВВП, при этом тенденции на сокращение выплат не прослеживается. Учитывая валютную структуру и тот факт, что внешний госдолг составляет более 75% от совокупного госдолга, обесценение белорусского рубля может приводить к увеличению реальной стоимости обслуживания по отношению к ВВП (рисунок 2).

На рисунке 2 видно, что в 2020 г. ожидается довольно резкий рост трат на обслуживание и погашение внешнего госдолга. Это во многом связано со снижением стоимости белорусского

рубля по отношению к доллару США (за первые 3 месяца 2020 г. рубль ослаб на 22,6%) и соответствующим падением номинального долларовой ВВП.

Несколько иначе обстоят дела с внутренним долгом, в котором 16% обязательств номинированы в национальной валюте (по данным за 2019 г.). По информации Министерства финансов Республики Беларусь, в 2020 г. на погашение и обслуживание внутреннего государственного долга планировалось направить 2,8 млрд. бел. руб. Учитывая валютную структуру, на погашение валютной составляющей внутреннего госдолга Правительство планировало потратить около 2,1 млрд. бел. руб. Однако, как уже было отмечено, реализовался валютный риск, произошло обесценение белорусского рубля, а значит, выросли и суммы, необходимые для выплаты номинированного в валютах других стран долга и процентов. По состоянию на 1 апреля сумма предстоящих выплат по внутреннему валютному госдолгу выросла до 2,5 млрд. бел. руб., а по всему госдолгу – до 3,2 млрд. руб.

Аналогичное движение вверх демонстрируют и эффективные процентные ставки. На первый взгляд заимствования в иностранной валюте могут показаться весьма выгодными. Так, средняя процентная ставка для обязательств по внешнему государственному долгу в 2019 г. составила 4,5% годовых, по внутреннему валютному госдолгу – 5,2%. В свою очередь, ставка рефинансирования Национального банка, под которую чаще всего привлекаются инвестиции в белорусских рублях, на конец года составила 9%. Однако с учетом темпа изменения курса рубля и валютной структуры долга (изменения брались за период с 1 января по 1 апреля 2020 г.) эффективная рублевая процентная ставка по внешнему долгу составляет уже 26,4%, по внутреннему валютному – 27,8%.

Общая сумма, которую Министерству финансов необходимо потратить на погашение долга и выплату процентов в 2020 г., увеличилась на 2 млрд. руб. и составила 10,7 млрд. руб. В отношении к ВВП 2019 г. сумма выплат увеличилась с 6,6% до 8,1%. Учитывая

негативные прогнозы роста самого ВВП в 2020 г., относительные значения выплат к ВВП станут еще больше. Таким образом, привлечение заимствований в иностранной валюте может обходиться дороже, чем в национальной, даже при более низких номинальных зарубежных процентных ставках.

В начале 2020 г. из-за роста ставок на рынке долгов развивающихся стран сорвалось размещение евробондов Министерством финансов. В кризисной ситуации, несмотря на низкую стоимость фондирования в иностранной валюте, стоимость заимствования для развивающихся экономик существенно возрастает по причине роста риск-премии. И Беларусь попадает в ловушку невозможности заимствовать в валюте на приемлемых условиях.

Справочно.

Согласно последней оценке МВФ, проведенной в 2018 г., уровень государственного долга в процентах к ВВП составил 53,4%. Ключевая разница между подходами к оценке госдолга МВФ и Правительства заключается в том, что МВФ добавляет расходы на строительство АЭС и забалансовые расходы бюджета (капитализация госбанков и поддержка госпредприятий) к величине долга сектора государственного управления.

Эксперты отмечают, что вслед за увеличением долга растут и платежи по его обслуживанию, при этом усиливаются риски и снижается доверие инвесторов в отношении способности властей обеспечивать его устойчивость. Среди главных рисков МВФ выделяет валютный и процентный риски.

Для улучшения качества оценки уровня госдолга, а также для повышения его устойчивости МВФ рекомендует:

1) рассчитывать комплексный показатель долга, охватывающий все уровни государственного управления, а также гарантии;

2) увязать оперативный долговой показатель бюджета с долговым якорем;

3) проводить консолидацию бюджета для обеспечения устойчивого снижения государственного и гарантированного государством долга до более устойчивого уровня;

4) усовершенствовать среднесрочную стратегию управления долгом (включая принятие механизма анализа альтернативных стратегий заимствования и формирования оптимальной структуры заимствований);

5) укрепить систему управления рисками госдолга;

6) развивать рынок ценных бумаг в национальной валюте;

7) усовершенствовать процесс планирования денежных потоков;

8) усовершенствовать нормативно-правовую базу по вопросам управления гарантиями и порфелями проектных кредиторов.

Источник: *страновые отчеты МВФ.*

Выводы и рекомендации

Беларусь в той или иной степени подвержена «первородному греху» как внешнему, так и внутреннему. Это выражается в неспособности или нежелании привлекать инвестиции в национальной валюте, что порождает серьезные валютные несоответствия как во внешнем, так и во внутреннем долге. В такой ситуации Правительство сильно зависит от внешних и внутренних заимствований в иностранной валюте, а значит, оно несет дополнительный риск резкого изменения обменного курса. Помимо этого, более 40% принятых сектором государственного управления обязательств (без учета гарантий) были выданы под плавающую процентную ставку. Таким образом, Правительство также несет процентные риски.

Следует, однако, отметить долгосрочность государственных заимствований. Срок, на который привлекаются кредиты, а также срок обращения ценных бумаг постепенно увеличивается.

Как показывает история, периоды относительного экономического благополучия и развития сменяются серьезными кризисами. Сложившаяся в начале 2020 г. ситуация является хорошим примером того, насколько уязвимыми могут быть страны с существенными внешними и внутренними долгами в валюте. Падение цен на нефть в результате ценовой войны на нефтяном рынке и экономические последствия мер, направленных на борьбу с COVID-19, приведших к серьезному сокраще-

нию внешнего спроса и ожидаемому падению экспортных доходов, привели к тому, что стоимость заимствований в валюте колеблется весьма существенно как в рублевом, так и в долларовом эквиваленте. Правительству в срочном порядке придется изыскивать средства на обслуживание и погашение долгов или тратить валютные резервы. Искупить внутренний «первородный грех», как показывает международный опыт, проще, чем внешний, поэтому стоит начинать именно с этого. Для повышения устойчивости государственного долга мы рекомендуем несколько простых вещей.

Рекомендация 1. В условиях существенной ограниченности внутренних источников стимулирования качества экономического роста финансировать разрыв между сбережениями и инвестициями за счет привлечения прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ), а не увеличения госдолга. ПИИ позволяют не только минимизировать валютный риск государства, но и значительно повысить качество управления ресурсами и расширить возможности для роста экономики.

Рекомендация 2. Развивать рынок государственных облигаций в национальной валюте. В частности, следует преобразовать структуру внутреннего государственного долга, отказавшись от заимствований в иностранной валюте, и заменить их облигациями в белорусских рублях. Ожидаемым результатом станет повышение устойчивости внутреннего государственного долга через избавление от валютного риска, развитие рынка ценных бумаг и определение целевых долгосрочных ориентиров доходности в национальной валюте.

Рекомендация 3. Продолжать политику по увеличению доли займов, выданных под фиксированную процентную ставку, одновременно продолжая политику привлечения «длинных» денег.

Рекомендация 4. Повышать прозрачность государственных заимствований: расширить охват отчетности и начать публиковать более подробную статистику, особенно по гарантированному Правительством долгу.

* * *

Материал поступил 27.03.2020.

Библиографический список:

1. Chang, R. Liquidity crises in emerging markets: theory and policy [Electronic resource] / R. Chang, A. Velasco // NBER Working Paper. – July 1999. – № 7272. – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w7272>. – Date of access: 10.03.2020.
2. Corsetti, G. Paper tigers? A model of the Asian crisis [Electronic resource] / G. Corsetti, P. Pesenti, N. Roubini // NBER Working Paper. – November 1998. – № 6783. – Mode of access: <https://www.nber.org/papers/w6783>. – Date of access: 10.03.2020.
3. Eichengreen, B. Currency Mismatches, Debt Intolerance, and the Original Sin: Why They Are Not the Same and Why It Matters [Electronic resource] / B. Eichengreen, R. Hausmann, U. Panizza // Capital Controls and Capital Flows in Emerging Economies: Policies, Practices and Consequences / NBER: ed. S. Edwards. – 2007. – P. 121–170. – Mode of access: <http://www.nber.org/chapters/c0150>. – Date of access: 03.02.2020.
4. Eichengreen, B. Exchange rates and financial fragility [Electronic resource] / B. Eichengreen, R. Hausmann // NBER Working Paper. – November 1999. – № 7418. – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w7418>. – Date of access: 03.02.2020.
5. Eichengreen, B. Original Sin: The pain, the Mystery, and the Road to Redemption / B. Eichengreen, R. Hausmann, U. Panizza // Inter-American Development Bank. – Washington, D.C., 2002. – 78 p.
6. Gallo, E. 'Original Sin' in Latin America (2000–2015): Theory, Empirical Assessment and Alternatives / E. Gallo, M. Goes, V. Moraes // Revista de Economia. – 2019. – Vol. 40, № 72. – P. 134–175.
7. Guscina, A. Impact of Macroeconomic, Political, and Institutional Factors on the Structure of Government Debt in Emerging Market Countries / A. Guscina // IMF Working Paper. – August 2008. – № 08/205. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Impact-of-Macroeconomic-Political-and-Institutional-Factors-on-the-Structure-of-Government-22307>. – Date of access: 20.03.2020.
8. Hausmann, R. Redemption or Abstinence? Original Sin, Currency Mismatches and Counter Cyclical Policies in the New Millenium / R. Hausmann, U. Panizza // Journal of Globalization and Development. – 2011. – Vol. 2, № 1. – P. 1–35.
9. Hausmann, R. Why Do Countries Float the Way They Float? / R. Hausmann, U. Panizza, E. Stein // Inter-American Development Bank. – April, 2000. – 44 p.
10. Krugman, P. What happened to Asia? [Electronic resource] / P. Krugman // MIT. – January, 1998. – Mode of access: <http://web.mit.edu/krugman/www/DISINTER.html>. – Date of access: 17.03.2020.
11. Mehl, A. Domestic debt structures in emerging markets: new empirical evidence [Electronic resource] / A. Mehl, J. Reynaud // Université Panthéon-Sorbonne (Paris 1), Centre d'Economie de la Sorbonne. – 2008. – Mode of access: <https://ideas.repec.org/p/mse/cesdoc/bla08059.html>. – Date of access: 17.03.2020.
12. Mehl, A. The determinants of "domestic" original sin in emerging market economies / A. Mehl, J. Reynaud // ECB Working paper series. – December 2005. – № 560. – Mode of access: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwp/cebwp560.pdf>. – Date of access: 17.03.2020.

«Original sin» of the government sector: risks of big debts in currency

Mihail DEMIDENKO, National Bank of the Republic of Belarus, Deputy Head of Research Department, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: M.Demidenko@nbrb.by.

Uladzislau RAMANIUK, National Bank of the Republic of Belarus, Research Department, Specialist, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: V.Romanyuk@nbrb.by.

Abstract. The article considers «original sin hypothesis» according to which the inconsistency of the financial markets leads to the situation when the national currency is not used for long-term borrowings, both foreign and domestic. The conducted analysis shows that government sector in the Republic of Belarus, similar to many developing markets, is subject to the «original sin». In addition, the article provides calculations on changing the value of servicing government debt in connection with the depreciation of the Belarusian ruble (over the first three months of 2020). The authors give recommendations on increasing the sustainability of the public debt.

Keywords: government debt; «original sin»; currency structure of government debt; currency mismatch.

Как превратить сектор государственных предприятий в источник роста

Кирилл ГАЙДУК

Представительство Всемирного банка в Республике Беларусь, старший экономист, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: khaiduk@worldbank.org

УДК 338.24, 338.121, 334.72

Ключевые слова:
государственные предприятия; реструктуризация;
финансовая стабильность; экономический рост.

ВВП составил 0,5 процентного пункта, что равно совокупному вкладу сельского хозяйства, промышленности, строительства и транспорта. Однако такой подход не создает условий для устойчивого роста экономики в среднесрочной перспективе. Как показывает анализ, сделанный выше, проблемы традиционной экономики (сектора ГП) проникли в финансовую систему и государственные финансы. Уязвимость в этих сферах ограничивают потенциал наращивания частных инвестиций, тем самым ослабляя возможности частных предприятий по расширению объемов выпуска и созданию рабочих мест.

Возможные меры политики по повышению эффективности сектора госпредприятий

В Беларуси необходим комплекс мер, направленных на минимизацию «токсичности», исходящей от сектора ГП, проникающей как во внутренний (неплатежи), так и внешний (рост госдолга и высокий отрицательный уровень МИП) контуры национальной экономики.

Отправной точкой должна стать классификация существующих коммерческих ГП для принятия решений относительно их будущего. Так, предприятия, считающиеся «стратегическими», могут быть сохранены в государственной собственности, и в эту группу входят те, кто предоставляет общественные блага, инфраструктурные компании, а также некоторые прибыльные и хорошо работающие ГП, а все нестратегические государственные предприятия, включая ряд крупных, и особенно ма-

лые и средние предприятия, могут в конечном итоге быть предложены инвесторам для участия в капитале и/или приватизированы. Инвесторы (не только иностранные, но и национальные) часто обладают компетенциями в области управления активами и опытом доступа к тем или иным рынкам, что позволит реализовать потенциал приобретенных активов.

Эффективная приватизация требует создания функционирующего рынка долгов и «плохих» активов, и в этом случае инвестиции, сделанные в ГП, могут быть возвращены лишь частично. Однако попытки сохранить неработающие предприятия в государственной собственности обходятся дорого с точки зрения фискальных затрат. Поскольку многие нестратегические ГП характеризуются высоким уровнем задолженности, следует провести различие между потенциально жизнеспособными, подлежащими реструктуризации предприятиями, и нежизнеспособными предприятиями, неспособными преодолеть свой финансовый кризис самостоятельно, или же обеспечить возвратность предоставляемой им финансовой помощи и/или полученных ранее льготных кредитов.

Жизнеспособность того или иного предприятия может быть определена с помощью оценки чистой приведенной стоимости его хозяйственной деятельности, т. е. стоимость действующего предприятия должна быть выше, чем стоимость его активов, проданных на основе срочной реализации имущества, и быть больше нуля. Для Беларуси степень жизнеспособности предприятий должна учитывать всю тяжесть финан-

В настоящее время трансформация реального сектора в Республике Беларусь идет по «двухчастному пути»: с одной стороны, осуществляется реализация мер, направленных на создание более благоприятных условий для субъектов частного сектора, а с другой – происходит некоторое ужесточение дисциплины в секторе государственных предприятий (ГП). Идея такого подхода состоит в том, чтобы со временем более эффективная «новая экономика», ведущую роль в которой играет частный сектор (и вновь создаваемые микро-, малые и средние предприятия), была в состоянии абсорбировать неэффективность «традиционной экономики» с ведущей долей государственного сектора.

Может показаться, что такая стратегия работает: например, в 2019 г. совокупный вклад сектора информации и связи в темпы роста

сового состояния (и необходимых для выхода из него финансовых затрат, прежде всего фискальных), а также перспективы и реалистичные сроки реструктуризации. При этом оценка способности предприятий обслуживать долги в будущем имеет критически важное значение, в противном случае бремя расходов ложится на государственные банки и систему госфинансов в целом. А это ведет к росту государственного долга и ухудшению международной инвестиционной позиции.

Процесс реструктуризации госпредприятий

В целом реструктуризация подразумевает два взаимосвязанных процесса: 1) финансовую реструктуризацию, т. е. признание финансовых потерь и реструктуризацию накопленных финансовых требований; 2) операционную реструктуризацию, т. е. реорганизацию бизнес-процессов. В Беларуси финансовая реструктуризация уже практиковалась, и она заключается не только в пролонгации кредитов государственными банками заемщикам из сектора ГП. Так, с середины 2015 г. Министерство финансов начало «переводить» потенциально проблемные кредиты ГП в государственные облигации, тем самым удлиняя сроки погашения кредитных обязательств предприятиями-должниками. В течение 2015–2016 гг. объем таких операций по фактической реструктуризации задолженности составил не менее 1,8 млрд. долл. США [1], приведя к росту объема внутреннего государственного долга в иностранной валюте. Хотя при этом не удалось допустить резкого роста необслуживаемых активов и доли плохих займов в портфелях государственных коммерческих банков, нагрузка на систему государственных финансов выросла.

Чего в значительной степени пока не происходило, так это операционной реструктуризации, которая включает в себя шаги по повышению эффективности на микроуровне, улучшению системы менеджмента, сокращению излишнего персонала, продаже неработающих активов, улучшению маркетинга, а также иные меры, способствующие увеличению денежного потока и прибыльно-

сти ГП. Вместо этого, например, распространенной практикой (в особенности в сельском хозяйстве в середине 2000-х гг.) было присоединение неэффективных субъектов хозяйствования к хорошо работающим ГП, в том числе в промышленности, в ожидании того, что последние помогут повысить эффективность неэффективных предприятий. Однако эти действия не привели к сокращению числа убыточных единиц: так, в 2019 г. почти 60% сельскохозяйственных предприятий оставались убыточными без государственной поддержки. В 2016 г. этот показатель достиг максимума в 76,5% по сравнению с 37,6% в 2012 г. [2].

Таким образом, любые решения о реструктуризации должны учитывать: 1) финансовые и фискальные затраты на вывод предприятия из тяжелого финансового положения в зависимости от интенсивности усилий по операционной реструктуризации; 2) способность предприятия покрыть свои финансовые, материальные и трудовые затраты. Вывод из кризиса очевидно нежизнеспособных предприятий, неспособных покрыть все три вида затрат, является необоснованным и должен вести к их ликвидации. Поддержка потенциально жизнеспособного предприятия должна зависеть от плана операционной реструктуризации, поскольку такая поддержка может включать в себя и предоставление временного финансирования. Это, в свою очередь, может стать катализатором привлечения частных средств.

Опыт стран Юго-Восточной Азии, накопленный после кризиса 1997–1998 гг., показывает, что необходима приверженность в реализации четко обозначенных целей реструктуризации наряду с созданием работающей экосистемы. Это особенно важно в отсутствие хорошо функционирующих рыночных механизмов, в особенности рынка ценных бумаг и рынка долговых обязательств. В этой связи интересен опыт Малайзии [3], где рыночные механизмы не были развиты слишком хорошо и не был взят курс на масштабную приватизацию ГП. В этой ситуации функционировали органы, управляющие необходимыми изменениями, в том числе Комитет по реструктуризации корпоративной

задолженности, где делались оценки относительно экономической жизнеспособности предприятий, а также поддерживалась последовательная реализация программ операционной реструктуризации, включая проведение реформы корпоративного управления.

Что касается Беларуси, то меры по повышению эффективности государственных предприятий в конечном счете служат цели восстановления экономического роста и улучшения международной конкурентоспособности экономики в целом. Хотя масштабное реформирование государственных предприятий является непростой задачей, поскольку в этот процесс вовлечены множественные интересы, решительная и успешная реализация реформ в секторе ГП имеет важное значение для формирования доверия, стимулирования структурных реформ в других областях (финансовая система, социальная защита), а также раскрытия потенциала новых источников роста, которые столь необходимы экономике Беларуси. Перераспределение рабочей силы и капитала в пользу секторов с более высокой производительностью имеет важное значение для достижения инклюзивного и устойчивого роста в Беларуси [4].

Комплекс мер по повышению эффективности

В целом ключевыми элементами повышения эффективности государственных предприятий могут стать:

- *определение четких целей государственных предприятий.* Неключевые цели государственных предприятий могли бы быть устранены, а некоторые социальные функции (например, содержание собственных медицинских и санаторных учреждений) могли бы осуществлять специализированные учреждения (финансируемые из госбюджета или частные). Применительно к естественным монополиям и стратегическим секторам задач государственных предприятий должна стать поддержка целей экономического и социального развития Беларуси, а не реализация функций перекрестного субсидирования;

- *изменение структуры и процедур управления и надзора в отношении государственных предприятий.* Отношения между акционерами и директорами должны строиться по принципу «на расстоянии вытянутой руки» с тем, чтобы ограничить вмешательство в деятельность государственных предприятий. При этом система надзора за государственными предприятиями может должным образом упорядочить права и обязанности различных государственных органов;
- *поэтапное, но последовательное ужесточение бюджетных ограничений.* Ключевые уроки стран Юго-Восточной Азии и стран с переходной экономикой свидетельствуют о том, что до тех пор, пока государственные предприятия продолжают иметь легкий доступ к различным формам финансовой поддержки через государственные финансовые учреждения и непосредственно от центральных и местных органов власти, руководители этих предприятий и соответствующие отраслевые министерства не будут иметь достаточных стимулов для повышения эффективности функционирования предприятий;
- *усиление конкуренции посредством улучшения инвестицион-*

ного климата и минимизации барьеров для начала деятельности и ограничения скрытой поддержки государственных предприятий с тем, чтобы предприятия могли конкурировать на равных условиях. Государственные предприятия, которые эффективно конкурируют на рынках, могут быть сохранены, тогда как деятельность неконкурентоспособных предприятий может быть сокращена или же вовсе прекращена с тем, чтобы обеспечить возможности для лучшего применения ресурсов, а нежизнеспособные предприятия должны уйти с рынка;

- *внедрение корректирующих механизмов, сопровождаемых мерами по смягчению социальных, бюджетных и финансовых последствий.* Необходимо внедрить механизмы, которые: 1) способствуют упорядоченному и поэтапному перераспределению ресурсов от неэффективных, нежизнеспособных и нестратегических госпредприятий; 2) позволяют смягчить социальную, финансовую и бюджетную нагрузку, непосредственно создаваемую неэффективным функционированием госпредприятий. Этой задаче служат соответствующие изменения в системе социальной защиты и поддержке временно безработных.

Заключение

Повышение эффективности госпредприятий служит целям поддержания макроэкономической стабильности и минимизации рисков для государственного бюджета и финансовой системы. Опыт других стран, осуществивших меры по минимизации «токсичности», генерируемой неэффективным госсектором, в особенности стран Юго-Восточной Азии, преодолевавших последствия кризиса 1997–1998 гг., указывает на: 1) необходимость приверженности реализации четко обозначенных целей реструктуризации; 2) создание работающей экосистемы, в особенности в отсутствие эффективных рыночных механизмов (включая фондовый рынок, рынок «проблемных» долгов). Важнейшей задачей является постепенное, но последовательное ужесточение бюджетных ограничений и смена целей и задач, которые ставятся перед предприятиями в рамках реформы корпоративного управления. Все эти перемены должны сопровождаться усилением системы социальной защиты в направлении смягчения возможных социальных последствий реформирования сектора госпредприятий.

* * *

Материал поступил 26.03.2020.

Библиографический список:

1. Минфин: новая реструктуризация долгов госпредприятий не создает рисков для бюджета [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/minfin-novaja-restrukturizatsija-dolgov-gospredpriyatij-ne-sozdaet-riskov-dlja-bjudzheta-371157-2019/>. – Дата доступа: 29.11.2019.
2. Социально-экономическое положение Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_13080/. – Дата доступа: 01.03.2020.
3. Jomo, K.S. *Malaysian 'Bail Outs'? Capital Controls, Restructuring and Recovery* / K.S. Jomo, Chin Kok Fay, Wong Sook Chin // NUS Press. – Singapore. – 2005.
4. *Systematic Country Belarus – Systematic Country Diagnostic: towards a competitive, inclusive and dynamic Belarus* [Electronic resource] // World Bank, 2018. – Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/602921520877070059/Belarus-Systematic-Country-Diagnostic-towards-a-competitive-inclusive-and-dynamic-Belarus>. – Date of access: 13.02.2020.

How SOE sector can be turned into the source of growth

Kiryl HAIDUK, Senior Economist, The World Bank, Belarus Country Office, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: khaiduk@worldbank.org.

Abstract. *The article proposes a number of measures to reform the sector of state enterprises in the Republic of Belarus. The size of the sector and the problems accumulated therein affect macroeconomic and financial indicators, as well as balance in the external sector. Steps are required not only in financial, but also (which is much more important in the context of Belarus) operational restructuring of state enterprises in order to minimize fiscal risks and increase efficiency in the sector of state enterprises.*

Keywords: *state-owned enterprises; restructuring; financial stability; economic growth.*

Система социальной защиты в Беларуси: взгляд в будущее

Нитин УМАПАТИ

УДК 364, 369

Ключевые слова:
социальная защита; государственная адресная социальная помощь; бедность.

Всемирный банк, экономист,
PhD in Economics, США, г. Вашингтон,
e-mail: numapathi@worldbank.org

Беларусь добилась значительных успехов в сокращении бедности, снизив уровень бедности с 32% в 2003 г. до менее 1% в 2013 г. Это произошло частично благодаря предоставлению постоянной государственной поддержке государственным предприятиям, обеспечивающим косвенные меры социальной защиты, такие как гарантированные рабочие места, пенсии и ценовой контроль. При этом экономический спад 2015 г. выявил структурные недостатки, присущие белорусской модели экономического развития и благосостояния, а широкое использование государственного сектора в качестве ключевого источника социальной защиты потеряло свою эффективность [1].

Рост доходов домашних хозяйств остановился, а доля населения страны, живущего за национальной чертой бедности¹, увеличилась с 4,8% в 2014 г. до 5,6% в 2018 г., несмотря на некоторое восстановление экономического роста. Опора Беларуси на государственный сектор позволила стране отложить проведение реформ по реструктуризации и повышению эффективности экономики. Однако опыт показывает, что кредитование государственного сектора является менее эффективным способом стимулирования экономики, а без поддержки эффективной системы социальной защиты предприятиям государственного сектора, несущим все бремя социального обеспечения, будет сложно конкурировать на рынке. Экономический спад выявил ограничения такого подхода. Бюджетные расходы на субсидии государственным предприятиям достигли неприемлемо высокого уровня, составив более 4% ВВП [2]. Хотя эти субсидии неявно достигают определенных целей перераспределения, таких как трудоустройство населения, они сопряжены со значительными издержками в плане бюджетных расходов и эффективности. Так, в период с 2012 г. по 2016 г. государственный и гарантированный государством долг как доля ВВП вырос примерно на 17 процентных пунктов, составив около 48% ВВП в 2016 г., но совокупная факторная производительность оставалась отрицательной с 2011 г.

Текущая система социальной помощи в Беларуси не является эффективной системой социальной защиты и буфером для экономических шоков². Об этом свидетельствует повышение уровня бедности после экономического спада 2015 г., а увеличение доли домохозяйств, уязвимых к этому риску, говорит о резком снижении располагаемых доходов домохозяйств после рецессии. Сельские районы приняли на себя главный удар кризиса: в 2016 г. доля бедного населения в сельской местности увеличилась на 24%³, а на национальном уровне около 12% домохозяйств стали более уязвимыми к риску бедности. Все эти риски могут существенно обостриться в условиях неблагоприятных факторов глобального характера, включая такой как COVID-19.

Характеристики текущей системы социальной помощи в Беларуси

Социальная защита – это общий термин, который включает в себя социальную помощь и социальное страхование, причем к последнему относятся пенсии и пособия по безработице. Общий объем ресурсов, выделяемых на социальную защиту, составляет около 15% ВВП, но более трех четвертей этого бюджета отводится на выплату пенсий. Расходы на социальную помощь составляют около 2,5% ВВП, что является низким показателем по сравнению со странами ОЭСР, где

¹ Определяется как доля населения, уровень доходов которого ниже бюджета прожиточного минимума. В оценке используется уровень национальной черты бедности и национального прожиточного минимума в 2016 г. в размере 164 бел. руб.

² Термины «прозрачные социальные защиты», «социальные трансферты» и «социальная помощь» часто используются взаимозаменяемо и являются компонентом более крупных систем социальной защиты. Это меры, которые не основаны на уплате взносов и не предназначены для оказания регулярной и предсказуемой поддержки малоимущим и уязвимым группам населения. World Bank. 2018. The State of Social Safety Nets 2018. (Доклад «Положение дел с системами социальной защиты в 2018 году», Всемирный банк, 2018 г.).

³ На основе численности бедного населения при пороговом значении на уровне 10 долл. США в день по ППС.

Структура расходов на социальную помощь в Беларуси, 2017 г.

Примечание. Разработка автора на основе [3].

Рисунок 1

расходуется около 4–5% ВВП на социальную помощь. Хотя Беларусь выделяет значительную долю государственных ресурсов на социальную защиту, многие социально уязвимые группы остаются недостаточно защищенными из-за структуры расходов. Состав программ социальной помощи остается асимметричным, ограничивая эффективность и адаптивность существующей системы (рисунок 1). Так, на пособия семьям, имеющим детей, приходится около 70% всех расходов системы социальной защиты, при этом пособия по инвалидности и социальные пенсии являются второй и третьей по величине категорией расходов соответственно. Очень небольшая доля (3 процента) общих расходов на систему социальной защиты направляется на адресную помощь малообеспеченным гражданам.

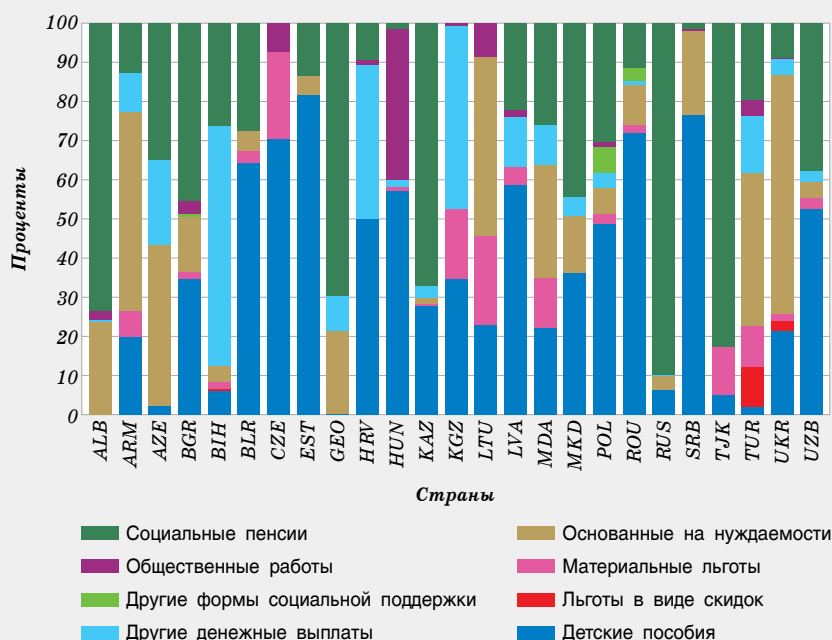
Представленная на рисунке 2 структура расходов на социальную помощь в разных странах Европы и Центральной Азии (далее – ЕЦА) демонстрирует значительную неоднородность в доле различных компонентов. Например, социальные пенсии имеют большой удельный вес в структуре расходов на систему социальной защиты в Албании, Грузии и России, а в Венгрии, Чехии и Сербии они имеют незначительный удельный вес. Аналогичным образом во многих

странах, включая Беларусь, доля расходов на программы, основанные на проверке нуждаемости, является очень низкой, в то время как в других странах на них выделяется значительный объем ресурсов. По сравнению с остальной частью региона Беларусь расходует значительную часть средств, выделяемых на социальную помощь, на пособия на детей. Хотя эти пособия являются важным источником дохода для семей с детьми, значительная доля малообеспеченных домохозяйств не имеет права на получение таких пособий. По показателю умеренной бедности, определенному на основе располагаемого дохода на душу населения, который ниже бюджета прожиточного минимума для одного члена семьи (для контрольной семьи из 4 человек, с 2 взрослыми и 2 детьми), около 19% и 21% бездетных домохозяйств относились к группе бедных в 2016 г. и 2017 г. соответственно [4]. Эти домохозяйства не могут получать пособия на детей, и для них не предусмотрены аналогичные альтернативные пособия, которые они могли бы получить. Эта ситуация могла бы быть решена за счет большего охвата пособиями, выплачиваемыми на основе проверки нуждаемости.

Пособия по безработице в Беларуси также очень низкие по международным стандартам. Хотя официальный уровень занятости в Беларуси в 2017 г. составил 67,2%, уровень безработицы был высоким – 5,6%, а уровень безработицы среди молодежи даже выше – более 15% [6]. Вместе с тем в стране предоставляется очень ограниченный объем помощи работникам в форме пособий по безработице. Расходы на пособия по безработице составляют ничтожно малую долю в размере 0,006% ВВП, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (0,68%) [7]. Тем не менее, согласно исследованию Всемирного банка в Беларуси, эти пособия являются эффективной мерой социальной защиты по их воздействию на бедность [2]. Это свидетельствует о том, что увеличение бюджетных ассигнований на этот вид пособий в сочетании с дополнительными мерами по повышению их эффективности принесет Беларуси высокую отдачу в долгосрочной перспективе.

Очень важно отметить, что в Беларуси также имеются крупные косвенные субсидии, такие как энергетические субсидии, которые имеют низкую адресность, но при этом на их долю приходится при-

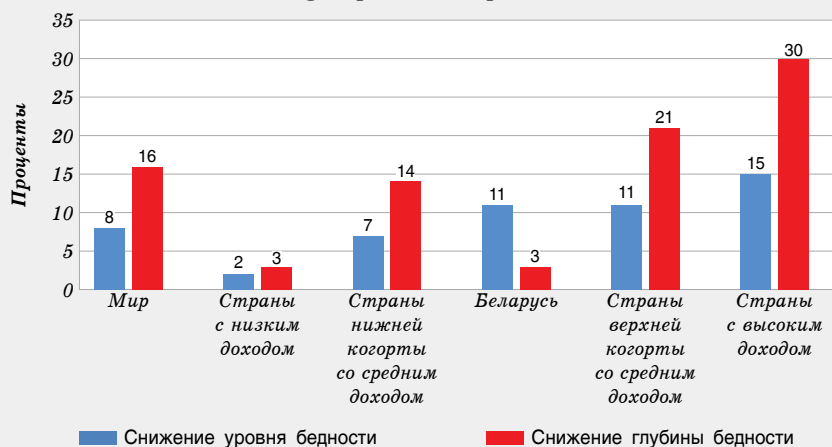
Структура расходов на социальную помощь в странах ЕЦА

Примечание. Разработка автора на основе [5].

Рисунок 2

Влияние социальной помощи на бедность, международные сравнения

Примечание. Составлено автором для Беларуси – на основе данных выборочного обследования домашних хозяйств в 2016 г.; для остальных стран – на основе доклада Всемирного банка [10].

Рисунок 3

альной помощи, чей доход упал бы ниже черты бедности, если бы они не получали пособия. В то же время многие малоимущие группы населения не получают пособия или же получаемые ими суммы пособий недостаточны для того, чтобы позволить им подняться над чертой бедности.

Наконец, важно отметить, что белорусская система социальной помощи охватывает значительную долю населения, но она недостаточно адресована малообеспеченным группам населения. Система социальной помощи охватывает около 54% населения Беларуси. Тем не менее, средства социальной помощи недостаточно эффективно распределяются в пользу малообеспеченных групп населения. На *рисунке 4* сравнивается эффективность адресной помощи в Беларуси с другими группами стран. Выявлено, что социальная помощь предоставляется менее 45% наименее обеспеченного квинтиля населения, что является весьма низким показателем по сравнению с большинством стран региона ЕЦА.

Направления модернизации системы социальной помощи

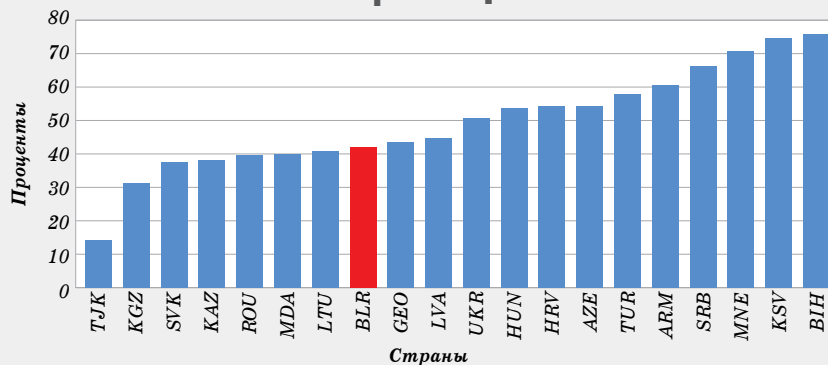
Для повышения экономической устойчивости необходимо оперативно переориентировать систему социальной помощи в сторону увеличения доли расходов на помощь малообеспеченным группам населения на основе

мерно 2% ВВП [8]. Необходимо срочно начать изменение текущей политики предоставления подобной универсальной помощи. Эти субсидии не являются экономически эффективными, поскольку они не адресуются группам с низким доходом (две верхние квинтильные группы наиболее обеспеченных домашних хозяйств получают больший объем помощи, чем две наименее обеспеченные квинтильные группы [9]), а также ввиду того, что они стимулируют неоптимальное использование энергетических ресурсов. Более целенаправленный подход к решению проблемы доступности пользования энергетическими услугами заключается в направлении субсидий социально уязвимым группам. Одним из способов достижения этой цели является использование реформированной программы безналичных жилищных субсидий (далее – БЖС), которая в настоящее время действует в Беларуси, но слишком мала (из-за очень ограничивающих условий предоставления) для того, чтобы служить адекватной системой социальной помощи для повышения доступности энергетических услуг.

Влияние трансфертов социальной помощи на снижение уровня бедности и неравенства зависит от ряда факторов, таких как ох-

ват программы, эффективность адресности и размер пособий. Как показано на *рисунке 3*, в мире сокращение относительной численности бедного населения за счет трансфертов социальной помощи в среднем составляет 8%, а в плане глубины бедности⁴ – 16%. В Беларуси социальная помощь способствует сокращению бедности примерно на 11% – также, как и в странах с уровнем доходов выше среднего. При этом сокращение глубины бедности намного ниже и составляет 3%. Это говорит о наличии значительного числа получателей пособий соци-

Доля наименее обеспеченного квинтиля населения, получающего какой-либо вид социальной помощи, страны ЕЦА

Примечание. Разработка автора на основе [5].

Рисунок 4

⁴ Глубина бедности отражает, насколько доходы бедных домохозяйств ниже черты прожиточного минимума.

критериев нуждаемости. Это изменение в структуре расходов на социальную помощь должно быть направлено на достижение более сбалансированных результатов в плане размера пособий, числа охваченных лиц, прав на получение пособий, сокращения бедности и бюджетных расходов. Предлагаемая мера также создаст более адаптивную систему социальной помощи для преодоления будущих экономических шоков, которая может автоматически расширять и сокращать свой охват в соответствии с экономическим циклом.

Эффективная система социальной помощи является ключом к обеспечению социальной стабильности, экономической устойчивости и роста. Переориентирование системы позволит Правительству оказывать помощь малообеспеченным домохозяйствам на основе других средств, помимо гарантированных рабочих мест. Это высвободит ресурсы для развития активного частного сектора, который возьмет на себя задачу быстрого роста занятости и увеличения налоговых поступлений.

Система, которая обеспечивает комплексный подход к сокращению бедности домохозяйств, должна содержать индивидуальный пакет мер поддержки, состоящий из денежных средств, рынка труда и социальных услуг. Этот подход предназначен для более оперативного и устойчивого сокращения бедности. Для фискальной и политической устойчивости необходимо, чтобы адресная финансовая помощь, обеспечивающая немедленное сокращение бедности, сочеталась с мерами по активному вовлечению в занятость и индивидуальной помощью в натуральной форме для социальной интеграции, необходимой для сокращения бедности в долгосрочной перспективе.

В Беларуси есть две программы, связанные с доходами домохозяйств, которые обеспечивают подходящую основу для подобного изменения системы. Программы государственной адресной социальной помощи (ГАСП) и безналичных жилищных субсидий (БЖС) являются естественными строительными блоками для укрепления системы социальной

защиты. Однако в настоящее время они слишком малы, чтобы обеспечить эффективное воздействие на бедность или защиту домохозяйств от будущих экономических шоков.

Программа ГАСП представляет собой отличную отправную точку для разработки более комплексного подхода. ГАСП потенциально может стать флагманской комплексной программой социальной помощи и справедливым решением проблемы бедности и ее структурных причин. Для достижения этой цели необходимо расширить охват ежемесячного социального пособия программы ГАСП, чтобы его получала большая часть малоимущих домохозяйств. Кроме того, необходимо увеличить размер помощи, одновременно установив условия участия в трудовой деятельности для тех, кто может работать, и определив социальные услуги для выполнения получателями пособия как часть их взаимной ответственности. Тем не менее в настоящее время ГАСП охватывает 3% малообеспеченного населения, получающего социальную помощь, что незначительно с точки зрения расходов в процентах от ВВП. Для сравнения, в ЕС расходуется почти 1% ВВП на денежные пособия, выдаваемые на основе проверки критериев нуждаемости [11].

В плане общей системы также необходимо пересмотреть состав, структуру и эффективность программ социальной помощи. Пособия на ребенка, программы помощи в натуральной форме и категориальные пособия, выдаваемые определенным группам граждан (таким как ветераны), преобладают в расходах на социальную помощь, в то время как программы денежной помощи на основе критериев нуждаемости слишком малы, чтобы приносить эффект на национальном уровне. В дальнейшем необходимо перейти к современной системе *прямой* социальной помощи с большим упором на программы помощи малоимущим на основе критериев нуждаемости и ее интеграцию с мерами по обеспечению активного участия на рынке труда.

В соответствии с предлагаемым подходом увеличенное денежное пособие, которое должно предоставляться большей доле

малоимущего населения, должно сочетаться с мерами по систематическому выходу семей из нищеты. Такая система стимулирования трудовой деятельности («от социального обеспечения к трудовой деятельности») будет основана на более сильных поведенческих стимулах для минимизации зависимости от социальных пособий и создания условий, способствующих активизации трудовой деятельности, а также для предоставления социальных услуг уязвимым категориям населения, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах. Усовершенствованная версия ГАСП может стать ключевым государственным инструментом для борьбы с бедностью в долгосрочной перспективе, обеспечивая при этом устойчивость домашних хозяйств к будущим экономическим шокам и повышение эффективности экономики.

Необходимо принять более сбалансированный подход к обеспечению доступности пользования энергетическими услугами путем изменения программы БЖС в целях обеспечения более широкого охвата уязвимого населения и прогрессивной схемы предоставления поддержки. Более эффективная структура БЖС позволит значительно увеличить охват домохозяйств с низкими доходами, снизить уровень энергетической бедности и долю расходов домохозяйств на энергетические нужды. Моделирование распределительных и фискальных воздействий показывает, что новая формула расчета размеров БЖС может обеспечить более широкий охват и снижение нагрузки по оплате коммунальных услуг для домохозяйств с низким доходом. Охват увеличивается в семь раз, а доля расходов на коммунальные услуги снижается в среднем на 2 процентных пункта: с 11 до 9% дохода домохозяйства. В этих целях потребуются увеличить объем расходов на БЖС в 9 раз, хотя и с очень низкого уровня, составляющего примерно 0,01% ВВП.

Общая доля расходов на все предлагаемые меры помощи на основе проверки нуждаемости увеличится примерно до 0,6% ВВП (по сравнению с 0,02% ВВП в 2017 г.), или примерно до 20% от общего объема расходов на со-

циальную помощь. Доля дополнительных расходов по расширению программ помощи малообеспеченным домохозяйствам на основе критериев нуждаемости является низкой относительно общих расходов на социальную помощь в Беларуси и по сравнению с другими странами региона. В среднем страны ОЭСР расходуют примерно 4,4% ВВП на программы соци-

альной помощи, не основанные на уплате взносов, а расходы на программы помощи малообеспеченным группам населения на основе критериев нуждаемости в странах ОЭСР колеблются от 0,3% (Чешская Республика) до 5% (Исландия) ВВП [12]. Кроме того, доля дополнительных расходов является относительно низкой по сравнению с другими формами

неэффективных государственных субсидий, такими как доступные для всех энергетические субсидии в виде более низких тарифов (например, общая стоимость энергетических субсидий была оценена приблизительно в 1–2% ВВП [2] в 2017 г.).

* * *

Материал поступил 23.03.2020.

Библиографический список:

1. *Systematic Country Diagnostic: Towards a Competitive, Inclusive and Dynamic Belarus* [Electronic resource] // World Bank, 2017. – Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/602921520877070059/Belarus-Systematic-Country-Diagnostic-towards-a-competitive-inclusive-and-dynamic-Belarus>. – Date of access: 13.03.2020.
2. *Bornukova, K. Fiscal Incidence in Belarus – A Commitment to Equity Analysis* / K. Bornukova, G. Shymanovich, A. Chubrik // World Bank, 2017. – Table 14. – (Policy Research Working Paper).
3. *Национальный статистический комитет Республики Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 01.03.2020.
4. *Poverty, Vulnerability, and Household Coping Strategies during the 2015–16 Recession in Belarus* / K. Bornukova [et al.]. – The World Bank, 2019.
5. *Social Protection Expenditure and Evaluation Database for Europe and Central Asia* [Database]. – Washington, DC: World Bank, 2019.
6. *International Labor Organization* [Electronic resource] // ILOSTAT, 2018. – Mode of access: <https://ilostat.ilo.org/>. – Date of access: 13.03.2020.
7. *Public unemployment spending (indicator)* [Electronic resource] // OECD, 2019. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/55557fd4-en>. – Date of access: 13.02.2020.
8. *Study of Belarus tariffs. Energy GP* [Electronic resource] // World Bank, 2018. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/country/belarus>. – Date of access: 13.03.2020.
9. *Zhang, F. Belarus Heat Tariff Reform and Social Impact Mitigation* / F. Zhang, D. Hankinson // The World Bank, 2015.
10. *The State of Social Safety Nets 2018* [Electronic resource] // World Bank, 2018. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/topic/socialprotectionandjobs/publication/the-state-of-social-safety-nets-2018>. – Date of access: 13.02.2020.
11. *EUROSTAT* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>. – Date of access: 13.02.2020.
12. *Social Expenditure Update* [Electronic resource] // OECD, 2014. – Mode of access: <http://www.oecd.org/els/soc/OECD2014-Social-Expenditure-Update-Nov2014-8pages.pdf>. – Date of access: 03.02.2020.

Social protection system in Belarus: perspective

Nithin UMAPATHI, World Bank, Economist, PhD in Economics, USA, Washington, D.C.,
e-mail: numapathi@worldbank.org.

Abstract. Belarus has made significant success in reducing poverty. However, today the use of the public sector as a key source of social protection is not sufficient. In the future, Belarus needs to go through transition to a modern system of direct social assistance based on the criteria of need and its integration with measures to ensure active participation in the labor market and with social services.

Keywords: social welfare system; state targeted social support; poverty.

Предпринимательская активность как детерминант экономического развития

Родион МОРОЗОВ

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, PhD в области бизнеса и экономики, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: marozau@beroc.by

Предпринимательская активность и экономический рост

В рамках теории эндогенного роста изменения в объеме выпуска продукции, которые не вызваны затратами труда и капитала, зависят от множества факторов, многие из которых с трудом поддаются измерению. Например, Всемирный экономический форум выделяет и оценивает 12 основополагающих факторов: институты; инфраструктура; внедрение информационно-коммуникационных технологий; макроэкономическая стабильность; здравоохранение; квалификация; рынок про-

УДК 338.242.2

Ключевые слова:

предпринимательство; экономический рост; совокупная факторная производительность; институциональные факторы; поддержка предпринимательства; инновации.

дукции; рынок труда; финансовая система; размер рынка; динамизм бизнеса; инновационный потенциал [1]. При этом очевидно, что предпринимательство и развитие частного сектора в значительной мере определяют такие факторы, как внедрение ИКТ, динамизм бизнеса и инновационный потенциал. Нужно признать, что при исключительном внимании, уделяемом государствами развитию предпринимательства, тем не менее у экономической науки недостаточно свидетельств влияния предпринимательства на экономический рост в долгосрочном периоде [2].

В то же время установленное влияние исследований и разработок на долгосрочный экономический рост [3] подвергалось критике со стороны ряда экономистов, которые утверждают, что не технологии или знания сами по себе определяют совокупную факторную производительность, а основанные на них инновации. Было доказано, что результаты исследований и разработок конвертируются в инновации в том числе посредством предпринимательской активности [4]. В этой связи сформировалась концепция предпринимательского капитала (способности экономических агентов создавать бизнес), который выступает каналом для спилловера (перетока) знаний и технологий, стимулируя конкуренцию и обеспечивая разнообразие среди предприятий [5].

Однако влияние предпринимательской активности на экономический рост не является безусловным. Так, на основании

результатов ежегодного глобального мониторинга предпринимательства Global Entrepreneurship Monitor (далее – GEM) Вонг и другие [6] продемонстрировали, что только предпринимательская деятельность с высоким потенциалом роста является фактором, который положительно влияет на темпы экономического развития в разных странах. Кроме того, Ван Стель и другие [7] обнаружили, что это влияние значимо только в развитых странах на стадии роста за счет инноваций. В таких странах способность производить для рынка продукты и услуги, находящиеся на острие инноваций, при помощи самых современных методов является фактором, определяющим конкурентное преимущество и движущим экономический рост [8].

Предпринимательская активность и создание предприятий в странах с низким уровнем доходов, растущих за счет базовых факторов, зачастую обусловлено нехваткой хорошо оплачиваемой работы и приводит лишь к самозанятости владельцев бизнеса и членов их семей, а не к экономическому росту за счет инноваций [6].

Кроме того, исследование С. Веннекерса и Р. Турика [9] показало, что на определенных этапах развития экономики доля вовлеченных в предпринимательскую активность может снижаться. Это происходит, когда в результате укрупнения бизнеса, в том числе через слияние и поглощение, в экономике проявляется эффект масштаба, когда крупные предприятия становятся более

Ожидаемая связь уровня предпринимательской активности и экономического развития

Примечание. Разработка автора на основе [10].

Рисунок 1

Мадагаскара до Швейцарии. На основании данных GEM можно увидеть положительную связь разных видов предпринимательской активности с экономическим развитием (рисунки 2–4).

В странах, достигших стадии роста за счет инноваций и характеризующихся соответствующим развитием институтов, возможности для новых видов бизнеса появляются в отраслях и нишах, отличающихся высоким уровнем производительности. В этой связи технологическое предпринимательство в таких отраслях становится драйвером роста. На основе данных даже по 50 странам статистически значимая связь прослеживается как между долей предпринимателей, создающих инновационные продукты, и ВВП на душу населения (рисунки 2), так и долей предпринимателей, занятых в средне- и высокотехнологичных секторах, и ВВП на душу населения (рисунки 3).

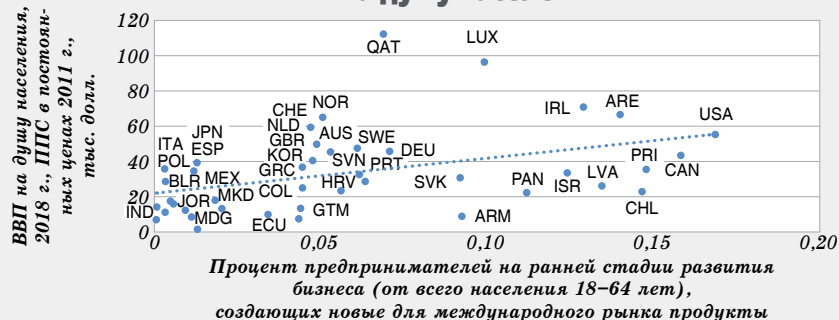
эффективными в связи со снижением стоимости единицы продукции при увеличении объемов ее производства (рисунки 1). Так, на стадии роста экономики за счет базовых факторов большой процент предпринимателей ведет свой бизнес лишь по причине отсутствия хорошо оплачиваемой работы. Такая категория получила определение «предприниматели в силу необходимости» [10]. С развитием экономики более эффективные фирмы создают серьезную конкуренцию таким предпринимателям, заставляя их или искать новую нишу, или становиться соискателями рабочих мест, которые создает средний и крупный бизнес. Затем распространение новых технологий и инновационных идей организации бизнеса (пример – платформенные бизнес-модели Amazon, AliExpress) минимизирует эффект масштаба и создает новые возможности для предпринимательства, что снова приводит к росту числа предпринимателей, но в данном случае – «предпринимателей в силу возможностей» [10].

Технологии и предпринимательство

Представленные аргументы свидетельствуют о том, что не всякая предпринимательская активность и не для всех этапов развития экономики может оказывать влияние на экономический рост. Более того, на стадии роста экономики за счет преимущественно базовых факторов, скорее, уровень развития определяет вовлеченность населения в предпринимательскую деятельность, а не наоборот.

Ввиду ограниченности соизмеримых наборов данных, позволяющих оценить и учесть различные виды предпринимательской активности при построении моделей экономического роста, чаще всего используются результаты GEM [11], которые отображают все стадии роста порядка 50 стран – от

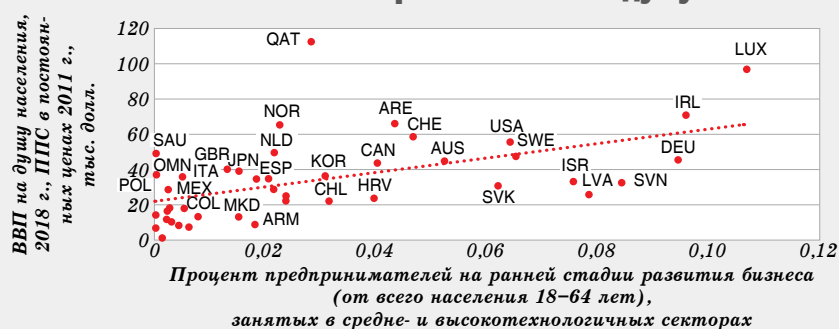
Связь инновационного предпринимательства и ВВП на душу населения

Примечание. Разработка автора на основе данных Global Entrepreneurship Monitor и [14].

Рисунок 2

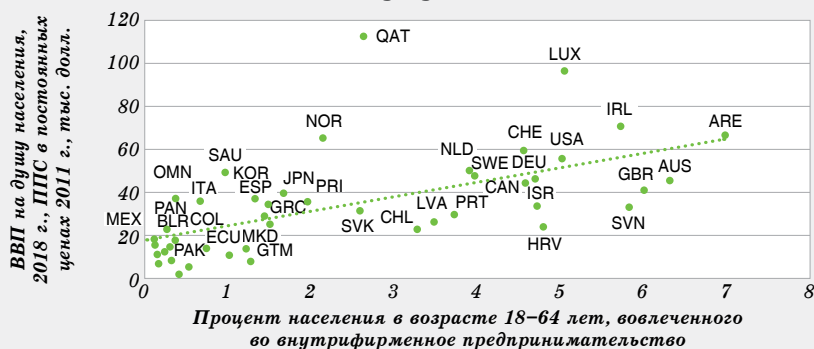
Связь предпринимательства в средне- и высокотехнологичных отраслях и ВВП на душу населения

Примечание. Разработка автора на основе данных Global Entrepreneurship Monitor и [14].

Рисунок 3

Связь внутрифирменного предпринимательства и ВВП на душу населения

Примечание. Разработка автора на основе данных Global Entrepreneurship Monitor и [14].

Рисунок 4

Проактивные растущие компании также могут создавать условия для развития предпринимательства своих сотрудников с целью использования появляющихся новых рыночных возможностей. Деятельность компании и ее сотрудников, направленная на создание новых бизнесов («спин-офф фирм») с выводом на рынок нового продукта, получила название внутрифирменное предпринимательство (intrapreneurship). Спин-оффы служат мощным стимулом для сотрудников к развитию предпринимательской инициативы и признаны важным фактором инновационного развития компаний и, как следствие, экономического роста, поскольку способствуют росту выручки и численности штата [12; 13] (рисунок 4).

На основании изложенного видится важным при разработке мер экономической политики учитывать структуру и «качество» предпринимательской активности, то есть, по сути, степень влияния различных видов этой активности на развитие экономики.

Институциональные факторы развития предпринимательства

Важнейшими факторами развития предпринимательства в стране являются институты, как формальные (нормативно-правовая среда), так и неформальные

(ценности, убеждения, нормы поведения). При этом, если государству под силу сравнительно быстро поменять законодательство, и стремительное движение вверх отдельных стран в рейтинге Doing Business тому подтверждение, то на изменение ценностных систем и паттерна поведения, в частности отношения населения к частной инициативе и реальному участию в предпринимательстве, могут потребоваться десятилетия. Кроме того, следует учитывать, что лучшие мировые практики поддержки предпринимательства могут не работать или оказать негативное влияние на рост в других странах из-за различий в институциональных условиях. В этой связи целенаправленное формирование системы ценностей, норм и компетенций должно служить фундаментом для внедрения формальных институтов. Однако развитие неформальных институтов (системы ценностей, модели поведения, культуры ведения бизнеса, уровня доверия) часто не заметно, трудно измеримо, не позволяет делать выводы об эффективности мер политики в краткосрочной перспективе и поэтому не получает должного внимания со стороны политиков. В такой ситуации возрастает роль экономической науки в усилении интереса к вопросу о необходимости изменения неформальных институтов, обосновании и объяснении общественности способов решения проблемы.

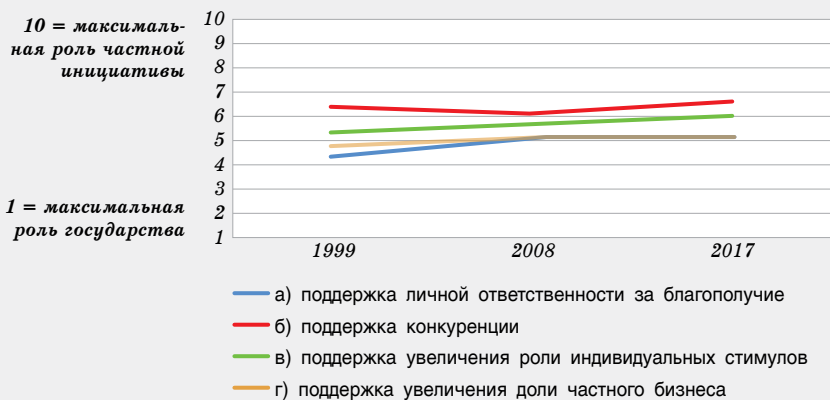
В странах с переходной экономикой задача формирования благоприятных для развития предпринимательства институтов стоит наиболее остро и с разной степенью успеха решается в течение последних 30 лет. Из результатов исследования ЕБРР следует, что именно недостаточная развитость институтов в таких странах сдерживает развитие инноваций и предпринимательства и, как следствие, негативно сказывается на совокупной факторной производительности, ограничивая скорость роста экономики. Страны с высоким уровнем дохода даже в большей степени стремятся стимулировать инновации и предпринимательство, так как такие факторы, как дешевая рабочая сила, эффект масштаба, импорт технологий, уже не являются для них определяющими [14].

Стоит отметить, что Беларусь движется в сторону все большего принятия ценностей рыночной экономики и предпринимательского общества. Как следствие, по данным исследования European Value Study, население по сравнению с 1999 г. уже более позитивно относится к частной инициативе и все меньше склонно полагаться на государство (рисунок 5). Декрет Президента Республики Беларусь № 7 «О развитии предпринимательства», Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», принятые изменения в Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» создают благоприятную среду для дальнейшего повышения роли частного бизнеса в экономике, поддержки инновационного предпринимательства. Как следствие, заметен прогресс страны в рейтинге Doing Business, что, однако, не позволяет достичь намеченных показателей по вкладу малого и среднего предпринимательства в занятость и ВВП. Предпринимательского бума в стране нет*.

Следовательно, необходимы дальнейшие системные усилия по созданию эффективных, прежде всего неформальных, институтов, для раскрытия потенциала белорусского предпринимательства.

* См.: <http://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/mmjasnikovich-potentsial-deputatov-mestnyx-sovetov-nado-umelo-ispolzovat-v-interesax-gosudarstva-13333-2019/>.

Отношение населения Беларуси к частной инициативе

Примечания: 1. Разработка автора на основе [16].
 2. Респондентам были представлены противоположные точки зрения по отношению к различным ситуациям и предлагалось расположить свои взгляды по шкале от 1 до 10:
 а) 1 – Прежде всего государство должно заботиться о своих гражданах; 10 – Прежде всего люди сами должны заботиться о себе (поддержка личной ответственности за благополучие);
 б) 1 – Конкуренция вредна, т. к. она выявляет в людях самые плохие качества; 10 – Конкуренция – это хорошо. Она стимулирует людей к тому, чтобы много работать и развивать новые идеи (поддержка конкуренции);
 в) 1 – Доходы должны быть сделаны более равными; 10 – Должны быть большие стимулы для приложения индивидуальных усилий (поддержка роли индивидуальных стимулов);
 г) 1 – Доля государственной собственности в бизнесе и промышленности должна быть значительно больше; 10 – Доля частной собственности в бизнесе и промышленности должна быть значительно больше (поддержка увеличения доли частного бизнеса).

Рисунок 5

Меры по развитию неформальных институтов для предпринимательства в Беларуси

Первоочередные меры, которые позволили бы сформировать необходимые неформальные институты для стимулирования предпринимательской активности, касаются изменения принципов и подходов к обучению.

1. В белорусском контексте ключевое значение для развития предпринимательства имеет система образования. Именно она призвана формировать ценностные установки, прежде всего среди молодежи. Доклад ОЭСР показал, что Беларусь имеет самый низкий показатель среди стран Восточного партнерства по уровню предпринимательских навыков и предпринимательского обучения [17]. В этой связи особую важность приобретает развитие так называемых «предпринимательских университетов» (университетов 3.0), которые можно определить как субъекты экономической и социальной систем, формирующие

благоприятную среду для предпринимательства сотрудников, студентов и выпускников, развивающие предпринимательскую культуру и положительное отношение к предпринимательской деятельности [18]. В наиболее развитых странах такие университеты являются ключевым источником ноу-хау и инноваций, способствуя развитию высокотехнологичных секторов.

В контексте Беларуси говорить о полноценном формировании таких учреждений пока преждевременно ввиду консервативности и недостаточной открытости системы образования. Однако уже сейчас при реализации мероприятий по стимулированию предпринимательской инициативы в учреждениях образования первоочередное внимание должно быть сфокусировано на формировании мотивации попробовать себя в этой сфере, а также «гибких» навыков (soft skills).

В соответствии с подходом к обучению предпринимательству A.S.K (Attitude, Skills, Knowledge) необходимыми для создания и ведения бизнеса знания целесообразно доносить молодым людям,

когда у них уже сформировано положительное отношение к предпринимательству и даже была возможность убедиться в недостатке компетенций на практике [19]. В этой связи наличие курсов по предпринимательству не всегда решает поставленную задачу. Более важно внедрять передовые методы и подходы, направленные на стимулирование инновационного и предпринимательского мышления («обучение через деятельность», «перевернутый класс», групповые проекты), в учебный процесс по всем дисциплинам. В то же время не стоит ожидать измеримого эффекта от подобных изменений (количество созданных бизнесов, доход от коммерциализации) в краткосрочном периоде и в институциональном контексте Беларуси, но важно воспринимать это как миссию учреждения образования.

2. Политика поддержки предпринимательства в Беларуси в большей степени фокусируется на мерах финансовой поддержки предпринимательства, а также на базовых нефинансовых инструментах, таких как информирование, обучение, консалтинг. При этом меры не вполне дифференцируются в зависимости от вида предпринимательской деятельности. Не получили достаточного развития более сложные и более актуальные для развития неформальных институтов инструменты, такие как стимулирование самоорганизации, установление взаимоотношений, обеспечение равного доступа. Примерами реализации таких инициатив являются: создание платформы для организации коллективных закупок субъектами малого и среднего предпринимательства; создание центра субконтрактации, где будет аккумулироваться информация об имеющихся заказах крупных производств, тогда как малые предприятия смогут консолидироваться и совместно выступать поставщиками и подрядчиками в крупных проектах и заказах. Подобные инициативы позволят не только повысить эффективность и конкурентоспособность отдельных предприятий и отраслей, но и будут способствовать повышению уровня доверия и сотрудничества в бизнесе и обществе.

* * *

Материал поступил 05.03.2020.

Бібліографічны спіс:

1. World Economic Forum [Electronic resource] / *The Global Competitiveness Report 2019*. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf. – Date of access: 01.12.2019.
2. Erken, H. Total factor productivity and the role of entrepreneurship / H. Erken, P. Donselaar, R. Thurik // *The Journal of Technology Transfer*. – 2018. – № 43 (6). – P. 1493–1521.
3. Guellec, D. From R&D to productivity growth: Do the institutional settings and the source of funds of R&D matter? / D. Guellec, B. Van Pottelsberghe de la Potterie // *Oxford bulletin of economics and statistics*. – 2004. – № 66 (3). – P. 353–378.
4. Audretsch, D.B. The entrepreneurial society / D.B. Audretsch // *The Journal of Technology Transfer*. – 2009. – 34 (3). – P. 245–254.
5. Audretsch, D.B. Entrepreneurship Capital and Economic Performance / D.B. Audretsch, M. Keilbach // *Regional Studies*. – 2004. – 38 (8). – P. 949–959.
6. Wong, P.K. Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data / P.K. Wong, Y.P. Ho, E. Autio // *Small business economics*. – 2005. – № 24 (3). – P. 335–350.
7. Van Stel, A. The effect of entrepreneurial activity on national economic growth / A. Van Stel, M. Carree, R. Thurik // *Small business economics*. – 2005. – № 24 (3). – P. 311–321.
8. *The Global Competitiveness Report 2004–2005: World Economic Forum* / A. Lopez-Claros, K. Schwab, M.E. Porter. – Geneva: Palgrave Macmillan, 2004.
9. Wennekers, S. Linking entrepreneurship and economic growth / S. Wennekers, R. Thurik // *Small business economics*. – 1999. – № 13 (1). – P. 27–56.
10. *Global Entrepreneurship Monitor Executive Report 2002* / P.D. Reynolds, W.D. Bygrave, E. Autio, L.W. Cox, M. Hay // Kauffman Center for Entrepreneurial Leadership at the Ewing Marion Kauffman Foundation. – Kansas City: MO, 2002.
11. Acs, Z.J. Entrepreneurship, economic development and institutions / Z.J. Acs, S. Desai, J. Hessels // *Small business economics*. – 2008. – № 31 (3). – P. 219–234.
12. Antoncic, B. Intrapreneurship: Construct refinement and cross-cultural validation / B. Antoncic, R. Hisrich // *Journal of Business Venturing*. – 2001. – № 16 (5). – P. 495–527.
13. Bosma, N. *Global Entrepreneurship Monitor 2018/2019 Global Report* / N. Bosma, D. Kelley // Global Entrepreneurship Research Association (GERA). – 2019.
14. International Comparison Program Database [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>. – Date of access: 20.01.2020.
15. *Transition Report 2019-20 Better Governance, Better Economies* [Electronic resource] // EBRD. – Mode of access: <https://www.ebrd.com/documents/occe/transition-report-201920-better-governance-better-economies.pdf>. – Date of access: 10.01.2020.
16. European Value Study [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/SDesc2.asp?ll=10¬abs=1&af=&nf=&search=&search2=&db=E&no=7500>. – Date of access: 10.01.2020.
17. *SME Policy Index: Eastern Partner Countries 2016: Assessing the Implementation of the Small Business Act for Europe, SME Policy Index* [Electronic resource] // OECD Publishing, Paris. – Mode of access: <https://doi.org/10.1787/9789264246249-en>. – Date of access: 10.01.2020.
18. Морозов, Р.И. Предпринимательские университеты и их роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны и регионов / Р.И. Морозов, В.В. Апанасович // *Образование в интересах устойчивого развития в Беларуси: теория и практика* / Редкол.: А.И. Жук (гл. ред.), Н.Н. Кошель (зам. гл. ред.), С.Б. Савелова (зам. гл. ред.). – Минск: В.И.З.А.ГРУПП, 2015. – С. 429–440.
19. Vinke, J. Gyroscopic management and generation Y / J. Vinke, O. Loredana, B. Nicolae // *Annals of the University of Oradea, Economic Science Series*. – 2012. – № 21 (2). – P. 750–755.

Entrepreneurial activities as a determinant of economic development

Radzivon MAROZAU, BEROC Economic Research Center, Research Fellow, PhD in Business and Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: marozau@beroc.by.

Abstract. *The impact of entrepreneurial activity on economic growth is not unconditional. At the same time, it is impossible to explain how technology or knowledge can determine total factor productivity without taking into account the role of entrepreneurial activity in innovation. The article examines the relationship between different types of entrepreneurial activity and economic development, as well as factors that determine the role of entrepreneurship in the economy. The author emphasizes that in addition to formal institutional factors, such as legislation, informal factors are important for the development of the private sector – norms and values in society, which are formed, among other things, in the education system and within the framework of state policy to support entrepreneurship.*

Keywords: *entrepreneurship; the economic growth; total factor productivity; institutional factors; entrepreneurship support; innovation.*

Инновации и предпринимательская активность

Мария АКУЛОВА

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: akulava@beroc.by

УДК 338.23

Ключевые слова:
инновационность; НИОКР; предпринимательство; малый и средний бизнес; партнерство; сектор высшего образования.

разработки (далее – НИОКР) на уровне 2,5% ВВП, при этом как минимум 1% расходов должен идти из государственных источников.

К сожалению, отсутствие Беларуси в ряде глобальных индексов (в частности, в Глобальном индексе конкурентоспособности) не позволяет в полной мере провести анализ того, насколько серьезен уровень отставания инновационного развития Беларуси от других стран с переходной экономикой, а также развитого мира. Однако даже доступная информация свидетельствует о том, что Беларуси жизненно важно предпринимать меры по улучшению ситуации, связанной с инновационностью экономики.

Инновационное развитие Беларуси

В Беларуси в 2018 г., по официальным данным, средние

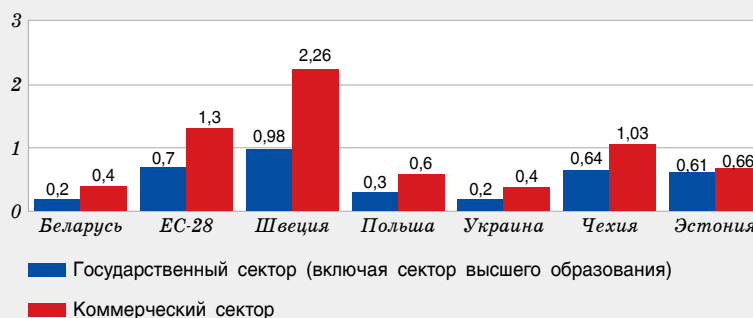
расходы на НИОКР находились на уровне 0,61% ВВП. При этом 0,42% от ВВП пришлось на коммерческий сектор, а 0,19% – на государственный (включая сектор высшего образования).

В вопросе финансирования инновационной деятельности Беларусь отстает от других стран (рисунок), в которых именно бизнес служит источником роста и развития науки. В связи с этим необходимо сфокусироваться на формировании условий для более активного участия частного сектора в формировании и поддержке странового научного потенциала.

Если смотреть на отдельные индикаторы инновационного развития, то картина не меняется (таблица 1). Процент компаний в Беларуси, отчитавшихся о внедрении продуктовых или процессных инноваций и в целом об осуществлении внутренних инноваций,

На сегодняшний день поддержка инновационного и технологического развития является основным фактором обеспечения не только устойчивого развития экономики, но и экономического роста. Согласно разным оценкам, инновационная составляющая объясняет порядка 75% роста, наблюдаемого в экономиках [1; 2]. Программа социально-экономического развития (ПСЭР)¹ на 2016–2020 годы, а также Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР)² до 2030 года выделяют в своих целях существенное повышение наукоёмкости ВВП Беларуси. В плане на 2020 г. заявлено увеличение расходов на научные исследования и опытно-конструкторские

Доля расходов на НИОКР в ВВП по странам

Источник: [3].

Рисунок

¹ http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf.

² <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.

Таблица 1

Отдельные показатели результатов инновационной деятельности сектора МСП по странам в 2018 г.

МСП-инноваторы	Беларусь	ЕС-28	Швеция	Польша	Украина	Эстония
Внедряющие продуктовые или процессные инновации в общем числе МСП, %	–	30,9	40,4	13,3	7,4	17,4
Осуществляющие внутренние инновации, %	4,0	28,8	35,1	8,3	18,7	15,8
Участвующие в совместных инновационных проектах, %	0,4	11,2	13,5	3,5	1,5	10,8

Источник: [3].

в разы меньше, чем в среднем по ЕС и в бывших социалистических странах. Отдельно стоит отметить практически отсутствие (0,4%) совместных инновационных проектов, что служит сигналом крайне низкого уровня взаимодействия и доверия, а также необходимости формирования института партнерства между организациями, между частным и государственным сектором и в обществе в целом.

Вклад сектора высшего образования в инновационное развитие

Во всем мире университеты играют одну из основных ролей в генерации новых идей и знаний, которые в дальнейшем используются предпринимателями, функционирующими в данном регионе [4]. Причина этого в том, что исследовательские центры, лаборатории, группы, функционирующие при университетах, нацелены не только на аккумуляцию актуальных знаний, но и извлечение коммерческой выгоды из них [5; 6]. В мировой практике способность коммерциализации исследований оказывает прямое влияние на возможность привлечения финансирования учреждением образования как со стороны государства, так и со стороны бизнеса и негосударственных фондов [7]. Кроме того,

качество научных исследований и разработок является прямым индикатором уровня образования, предлагаемого университетом, тем самым повышая его привлекательность на мировом рынке образования. В частности, при составлении одного из ведущих мировых рейтингов оценки университетов Times Higher Education (THE)³ очень большой вес отдается научному потенциалу университетов (62,5%). В частности, 30% рейтинга определяется качеством исследований

(мировая репутация, доходы от произведенных исследований и их эффективность), 2,5% составляет трансфер знаний и технологий. Дополнительные 30% формирует общая цитируемость научных публикаций в мире.

Для Беларуси повышение инновационной активности учреждений высшего образования и их вклада в инновационное развитие страны является серьезным вызовом [8]. При этом важно отметить, что в начале 90-х гг. научно-исследовательская деятельность белорусских университетов дала начало многим активно развивающимся белорусским предприятиям, так называемым «скрытым чемпионам». Однако с тех пор коммерческий потенциал учреждений образования значительно снизился.

На сектор высшего образования приходится лишь 9,6% от всех расходов, идущих на НИОКР, и 10,6% работников научной сферы, тогда как на государственные научные учреждения – 21,6% расходов и 26,0% занятых (таблица 2). Такое распределение идет вразрез с картиной, наблюдаемой в странах с более высокими показателями инновационного развития, где как раз университеты и коммерческие организации, а не государственный сектор, играют активную роль в научной деятельности.

Таблица 2

Вклад сектора высшего образования и государственного сектора в НИОКР по странам в 2018 г.

	Сектор высшего образования		Государственный сектор	
	Доля в общих расходах (%)	Доля в общей занятости (%)	Доля в общих расходах (%)	Доля в общей занятости (%)
Беларусь	9,6	11,1	21,6	26,0
Россия	9	11,7	30,4	36,2
ЕС-28	22,1	47,8	11,2	9,1
Польша	32,9	59,2	2,3	3,1
Швеция	25,4	41,0	3,6	12,5
Чехия	21,2	41,8	9	17,7
Эстония	45	59,8	11,4	8,7
Германия	17,3	44,8	13,4	10,2
Южная Корея	8,5	21,3	10,7	6,2
Япония	12	35,4	7,8	3,7

Источник: [9] и Eurostat⁴.

³ <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology-world-university-rankings-2018>.

⁴ <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>; https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rd_p_persocc&lang=en.

Налоговые/финансовые стимулы и льготы

Существует набор разносторонних мер по стимулированию инновационного развития экономики. В частности, одними из наиболее эффективных и широко применяемых в мире (Китай, Польша, Канада, Корея) являются различные налоговые стимулы.

Налоговые стимулы, нацеленные на развитие НИОКР и стартапов, можно разделить на несколько видов, эффективность использования которых зависит от преследуемых целей:

- инструменты, воздействующие на размер подоходного налога и социального налога (отчислений в фонд социальной защиты населения);
- инструменты, воздействующие на размер налога на прибыль.

Использование стимулов, нацеленных на понижение подоходного либо социального налога, целесообразно при необходимости привлечения в страну квалифицированной рабочей силы. Механизм формирования благоприятных налоговых стимулов включает в себя 4 различных инструмента воздействия на уровень выплат подоходного налога и социальных отчислений, и каждая страна выбирает для себя наиболее приемлемый. Это может быть снижение ставки подоходного налога для исследователей и научных сотрудников, снижение уровня социального налога, фиксирование верхнего уровня социальных отчислений, а также установка потолка выплат социального налога для научных работников – экспатов [10]. Если говорить о втором инструменте, то его чаще используют при необходимости увеличить объем инвестиций в НИОКР.

Если говорить о примерах, то Канада предоставляет налоговый кредит для крупных бизнесов (20%) и для МСБ (35%), если компания занимается какими-то научными разработками. По сути это означает, что 20–35% затрат на НИОКР возвращается бизнесу. Китай предоставляет налоговые льготы (снижение налоговой ставки на прибыль до 0–12,5%) для компаний, которые инвестируют как минимум 3–6% своей выручки в НИОКР, а также в случае, если 60% выручки получено от

интеллектуальной собственности компании. В дополнение к этому компании, занимающиеся НИОКР, могут запрашивать налоговый вычет, который может достигать 150% затрат на НИОКР. Такое же 150% покрытие расходов предоставляется в Польше и Словакии. Кроме этого, польский МСБ может получить так называемый инновационный ваучер на сумму до 1,6 млн. долл. США на внедрение собственной либо совместной инновационной разработки.

Развитие партнерства между научной и предпринимательской средой

Отдельно стоит выделить необходимость развития партнерства между бизнесом и наукой, в частности сектором высшего образования. Опыт США, который переняли другие страны (Германия, Франция, Великобритания, Финляндия и пр.) в этом вопросе, является наилучшим примером. Закон Бэя – Доула, принятый в 1980 г., позволил США стать мировым лидером в сфере инноваций. Этот Закон предоставил возможность университетам, различным некоммерческим организациям стать собственниками разработок, произведенных за счет средств федерального бюджета, и получать доход от патентов и лицензий, а также создавать инновационные предприятия. Это сформировало стимулы для сектора высшего образования напрямую контактировать с частным сектором, коммерциализировать разработки, проводить совместные исследования. Как итог, доля патентов университетов выросла с 0,3% в 1963 г. до 4% в 1999 г. [11]. Это привело к росту университетов и исследовательских центров, занимающихся коммерческими разработками и трансфером технологий. Закон позволил университетам стать более независимыми в вопросах стратегического развития, финансирования, развития партнерства, тем самым повысив их заинтересованность в том, чтобы научные разработки были не просто ради науки, а приносили пользу и имели смысл для предприятий и общества [12].

Несмотря на определенный прогресс Беларуси в сфере регулирования коммерциализации результа-

тов научной и научно-технической деятельности, учреждения высшего образования по-прежнему далеки от стабильного взаимодействия с бизнесом и глубокого понимания рынка в процессе трансфера и коммерциализации исследований и разработок.

Изменения в миграционной политике по отношению к иностранным ученым

Уровень инновационности и технологичности находится в прямой зависимости не только от расходов на НИОКР, но и качества человеческого капитала [13]. На сегодняшний день для повышения наукоемкости ВВП Беларуси необходимо повысить качество STEM-направлений образования. Последний рейтинг PISA (2019) показал, что белорусские школьники находятся на 38-й позиции по уровню математических знаний не только по сравнению со странами с высоким инновационным потенциалом, но и со странами-соседями (Китай – 1, Эстония – 8, Польша – 10, Швеция – 17). В связи с этим необходимо принимать меры по повышению качества как школьного, так и университетского образования, а также подумать о стимулировании притока STEM-специалистов и представителей науки из других стран.

Таким путем пошла Франция, которая в 2019 г. ввела так называемую «хай-тек визу», дающую право жить и работать в стране при условии наличия инновационной идеи либо намерений работать в каком-либо высокотехнологичном проекте. Тайвань также вплотную занимается этим вопросом. Начиная с 2015 г. в стране функционирует программа для представителей науки и высококвалифицированных специалистов, нацеленная на облегчение для них иммиграционного процесса, а также создание благоприятного налогового режима.

Основные выводы

1. Для достижения устойчивого роста необходимо принимать меры по повышению роли частного сектора, и особенно по развитию инновационного предпринимательства, посредством

которого научно-технический потенциал может конвертироваться в инновации.

2. Повышение уровня доверия между всеми заинтересованными сторонами, а также их автономии и инициативности в принятии решений является первостепенной задачей. От этого зависит успешность дальнейшей реализации всех инструментов по стимулированию инновационного развития.

3. Формирование необходимых объектов национальной и региональной инновационной инфраструктуры определяет степень развития инновационного предпринимательства. В частности, это включает в себя развитие технопарков, центров

трансфера технологий, центров промышленного дизайна, экспериментальной деятельности и прототипирования.

4. На нынешнем этапе социально-экономического развития Беларуси целесообразно также рассматривать такие меры по развитию инновационного предпринимательства, как налоговые (финансовые) стимулы и льготы, развитие национального и регионального венчурного финансирования. Важно содействовать развитию партнерства между научной, образовательной и предпринимательской средой, а также повышению заинтересованности представителей науки в степени коммерциализации разработок

путем предоставления им прав собственности на результаты научного труда. Кроме того, необходимо обеспечить автономию и гибкость исследовательской работе, потому что бремя ответственности за негативный исход результатов НИОКР и отсутствие права на риск создают отрицательную мотивацию для развития науки. В дополнение следует отметить важность формирования политики привлечения иностранных ученых, предпринимателей, в том числе экспатов, путем предоставления им различных налоговых стимулов и льгот.

* * *

Материал поступил 02.03.2020.

Библиографический список:

1. *The changing face of innovation / World Intellectual Property Report, 2011.* – 186 p.
2. *The Global Competitiveness Report 2014–2015 / World Economic Forum, 2014.* – 565 p.
3. *Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2018 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь.* – Минск: Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2018. – 134 с.
4. *Bramwell, A. Universities and regional economic development: The entrepreneurial University of Waterloo / A. Bramwell, D.A. Wolfe // Research policy.* – 2008. – № 37. – P. 1175–1187.
5. *Urbano, D. Entrepreneurial universities: Socioeconomic impacts of academic entrepreneurship in a European region / D. Urbano, M. Guerrero // Economic development quarterly.* – 2008. – № 27. – P. 40–55.
6. *Simha, O. The economic impact of eight research universities on the Boston region / O. Simha // Tertiary Education and Management.* – 2005. – № 11. – P. 269–278.
7. *Hazelkorn, E. Learning to Live with Leagues Tables and Ranking: The Experience of Institutional Leaders / E. Hazelkorn // Higher Education Policy.* – 2008. – № 21. – P. 193–216.
8. *Marozau, R. Conditioning factors of knowledge transfer and commercialisation in the context of post-socialist economies: the case of Belarusian higher education institutions / R. Marozau, M. Guerrero // International Journal of Entrepreneurship and Small Business.* – 2016. – № 27. – P. 441–462.
9. *О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году / Национальный статистический комитет Республики Беларусь.* – Минск: Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2019. – 116 с.
10. *Staehr, K. An analysis of tax incentives to promote research and development in Estonia / K. Staehr // KPMG Baltics AS, Praxis Center for Policy Studies.* – 2010. – 142 p.
11. *Sampat, B. Patenting and US academic research in the 20th century: The world before and after Bayh-Dole / B. Sampat // Research Policy.* – 2006. – № 35. – P. 772–789.
12. *Audretsch, D.B. From the entrepreneurial university to the university for the entrepreneurial society / D.B. Audretsch // The Journal of Technology Transfer.* – 2014. – № 39. – P. 313–321.
13. *Frascati Manual. Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development / OECD, 2002.* – 256 p.

Innovations and entrepreneurial activities

Maryia AKULAVA, BEROC Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: akulava@beroc.by.

Abstract The article analyzes the current innovative state of the Belarusian economy. The work also compares national economy with neighboring and developed countries and identifies key problem areas. The author examines experience of other countries in creating an attractive innovation climate, increasing the role of the higher education sector, as well as strengthening its partnership with business. Measures are proposed to increase the contribution of the innovative component to the activities of commercial organizations and to increase the knowledge-intensive economy growth as a whole.

Keywords: innovativeness; R&D; entrepreneurship; SME; partnership; higher education sector.

Причины межрегиональных диспропорций в Беларуси и возможные направления региональной политики

Александр ЧУБРИК

Исследовательский центр ИПМ,
директор, Республика Беларусь,
г. Минск, e-mail: chubrik@research.by

Олег МАЗОЛЬ

Центр экономических исследований
«БЕРОК», научный сотрудник,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: mazol@beroc.by

УДК 332.02, 332.1, 338.49

Ключевые слова:

Беларусь; региональное развитие; региональная экономика; агломерация; миграция; человеческое развитие.

Вопросы регионального развития в последние годы приобретают все большую актуальность из-за растущих диспропорций между регионами как на уровне областей, так и между районами¹. Если до начала рецессии 2015–2016 гг. наблюдалось определенное сближение регионов по таким показателям, как средняя зарплата, инвестиции на душу населения и т. п., то в период рецессии региональные диспропорции увеличились и продолжили нарастать после ее завершения. Данная работа призвана внести вклад в дискуссию о том, как государство должно реагировать на такие изменения, чтобы не повредить естественные процессы (урбанизация, расширение агломераций) и не допустить критического ухудшения ситуации в регионах, угрожающего их устойчивому развитию.

Некоторые показатели региональной дифференциации

В самом общем виде региональные диспропорции можно проиллюстрировать на примере валового регионального продукта (ВРП) на душу населения: в 2018 г.² в трех областях этот

показатель не превышал 50% от уровня г. Минска, в Гомельской области незначительно превышал 50%, в Гродненской – приближался к 60%³, в Минской – составлял 75% от уровня столицы (рисунк 1а). В анализируемый период (2010–2018 гг.) наименьшие различия между регионами наблюдались в 2012 г., между регионами без учета г. Минска – в 2013 г., но с этого времени они довольно устойчиво увеличивались (рисунк 1б), то есть σ-конвергенция не наблюдалась.

Еще более наглядно увеличение межрегиональной дифференциации иллюстрируется динамикой средней заработной платы (рисунк 2). Здесь выделяется группа регионов (Брестская, Витебская, Гродненская и Могилевская области), где зарплата (по отношению к г. Минску) менялась практически синхронно, Минская область, где зарплата изначально была примерно такой же, как в предыдущей группе, но затем значительно увеличилась по сравнению с этой группой, и Гомельская область, где в 1995–1998 гг. зарплата по отношению к минской была наибольшей среди областей, но затем снизилась до уровня первой группы регионов. Значительные диспропорции

¹ В частности, снижение региональных диспропорций выделяется в качестве одной из задач в области устойчивого развития в проекте Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 г. [1]. Данная тематика рассматривалась на конференции Кастрычніцкага эканамічнага форуму «Невидимая рука Левиафана» (31 октября – 1 ноября 2019 г.), семинарах и круглых столах Национального банка Республики Беларусь (28.01.2020), Белорусского института стратегических исследований (05.02.2020), Министерства экономики Республики Беларусь и Минского областного исполнительного комитета (04.03.2020) и др.

² Сведения будут уточнены после пересмотра данных о численности населения по регионам за период с 2010 г. по 2019 г.: расхождение между г. Минском и областями незначительно уменьшится, но его динамика останется прежней.

³ Главным образом за счет масштабных инвестиций в строительство Островецкой АЭС.

Динамика ВРП на душу населения и его вариации по регионам

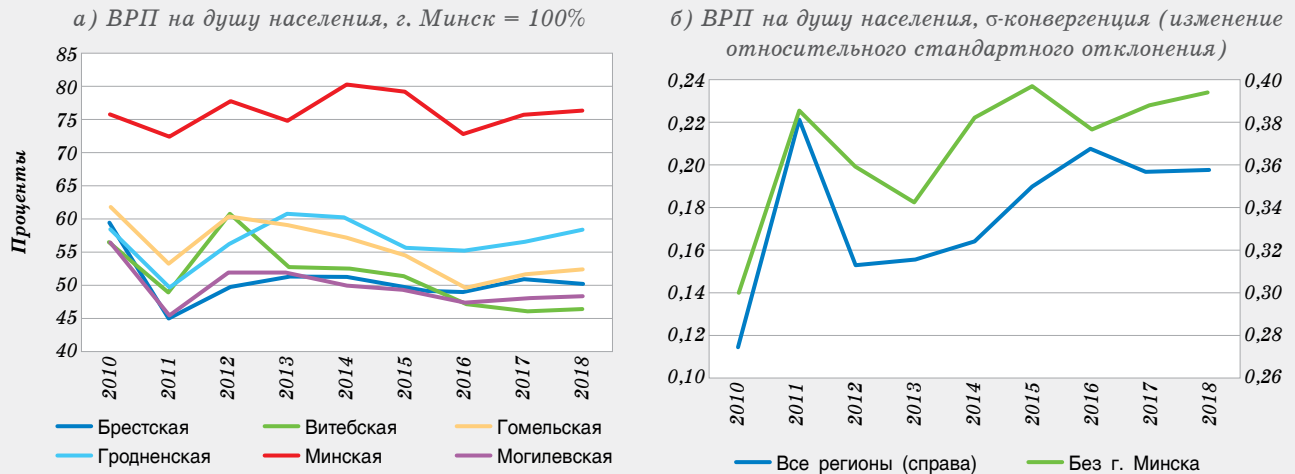

Рисунок 1

Динамика средней заработной платы и ее вариации по регионам

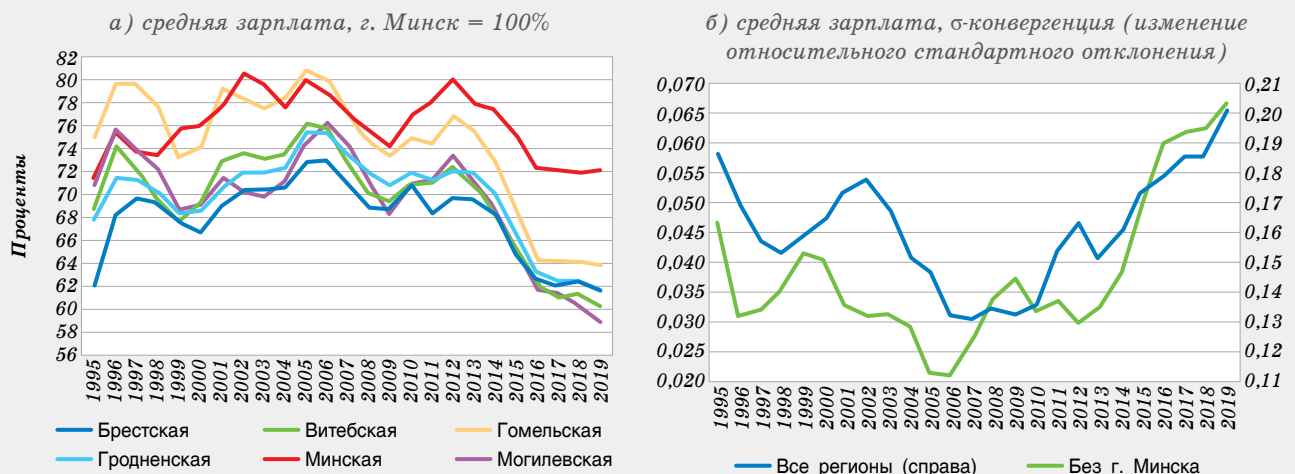

Рисунок 2

между регионами и г. Минском уменьшились к 2005–2006 гг., затем быстрый экономический рост привел к росту межрегиональных диспропорций, но к 2012–2013 гг. они снова уменьшились. С 2014 г., когда Беларусь столкнулась с шоком российского валютного кризиса, различия в уровне оплаты труда между регионами только нарастают.

На уровне районов рост межрегиональной дифференциации по уровню зарплаты является еще более очевидным. Если в 2005 г. в большинстве районов средняя зарплата составляла 60–70% от минской, меньше 60% от уровня г. Минска зарабатывали всего в

15 районах, 70–80% – в 18 районах, 80–90% – в 11 районах, 90% и выше – в 3 районах, то в 2019 г. в подавляющем большинстве районов средняя зарплата была меньше 60% от минской, 60–70% от уровня г. Минска зарабатывали всего в 14 районах, 70–80% – всего в 9 районах, 80–90% – только в 1 районе, 90% и выше – только в 1 районе. При этом наименьшая зарплата (Шарковщинский район) в 2005 г. составляла 53,1% от минской, а в 2019 г. – всего 43,2%, наибольшая (Солигорский район) превышала минскую на 25,5% в 2005 г. и всего на 8,3% в 2019 г. (рисунок 3).

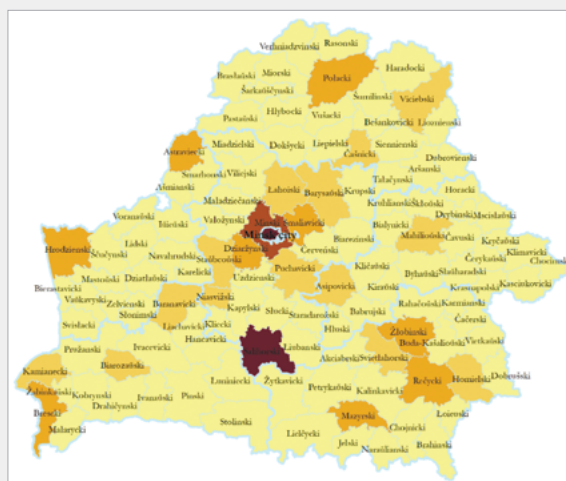
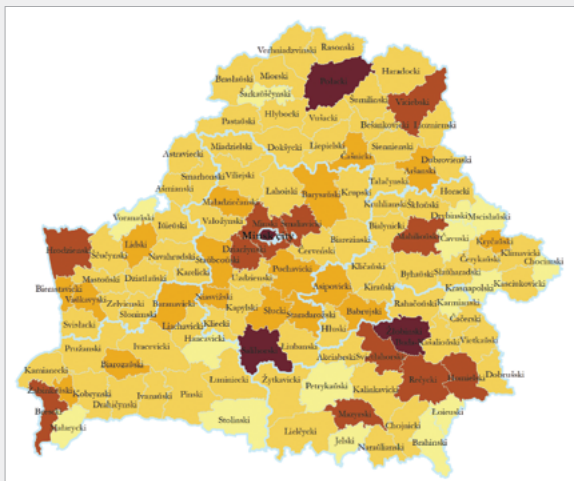
Причины увеличения различий между регионами

Увеличение межрегиональных диспропорций было в значительной степени обусловлено естественными причинами – хорошими «стартовыми условиями»: большим размером рынка или близостью к такому рынку, развитой и качественной инфраструктурой, развитым рынком труда, промышленностью и пр. [3; 4]. Благоприятное сочетание таких условий способствовало формированию агломераций и опережающему развитию регионов с высоким потенциалом, а это, в свою очередь – привле-

Заработная плата по районам⁴ по отношению к зарплате в г. Минске

Зарплата, г. Минск = 1 (2005 г.)

Зарплата, г. Минск = 1 (2019 г.)

0,531129–0,600000
0,600001–0,700000
0,700001–0,800000
0,800001–0,900000
0,900001–1,254529

0,432133–0,600000
0,600001–0,700000
0,700001–0,800000
0,800001–0,900000
0,900001–1,082989

* Средняя зарплата по районам рассчитана с учетом находящихся на их территории городов областного подчинения.

Источник: [2].

Рисунок 3

кательности регионов для жизни. Об этом свидетельствуют долгосрочные демографические тенденции: чем выше был естественный и миграционный прирост населения в 2000–2008 гг., тем более высокими были эти же показатели для 2009–2018 гг. [2]. Коэффициент корреляции между среднегодовым естественным приростом по районам⁴ и г. Минску (119 объектов) за 2000–2008 гг. и 2009–2018 гг. составил 0,935, между аналогичными показателями миграционного прироста – 0,811.

Устойчивость во времени региональных различий в демографических трендах свидетельствует о том, что такие различия естественны. Наиболее благоприятная ситуация складывается в районах областных центров и ряда крупных городов областного подчинения, Минском районе и нескольких районах, граничащих со столичным (Дзержинский, Смолевичский, в меньшей степени Логойский), а также г. Минске. Очевидно, повышение

концентрации населения вокруг таких «центров притяжения» может свидетельствовать о формировании агломераций, что нельзя рассматривать как негативную тенденцию. Всемирный банк отмечает «плодотворность» агломерации, поскольку она позволяет использовать эффекты внутреннего рынка, локализации и урбанизации [5].

Именно в силу естественности процесса формирования агломераций и других «центров притяжения» меры, направленные на выравнивание экономического положения регионов, перестали работать. Во-первых, по мере развития частного сектора и снижения доли государственного сектора в экономике⁵ существенно снизилось влияние государственного регулирования оплаты труда на показатели средней заработной платы, что привело к началу дивергенции районов по уровню оплаты труда (рисунки 3). Во-вторых, до последней рецессии государство располагало ресурсами, чтобы перераспределять их

в менее развитые регионы через финансирование инвестиций в основной капитал, невзирая на недостаточную эффективность таких инвестиций⁶. Однако накопившиеся обязательства по погашению и обслуживанию государственного и гарантированного государством долга существенно ограничили такие возможности.

Невысокая результативность мер по снижению межрегиональных диспропорций подтверждается анализом распределения регионов по их вкладу в некоторые экономические показатели. Концентрация экономической активности в долгосрочном периоде или снизилась незначительно, или даже возросла. Например, в 2018 г. 112 районов суммарно обеспечили 48% промышленного производства (то есть медианным был 113-й район из 119⁷), а в 2000 г. 114 районов дали 49% промышленного производства. Немногим меньше – 110 районов – обеспечили 50% совокупных инвестиций в основной капитал по стране в среднем за

⁴ С учетом находящихся на их территории городов областного подчинения.

⁵ По нашим оценкам, с 2012 г. по 2019 г. удельный вес коммерческих предприятий с долей государства в общей численности занятых в экономике уменьшился с 37,2 до 29,5%, частных (без доли государства) – увеличился с 37,8 до 44,7% (собственные расчеты на основе данных Белстата [6; 7]).

⁶ По оценкам Международного валютного фонда, рентабельность капитала и фондоотдача на государственных предприятиях в среднем от трех до четырех раз ниже, чем аналогичные показатели для частных предприятий [8].

⁷ Речь идет о 118 районах и г. Минске.

2010–2019 гг., а в 2000–2009 гг. для обеспечения 48% инвестиций понадобилось всего на один район больше. Наконец, г. Минск в 2019 г. сконцентрировал в себе 52% всех платных услуг населению, в то время как в 2000 г. – «всего» 36%. Из 107 районов, которые сформировали 40% инвестиций в основной капитал в 2000–2009 гг., только 1/3 (32 района) увеличили свою долю в совокупных инвестициях по стране в следующем десятилетии, а два района из «верхних» 60% распределения (нефтедобывающий Речицкий и близкий к столице Минский) тоже увеличили свою долю в инвестициях по стране. Таким образом, естественным процессам концентрации деловой активности в наиболее перспективных регионах практически невозможно противостоять, поэтому задачей государства становится минимизация негативных последствий концентрации для менее перспективных регионов.

Угрозы роста региональных диспропорций

Рост различий в уровне доходов между регионами внутри страны (рисунки 2 и 3) и с соседними странами (средняя зарплата в «центрах притяжения» вокруг Беларуси – г. Москва, г. Санкт-Петербург, Польша, страны Балтии) обуславливает проблему трудовой миграции. Серия дискуссий, проведенных в регионах Беларуси в 2018 г. и 2019 г., показала, что местный бизнес очень остро воспринимает данную проблему [8; 10]. Об этом же свидетельствуют результаты опросов бизнеса: миграция «является проблемой для бизнеса» даже в г. Минске⁸ [11].

Вторая проблема состоит в том, что регионы различаются по качеству социальной инфраструктуры и, соответственно, в возможностях развития человеческого капитала. Согласно международному исследованию качества школьного образования PISA-2018 [12], в среднем 15-летний подросток, проживающий в городской местности,

набрал 482 балла, а в сельской местности – только 432 (при этом 30–40 баллов по шкале PISA эквивалентны одному году обучения). Такие различия являются важной движущей силой урбанизации и межрегиональной миграции.

Различия в качестве жизни можно измерять при помощи такого сводного показателя, как Индекс человеческого развития ПРООН. Попытка такой оценки для регионов Беларуси впервые была предпринята в [13], однако авторами было допущено существенное отступление от оригинальной методологии; в [14] этот показатель был впервые посчитан для областей на основе данных за 2017 г. В таблице приводится его оценка на основе данных по регионам Беларуси за 2018 г. в контексте рейтинга стран по ИЧР⁹ из [15].

Обращает на себя внимание тот факт, что все регионы, кроме г. Минска, находятся в группе стран с высоким уровнем развития ($0,7 \leq \text{ИЧР} < 0,8$), причем различия между г. Минском и наилучшим из остальных регионов – Гродненской областью – очень существенные: Минск находится на уровне 27-го места среди стран мира (Чехия), Гродненская область – на уровне 59-го места (Иран). При этом различия касаются не только уровня дохода, но и ожидаемой продолжительности жизни (2,8 года), и ожидаемой и средней продолжительности обучения (4 и 1,6 года соответственно). Таким образом, в самом первом приближении различия в качестве жизни между регионами достаточно велики, чтобы стать движущей силой миграции как минимум в столицу.

Второй важной особенностью Беларуси является то, что и страна в целом, и все регионы, кроме Минской области, имеют более низкий валовой национальный доход (ВНД) на душу населения, чем ВНД стран, соседних по рейтингу (таблица), и тот, который можно было бы ожидать исходя из уровня человеческого развития, на котором они находятся

[13]. Во-первых, это является дополнительным фактором трудовой миграции или эмиграции из страны. Во-вторых, такая ситуация свидетельствует о некоторой «хрупкости» достижений страны в области устойчивого развития, поскольку при отсутствии положительной динамики экономического роста у нее может не хватить ресурсов для поддержания достигнутого уровня человеческого развития и тем более для его увеличения.

Заключительные замечания и рекомендации

В ситуации, когда экономические различия обуславливаются естественными факторами, трудно поддающимися воздействию мер региональной политики, внимание следует сосредоточить на снижении неравенства в качестве жизни и создании максимально равных возможностей в сфере образования и здравоохранения вне зависимости от региона. В качестве возможных направлений для обсуждения можно предложить следующие меры:

1. Смещение приоритетов государственных инвестиций от реализации крупных коммерческих проектов к инвестициям в человеческий капитал, в первую очередь образование и здравоохранение, что позволит снизить неравенство возможностей и полнее раскрыть потенциал регионов.

2. Инвестиции в инфраструктуру, направленные на повышение мобильности рабочей силы и гибкости региональных рынков труда, которые позволили бы частично перейти от миграции между регионами на постоянное место жительства к маятниковой миграции.

3. Содействие развитию региональной занятости в первую очередь через программы развития малого бизнеса, переподготовки наиболее уязвимой части рабочей силы и поддержки самозанятости.

4. Снижение централизации бюджета и введение «бюджета гражданского участия» с целью более активного вовлечения

⁸ Оценка по пятибалльной шкале (вопрос: «В вашем регионе трудовая миграция рабочей силы является проблемой для бизнеса?», варианты ответов: 1 – да, очень тяжело найти и удержать высококвалифицированного сотрудника, 5 – нет, на местном рынке всегда можно найти работников нужной квалификации) варьируется от 1,9 в Гродненской области до 2,6 в г. Минске; в среднем по Беларуси – 2,3.

⁹ ИЧР по странам мира в Отчете о человеческом развитии за 2019 г. рассчитывается по данным за 2017 г.

Таблица

Индекс человеческого развития и его компоненты по регионам Беларуси*

		ИЧР	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Ожидаемая продолжительность обучения, лет	Средняя продолжительность обучения, лет	Валовой национальный доход, тыс. долл. США по ППС (2011 г.)
26	Испания	0,891	83,3	17,9	9,8	34,3
	г. Минск	0,888	76,8	19,0	13,4	27,7
27	Чехия	0,888	78,9	16,9	12,7	30,6
53	Беларусь	0,808	73,1	15,5	12,3	16,3
58	Казахстан	0,800	70,0	15,1	11,8	22,6
	Гродненская обл.	0,798	74,0	15,0	11,8	14,9
59	Иран	0,798	76,2	14,9	9,8	19,1
63	Коста-Рика	0,794	80,0	15,4	8,8	14,6
	Гомельская обл.	0,794	73,9	15,1	11,8	13,5
64	Турция	0,791	76,0	15,2	8,0	24,8
	Брестская обл.	0,790	74,7	14,7	11,7	13,0
65	Маврикий	0,790	74,9	15,1	9,3	20,2
66	Панама	0,789	78,2	12,7	10,2	19,2
	Могилевская обл.	0,789	73,3	15,5	11,9	12,3
	Минская обл.	0,789	73,5	12,9	11,7	19,8
67	Сербия	0,787	75,3	14,6	11,1	13,0
	Витебская обл.	0,786	73,8	15,1	11,8	12,0
68	Албания	0,785	78,5	14,8	10,0	11,9

* Описание методологии приведено в [13].

Источник: [11].

сообществ в местное самоуправление и создания стимулов для местных органов власти к эффективному развитию экономики региона.

5. Поддержка формирования агломераций (регуляторная и инфраструктурная) с целью повышения их конкурентоспособ-

ности в контексте других стран региона и мировой экономики в целом.

6. Дифференцированный подход к стратегиям развития регионов и ключевым показателям эффективности руководителей местных органов власти с целью учета специфики региона для

повышения эффективности работы местных органов власти и максимально полного раскрытия потенциала регионов (промышленного, туристического, сельскохозяйственного и пр.).

Материал поступил 31.03.2020.

Библиографический список:

1. Национальная стратегия устойчивого развития до 2035 года: проект, вынесенный на общественное обсуждение [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь, 2020. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
2. Чубрик, А. Страна, где хочется жить и работать, или Почему нам нужна новая региональная политика: материалы семинара [Электронный ресурс] / А. Чубрик // BEROC, 2020. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/A_Chubrik_Presentation_OpenDialog.pdf. – Дата доступа: 24.03.2020.
3. Belarus Regional Development Policy Notes: Spatial Dimension of Structural Change: Report ACS13961 [Electronic resource] // World Bank, 2015. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22490>. – Date of access: 24.03.2020.
4. Чубрик, А. Влияние рецессии на регионы Беларуси: роль стартовых условий, экономической политики и малого бизнеса: рабочий материал WP/17/04 [Электронный ресурс] / А. Чубрик // Исследовательский центр ИПМ, 2017. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/english/wp/wp2017r04.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
5. Кремер, А. Пространственные диспропорции в Беларуси: материалы конф. [Электронный ресурс] / А. Кремер // Исследовательский центр ИПМ, 2019. – Режим доступа: http://kef.by/upload/iblock/61a/day1_panel2_Kremer.pdf. – Дата доступа: 24.03.2020.

6. Основные показатели деятельности организаций государственного сектора за январь – декабрь 2012 г.: стат. бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2013. – 158 с.
7. Основные показатели деятельности организаций государственного сектора за январь – декабрь 2019 г.: стат. бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 123 с.
8. Richmond, C. Reassessing the Role of State-Owned Enterprises in Central, Eastern and Southeastern Europe: IMF Departmental Paper № 19/11 [Electronic resource] / C. Richmond, D. Benedek, E. Cabezon [at al.] // International Monetary Fund, European Department, 2019. – Mode of access: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/DP/2019/English/RRSOECESEEEA.ashx>. – Date of access: 24.03.2020.
9. Чубрик, А. Региональные конференции KEF-2018 «Регионы Беларуси: от восстановления роста к развитию конкурентоспособности»: основные выводы и рекомендации: дискуссионный материал PDP/18/05 [Электронный ресурс] / А. Чубрик // Исследовательский центр ИПМ, 2018. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2018r05.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
10. Чубрик, А. Окно возможностей или последний шанс? Несколько идей о том, что помогло бы раскрыть потенциал белорусских регионов: дискуссионный материал PDP/19/02 [Электронный ресурс] / А. Чубрик // Исследовательский центр ИПМ, 2019. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2019r02.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
11. Чубрик, А. Конкурентоспособность регионов Беларуси в 2019 г.: меньше оптимизма на фоне дивергенции: материалы конф. [Электронный ресурс] / А. Чубрик // Исследовательский центр ИПМ, 2019. – Режим доступа: <http://kef.by/upload/medialibrary/f3f/chubrik2019rci.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
12. Results from PISA 2018. Country note, Belarus [Electronic resource]: Program for International Student Assessment (PISA). – Mode of access: https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA2018_CN_BLR.pdf. – Date of access: 24.03.2020.
13. Конкурентные преимущества регионов Беларуси: Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь 2015 [Электронный ресурс] / Программа развития ООН в Беларуси, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь, 2016. – Режим доступа: https://www.undp.org/content/dam/belarus/docs/NORCH_final.pdf. – Дата доступа: 24.03.2020.
14. Чубрик, А. Конкурентоспособность регионов Беларуси в 2017–2018 гг.: от базовых факторов к эффективности рынков: отраслевой обзор SR/18/03 [Электронный ресурс] / А. Чубрик // Исследовательский центр ИПМ, 2018. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/sr2018r03.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2020.
15. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century: Human Development Report 2019 [Electronic resource] / United Nation Development Program, 2019. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>. – Date of access: 24.03.2020.

Reasons of the interregional disparities in Belarus and possible directions of regional policy

Alexander CHUBRIK, IPM Research Center, Director, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: chubrik@research.by.

Aleh MAZOL, BEROE Economic Research Center, Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: mazol@beroc.by.

Abstract. The article tackles certain tendencies in regional development that lead to increase in differences between Belarusian regions at the level of regions and districts, their nature and certain negative consequences, possibilities of lowering the interregional imbalances. In addition, the authors propose a number of improvements for regional policy aimed at smoothing negative outcomes of the economic activity concentration in the most developed regions.

Keywords: Belarus; regional development; regional economy; agglomeration; migration; human development.

Доверие в экономике: что это, как работает и для чего нужно?

УДК 330.8:316.6

Ключевые слова:
доверие; социальный капитал; ожидание; устойчивый экономический рост; коммуникационная политика.

Категория «доверие» прочно вошла в экономическую науку. Многочисленные исследования подтверждают, что реализация любых экономических мер должна быть согласована с социальными, политическими, поведенческими аспектами общества. Доказано, что наряду с другими факторами (труд, капитал, уровень развития человеческого капитала и технологий, институциональная среда и др.) доверие оказывает значительное влияние на экономический рост и повышение благосостояния населения [6; 17; 20 и др.].

Доверие – что это?

Что же такое доверие и каким образом оно влияет на экономические процессы?

В социальной психологии доверие предполагает положительные установки по отношению к другому субъекту, основанные на уверенности в порядочности данного субъекта, его компетентности и намерениях действовать рационально. Доверие считается основой всех социальных институтов [21]. Общественное доверие/недоверие представляет собой совокупность установок отдельных индивидуумов. Общественное доверие шире межличностного доверия, которое проявляется в отношении семьи, близкого круга друзей и родственников, коллег, отдельных социальных групп.

Итак, доверие – это, прежде всего, поведенческая характеристика, что объясняет его непостоянность, сложность завоевания и удержания. И, тем не менее, большинству экономических агентов присуще последовательное поведение, основанное на потребности доверять контрагентам и институтам власти.

Влияние доверия на экономический рост

Роль коллективного доверия в обеспечении экономического роста можно объяснить с двух позиций. Во-первых, как справедливо отмечал К. Эрроу, практически каждая коммерческая операция содержит в себе элемент доверия, особенно если она занимает определенный период времени [7, с. 357]. Ни в каком контракте невозможно прописать все возможные сценарии, поэтому успех любой сделки всегда полагается на доверие, в то же время контракты обеспечивают гарантии, создавая такие условия, при которых выполнение обязательств предпочтительней последствий их невыполнения.

Во-вторых, доверие, честность и сотрудничество в профессиональной и бизнес-среде выступают основой социального капитала, наращивание которого непременно ведет к наращиванию потенциала экономики: прочные отношения солидарности и доверия формируют социальное равновесие с высокой степенью кооперации, вовлеченности граждан, благосостояния общества [2].

Свой вклад в экономическое развитие доверие вносит опосредованно, неявно присутствуя в отношениях между контрагентами при совершении экономических транзакций [20]. Во-первых, доверие играет первостепенную роль в таких важных для экономического развития процессах, как инвестиции и инновации, которым, однако, присуща неопределенность ввиду наличия проблемы морального риска и ряда трудностей, связанных с исполнением контрактов. Во-вторых, как показали Я. Алган и П. Чакус, почти третья

часть межстрановых различий в совокупной факторной производительности объясняется различиями в уровне общественного доверия [6]. Способствуя взаимодействию и кооперации людей, доверие создает благоприятные условия для развития государственных и частных предприятий за счет возможностей децентрализации ресурсов и полномочий. Ученые отмечают, что при низком уровне общественного доверия экономика, вероятнее, будет ориентирована на те секторы, которые не требуют высокой степени децентрализации при принятии решений. В то же время отрасли, нацеленные на инновации и внедрение передовых технологий (например, IT-сектор), должны предоставлять своим сотрудникам возможности для самостоятельного принятия решений и использования индивидуальных нестандартных подходов к выполнению поставленных задач. То есть для развития более сложных и конкурентных отраслей необходим больший уровень общественного доверия.

К. Бьорнсков считает, что доверие оказывает значимое влияние на экономический рост через управление экономикой и наличие качественной системы образования [9]. Трансмиссия через канал управления экономикой объясняется тем, что в условиях высокого уровня доверия к политикам последние будут стремиться оправдать это доверие и соответствовать ожиданиям населения. В результате повысится их подотчетность и эффективность принимаемых решений за счет наличия больших возможностей для внедрения политических новшеств. Считается, что эффективное управление ведет к повышению совокупной факторной

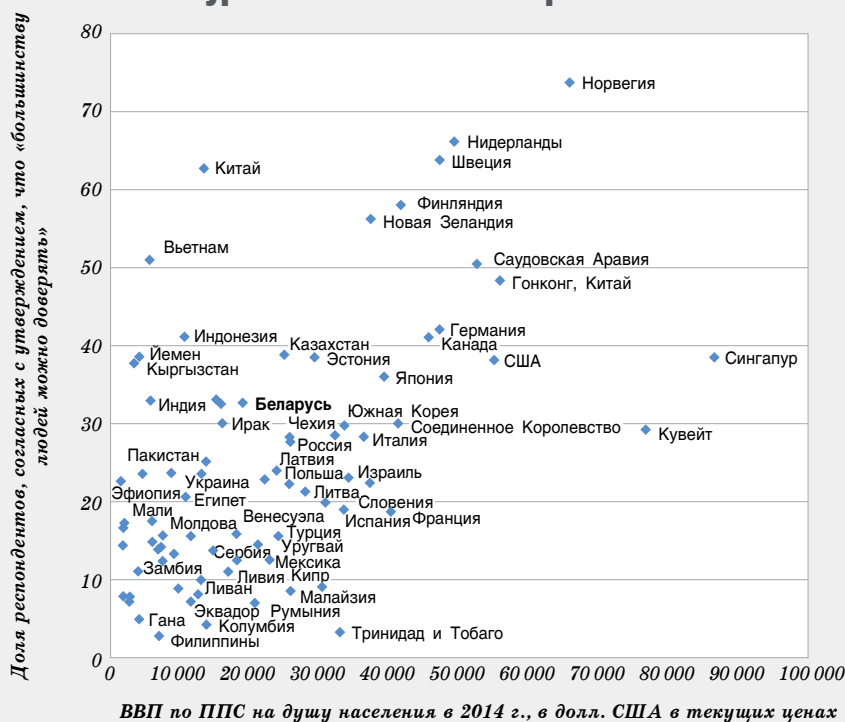
производительности, которая является одним из важнейших факторов экономического роста.

Влияние доверия на уровень образования можно рассматривать с позиций спроса и предложения рабочей силы. С одной стороны, доверие повышает возможности получения качественного образования и пополнения рынка труда квалифицированными кадрами. С другой – в условиях повышения общего уровня доверия в обществе возрастает запрос на высокообразованных сотрудников, которым можно делегировать выполнение сложных задач, полагаясь лишь на доверие к опыту и компетенции своих подчиненных. В результате повышается производительность труда и создаются стимулы для увеличения инвестиций, что ведет к экономическому росту.

Доверие напрямую связано с понятием социального капитала, впервые введенного Пьером Бордью [11]. Он считал, что социальный капитал, подобно человеческому капиталу, – это атрибут индивида, его способность продуктивно взаимодействовать с обществом вокруг. Однако этот индивидуальный атрибут зависит от характеристик общества вокруг. В обществе с более высоким уровнем доверия людям проще накопить высокий уровень социального капитала. Социальный капитал влияет на экономический рост как напрямую, повышая эффективность транзакций, так и опосредованно, например, улучшая политические институты и их эффективность [24]. Социальный капитал способствует накоплению человеческого капитала, содействует финансовому развитию через общественное доверие и социальные нормы, а также развивает сетевое взаимодействие между фирмами, которое способствует распространению бизнес- и технологических инноваций [13].

Для измерения уровня доверия и, как следствие, социального капитала, ученые-экономисты полагаются на данные опросов о ценностях. Такие данные показывают большие межстрановые различия в уровне доверия. Так, с утверждением «людям можно

Взаимосвязь общественного доверия* и уровня экономического развития

Примечание. Составлено авторами на основе данных Всемирного банка и World Values Survey [15; 19].

Рисунок

доверять» согласны более 60% населения в скандинавских странах и менее 10% населения в некоторых странах Латинской Америки [19]. При этом уровень доверия положительно связан с уровнем экономического развития (рисунок).

Факторы формирования общественного доверия

В странах с сильной экономической уровень общественного доверия достаточно высок и объясняется последовательностью проводимой властями политики, социальной стабильностью и деловой уверенностью [8]. В странах с более слабой экономикой, как правило, высоки инфляционные и девальвационные ожидания, отсутствует доверие к национальной валюте и к органам власти.

На доверие влияет исторически сформированный опыт социума, так называемый «культурный код», а также реалии, ежедневный опыт общения вну-

три социума. По оценкам, для того чтобы в обществе сформировалось доверительное отношение к властям и к национальной валюте, требуется смена не менее двух поколений (то есть не менее 40–50 лет) в условиях отсутствия существенных экономических потрясений [4].

При этом доверие не возникает само по себе, оно не первично. Доверие формируется в обществе, которое способно его обеспечить и поддержать, развивается параллельно с развитием общества, под влиянием складывающихся в нем моральных устоев, а также норм и правил, закрепленных в законодательстве, т. е. развития институциональной среды и в конечном итоге отражает состояние общества в целом [3; 23].

Есть исследования, свидетельствующие о том, что в вопросах доверия влияние институтов может оказаться даже сильнее культурного кода, а динамика доверия в обществе будет позитивной вслед за повышением качества его

* Для каждой страны приведены последние доступные данные по уровню общественного доверия.

институтов [4]. Л. Ванг и П. Гордон считают, что для укрепления доверия институциональные реформы должны быть направлены в первую очередь на повышение эффективности формальных механизмов контроля.

Так, сильная правовая система способна защитить общественное доверие от разрушения, препятствуя изменениям в общественных связях в случае неблагоприятного шока. Качественное образование способствует повышению общего уровня интеллекта, что, в свою очередь, может, во-первых, повысить склонность людей вести себя менее эгоистично и подчиняться принятым в обществе нормам. Во-вторых, образованным людям проще понять намерения своих контрагентов, органов управления и ориентироваться в сложных ситуациях, что позволяет им проявлять большее доверие [12].

Доверие в Беларуси

Белорусское общество характеризуется невысоким уровнем доверия. По результатам социологического исследования «Ценности населения Беларуси» [5], большая часть населения (51,9%) склонна не доверять окружающим, при этом только 14,5% проявляют высокий уровень доверия. Международные исследования показывают похожие результаты, в соответствии с которыми [19] только 32,6% населения Беларуси согласны с утверждением «людям можно доверять». Тем не менее, как видно из *рисунка*, уровень доверия в Беларуси выше среднего для ее уровня дохода. Кроме того, стоит отметить позитивные тенденции: предварительные данные исследования European Values Survey – 2017, которое следует методологии WVS, показали, что в Беларуси с этим утверждением согласны уже 40% населения.

Близкий круг общения, а соответственно, и доверия для большинства белорусов включает в себя членов семьи, друзей, а также коллег и соседей. Согласно EVS-2017, только 20% белорусов склонны полностью или частично доверять незнакомцам. Этот показатель ниже, чем во всех странах выборки (31,4%) или, например, в одном из лидеров по уровню

доверия – в Швеции (84,5%). Это дает основания полагать, что на пути обеспечения высоких темпов экономического роста сегодня стоят не только экономические факторы, но и исторически сложившиеся культурные особенности, выражающиеся в низком уровне общественного доверия.

При этом в белорусском обществе отмечается нехарактерный для других стран региона высокий уровень доверия Правительству и госслужащим [1]. Этот уровень доверия во многом сложился благодаря низким потерям от переходного периода в 1990-х гг., быстрому росту для всех в 2000-х гг., а также благодаря отсутствию бытовой коррупции. Такой высокий уровень доверия властям делает проводимую политику эффективнее и может стать основой экономического роста в будущем.

Доверие властям и эффективность экономической политики на примере центральных банков

Доверие повышает предсказуемость эффектов от принятия властями тех или иных решений, в то время как отсутствие доверия закономерно ведет к снижению интенсивности институциональных взаимодействий. Решающую роль в повышении доверия играет коммуникационная политика органов государственной власти.

В настоящее время наиболее наглядным примером важности и действенности коммуникаций выступает наблюдаемая трансформация деятельности центральных банков. Начавшийся в XX в. переход к политике таргетирования инфляции потребовал большего уровня независимости центральных банков в реализации денежно-кредитной политики. Вслед за этим в деятельности центральных банков наступила эпоха активных коммуникаций.

Экономисты Банка Англии считают, что для успешной коммуникации с общественностью важны три основополагающих элемента [18]: 1) объяснения – направлены на поддержку процесса формирования ожиданий экономических агентов с помощью передачи центральным банком различных сигналов;

2) вовлечение – означает преподнесение информации в доступной для восприятия и понимания форме с целью как можно большего охвата целевой аудитории; 3) обучение – это связующее звено, которое позволяет восполнить пробелы в понимании сообщений центрального банка ввиду недостаточного уровня экономических знаний.

Многое из того, что пытаются донести до населения центральные банки, понятно довольно ограниченному кругу людей. Лишь 2% населения может легко понять протокол заседания комитета ФРС, который устанавливает процентные ставки, в то время как 70% может понять речь Трампа в рамках его предвыборной кампании. Для того чтобы повысить доверие к своей политике, центральным банкам необходимо нивелировать этот разрыв и сделать свою работу более доступной для населения [14]. Какими бы простыми ни были способы информирования, используемые центральным банком, для их интерпретации так или иначе необходимо понимание основных экономических взаимосвязей. Этого возможно добиться только через популяризацию знаний в области экономики и финансов среди населения.

Эти поэтапные изменения в прозрачности отражаются в деятельности различных центральных банков. Так, в 1994 г. ФРС начала объявлять решение по своей ключевой ставке в день заседания Федерального комитета по операциям на открытом рынке, а с 2012 г. начала также публиковать прогнозы по процентным ставкам. Банк Японии в 1999 г. объявил об использовании различных форм форвардного руководства. ЕЦБ начал публиковать протоколы своих заседаний по денежно-кредитной политике в 2015 г. [10]. Банк Англии с 2017 г. публикует краткую версию отчета по инфляции с объяснением терминов и графическими иллюстрациями.

Национальный банк Республики Беларусь стремится не отставать от мировых тенденций, в том числе и в части налаживания активных коммуникаций с общественностью. Актуальность применения в практике Нацио-

нального банка современных подходов к выстраиванию коммуникационной политики обусловлена, прежде всего, запланированным переходом с 2021 г. к режиму таргетирования инфляции, а также необходимостью повышения доверия к белорусскому рублю.

Дальнейшие направления совершенствования подходов к реализации коммуникационной политики должны учитывать передовой опыт развитых стран и сочетаться с основополагающими принципами взаимодействия с обществом:

1. Понимание потребностей населения и выстраивание взаимодействия на основе принятия этих потребностей как первоочередных.

2. Повышение уровня благонадежности, открытости и добросовестности. Корреляция сообщений и заявленного сценария развития, строгое следование алгоритму «обещание – действие – сообщение о сдержанном обещании – новое обещание».

3. Обеспечение прозрачности. Этот шаг состоит в ведении и раскрытии данных, статистики и доступной для пользователей аналитики о деятельности государственных институтов [22].

Заключение

Доверие является одним из ключевых факторов долгосрочного экономического роста наряду с институтами и человеческим капиталом. Высокий уровень доверия в обществе снижает транзакционные издержки и делает возможным развитие сложных инновационных экономик, построенных на принципах децентрализации.

Уровень доверия в Беларуси невысок, но все же отличается в положительную сторону от других стран с аналогичным уровнем доходов. Кроме того, уровень доверия в стране устойчиво растет, а доверие к Правительству является более высоким, чем в других странах ЦВЕ.

Государственные институты могут повысить эффективность проводимой ими политики благодаря росту доверия. Национальный банк в своей деятельности стремится учитывать социальные и психологические факторы, лежащие в основе доверия, а также перенимать современный международный опыт в сфере коммуникаций с общественностью. Применение такого подхода при реализации последовательной и

согласованной экономической политики, совершенствование институциональной среды и повышение прозрачности деятельности всех органов государственной власти способны существенно повысить уровень общественного доверия в Республике Беларусь и увеличить на этой основе вклад социального капитала в обеспечение устойчивого экономического роста.

Катерина БОРНУКОВА,
Центр экономических исследований «БЕРОК», заместитель директора по научной работе,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: bornukova@beroc.by

Надежда ГОДЕС,
Национальный банк Республики Беларусь, Главное управление монетарной политики и экономического анализа, главный специалист,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: Godes_NV@nbrb.by

Евгения ЩЕРБА,
Полесский государственный университет, студент,
Республика Беларусь, г. Пинск,
e-mail: e.sh98@mail.ru

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. Борнукова, К.В. Институт доверия и экономический рост / К.В. Борнукова, А.В. Огинская // Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К.В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К.В. Рудого. – Минск: Звезда, 2017. – С. 223–244.
2. Мартыянов, В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности [Электронный ресурс] / В.С. Мартыянов // Journal of institutional studies. – 2018. – № 1. – Т. 10. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2018/08/04/1251869299/JIS_10.1_3.pdf. – Дата доступа: 05.03.2020.
3. Рудый, К.В. Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К.В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К.В. Рудого. – Минск: Звезда, 2017. – 368 с.
4. Фукуяма, Ф. Доверие: добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
5. Ценности населения Беларуси. Результаты социологического исследования [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ. – 2019. – Режим доступа: http://www.research.by/webroot/delivery/files/SR_19_01.pdf. – Дата доступа: 10.03.2020.
6. Algan, Y. Trust, Institutions and Economic Development / Y. Algan, P. Cahuc // Handbook of economic growth. – 2013. – Vol. 1a.
7. Arrow, K.J. Gifts and Exchanges / K.J. Arrow // Philosophy and Public Affairs. – 1974. – Vol. 1. – № 4. – P. 343–362.
8. Bachmann, R. Handbook of trust research / R. Bachmann, A. Zaheer. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. – 246 p.
9. Bjørnskov, C. How Does Social Trust Affect Economic Growth? / C. Bjørnskov // Southern Economic Journal. – 2012. – № 78 (4). – P. 1346–1368.
10. Blinder, A. Central bank communication and monetary policy: A survey of theory and evidence / A. Blinder, M. Ehrmann, M. Fratzscher, J. De Haan, D.-J. Jansen // Journal of Economic Literature. – 2008. – Vol. 46. – № 4. – P. 910–945.
11. Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. John G. Richardson. – Westport, CT: Greenwood Press, 1986. – P. 241–260.
12. Carl, N. Does intelligence explain the association between generalized trust and economic development? / N. Carl // Intelligence. – 2014. – № 47. – P. 83–92.

13. Chou, Y.K. *Three simple models of social capital and economic growth* / Y.K. Chou // *The Journal of Socio-Economics*. – 2006. – № 35 (5). – P. 889–912.
14. Davies, H. *Are independent central banks passé?* [Electronic resource] / H. Davies // *Project Syndicate*. – February 2020. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/threat-to-central-bank-independence-mainly-rhetorical-by-howard-davies-2020-02>. – Date of access: 12.03.2020.
15. *GDP per capita, PPP (current international \$)* [Electronic resource] // *World Bank: International Comparison Program database*. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart>. – Date of access: 13.03.2020.
16. *European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017)* [Electronic resource] // *GESIS Data Archive, Cologne*. – ZA7500 Data file Version 2.0.0. – Mode of access: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?no=7500&db=e&doi=10.4232/1.13314>. – Date of access: 13.03.2020.
17. Guiso, L. *Civic capital as the missing link* / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zingales // *Handbook of Social Economics*. – 2011. – 1A. – P. 417–479.
18. Haldane, A. *The 3 E's of central bank communication with the public* / A. Haldane, A. Macaulay, M. McMahon // *Bank of England*. – January 2020. – Staff Working Paper. – № 847. – 57 p.
19. Inglehart, R. *World Values Survey: Round Six* [Electronic resource] / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen et al. // *World Values Survey*. – Mode of access: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp. – Date of access: 13.03.2020.
20. Knack, S. *Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation* / S. Knack, P. Keefer // *Quarterly journal of Economics*. – 1997. – № 112 (4) – P. 1251–1288.
21. Moore, S. *Towards a Sociology of Institutional Transparency: Openness, Deception and the Problem of Public Trust* [Electronic resource] / S. Moore // *Sociology*. – 2017. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/003803851668653>. – Date of access: 05.03.2020.
22. *Trust in government, Policy effectiveness and the government agenda* // *OECD*. – 2013. – P. 19–38.
23. Wang, L. *Trust and institutions: A multilevel analysis* / L. Wang, P. Gordon // *The Journal of Socio-Economics*. – 2011. – № 40. – P. 583–593.
24. Whiteley, P.F. *Economic Growth and Social Capital* / F.P. Whiteley // *Political Studies*. – June 2000. – № 48 (3). – P. 443–466.

Confidence in the economy: what is it, how it works and why we need it?

Katerina BORNUKOVA, *BEROC Economic Research Center, Academic Director, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: bornukova@beroc.by.*

Nadezhda GODES, *National Bank of the Republic of Belarus, Monetary Policy and Economic Analysis Directorate, Chief Specialist, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: Godes_NV@nbrb.by.*

Evgenia SHCHERBA, *Polesky State University, student, Republic of Belarus, Pinsk, e-mail: e.sh98@mail.ru.*

Abstract. *The article provides an interdisciplinary analysis of the confidence category, examines the influence of confidence in the authorities and the expectations of economic agents on economic growth, stability, and reveals the role of communication policy in building confidence.*

Keywords: *confidence; social capital; expectation; sustainable economic growth; communication policy.*

Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития

Анастасия ЛУЗГИНА

Центр экономических исследований «БЕРОК», заместитель директора по развитию, кандидат экономических наук, доцент, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: Luzgina@beroc.by

УДК 338.001.36; 330.3; 336.7

Ключевые слова:

цифровизация; информатизация; цифровая экономика; стартап; технологический уклад; информационные технологии.

природных ресурсов, то в XXI в. особую ценность приобретает информация и человеческий капитал. Цифровая трансформация становится приоритетным стимулом экономического роста для многих стран. При рассмотрении положительных аспектов цифровизации следует также учитывать возможные риски. Однако прежде чем перейти к изучению плюсов и минусов цифровизации, следует определить ее сущность как экономической категории.

Сущность и преимущества цифровизации

Следует отметить, что дефиниции «цифровизация» («цифровая трансформация») и «информатизация» являются схожими, но не тождественными. Так, информатизация предполагает прежде всего внедрение информационных технологий в различные сферы общества с целью повышения эффективности их работы. В то же время цифровизация может быть рассмотрена в узком и широком значении. В первом случае под цифровизацией понимают «перевод информации в такой ее вид, как цифровая информация при помощи новых цифровых технологий, решений и процессов» [1, с. 141–142]. В широком и более популярном определении данная категория предполагает не только оцифровку данных, но также внедрение новых принципов работы, применение современных технологий, включая технологии искусственного интеллекта, дополненной реальности, блокчейн, интернет вещей и др., которые

повышают эффективность работы компаний, организаций, институтов и отраслей, а также создают человекоцентристскую модель экономики. Таким образом, в самом общем понимании цифровизация представляет собой культурные, организационные и операционные изменения в организации, отрасли или экосистеме путем продуманной и поэтапной интеграции цифровых технологий, процессов и компетенций на всех уровнях [2].

Процессы цифровизации и информатизации наблюдаются в большинстве стран мира и определяют развитие 4-й промышленной революции и переход к V и VI технологическим укладам. В то же время в Японии информатизация рассматривается как база для построения общества 5.0, в рамках которого планируется создание «super smart» общества. Данная стратегия предполагает концентрацию усилий на удовлетворение потребностей каждого человека, что включает не только технологическую перестройку производств, но также решение проблем, связанных со старением населения, борьбу с киберпреступлениями и прочими правонарушениями, а также решение экологических проблем и др. В качестве успешного примера цифровизации сектора государственных услуг можно также выделить опыт Эстонии, которая смогла построить наиболее совершенную на сегодняшний день систему электронного правительства и внедрить институт электронного резидентства [3].

Что касается Республики Беларусь, то цифровизация эко-

Развитие современной экономики во многом базируется на процессах цифровой трансформации. Создание глобальной сети Интернет, рост количества научных исследований и разработок, популяризация мобильной связи – это только часть факторов, которые способствуют переводу экономики в цифровой формат. При этом следует понимать, что цифровая трансформация может иметь разные темпы формирования как на микро-, так и на макроуровне, а также различаться по интенсивности в зависимости от отраслей экономики и иметь страновые особенности. Если еще лет 40–50 назад благосостояние того или иного государства во многом зависело от наличия

номики занимает одно из ключевых мест в рамках разработки и проведения экономической политики. Так, в стране реализуется Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [4], действует Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [5], принят Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» [6]. Цифровизация является неотъемлемой частью инновационного развития Республики Беларусь, приоритеты которого определены в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [7]. В свою очередь, Парк высоких технологий является катализатором развития ИТ-сектора страны. Также рассматривается вопрос о создании ИТ-вуза.

Усилия, которые тратят правительства многих государств на проведение цифровой трансформации, вполне оправданы. Цифровая трансформация имеет ряд положительных особенностей и преимуществ. Среди неоспоримых плюсов можно выделить повышение эффективности производств, сокращение издержек предприятий, создание новых инновационных продуктов, больший охват различных категорий клиентов компаний, повышение качества их обслуживания, создание новых рабочих мест в основном в сегменте высококвалифицированной рабочей силы, персонализация услуг и др.

Отдельно можно рассмотреть цифровизацию финансового сектора, результатом которой являются:

1. *Повышение прозрачности финансовых транзакций.* Дистанционное обслуживание клиентов, платежи с помощью мессенджеров и социальных сетей, популяризация маркетплейсов – все это предполагает повышение привлекательности онлайн-платежей и одновременно сокращение объема наличного денежного оборота.

2. *Развитие экономики совместного потребления (sharing economy) и стимулирование онлайн торговли.* Цифровизация финансового сектора является «драйвером», необходимым условием для развития цифровизации других сервисов. Например, вы-

звать такси (UBER, Lift, Яндекс такси) или арендовать автомобиль (car sharing), взять напрокат велосипед (Colobike) можно с помощью мобильного приложения, в котором оплата сервиса производится с банковской карты в онлайн-режиме. Развитие дистанционных способов оплаты, а также онлайн-кредитование стимулируют рост интернет-торговли.

3. *Формирование стартап-экосистемы и стимулирование предпринимательской активности.* Цифровизация финансовых услуг создала условия для допуска на финансовый рынок стартапов и различных институтов, для которых финансовое посредничество не является основным видом деятельности. Тем не менее современный финансовый рынок позволяет успешно конкурировать и сотрудничать друг с другом как мелким финтех-компаниям, сотовым операторам, так и банкам, другим финансовым институтам. Жесткая конкуренция и быстрое внедрение новых технологий расширяют продуктовую линейку и позволяют профессиональным участникам рынка учитывать потребности каждого клиента.

4. *Сокращение временных и финансовых затрат предприятий и организаций на доступ к финансовым ресурсам и проведение банковских транзакций.* Например, применение технологии блокчейн позволяет более быстро и эффективно проводить аккредитивные операции, работать с банковскими гарантиями и эмитировать токены для привлечения финансирования.

Развитие сектора ИКТ и его влияние на экономику

Одним из важных условий для проведения цифровой трансформации является наличие сильного сектора информационно-коммуникационных технологий (далее – сектор ИКТ). Например, в Беларуси значимость ИТ-услуг в экономике страны за последние 10 лет значительно увеличилась. Если еще в 2009 г. доля сектора «Информация и связь» в общем объеме ВВП составляла 2,3%, то по данным за 2019 г. этот показатель равнялся 6,2%. Для сравнения, доля не менее важного для белорусской экономики сектора «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» со-

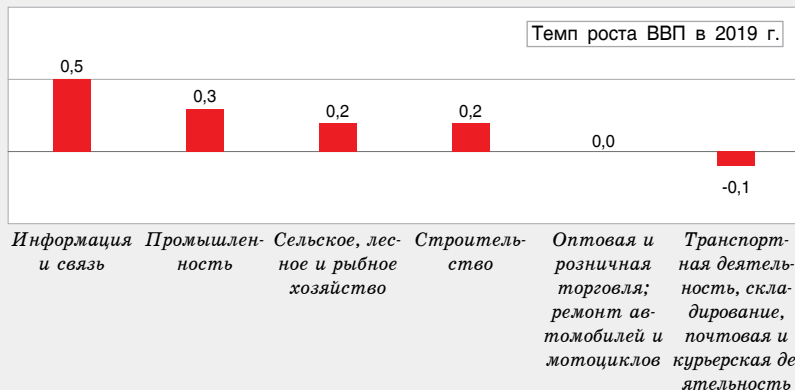
Таблица 1

ВВП и добавленная стоимость в Республике Беларусь, 2019 г.

	% от ВВП	В % к 2018 г. (сопоставимые цены)
ВВП	100	101,2
В том числе:		
Валовая добавленная стоимость	86,9	101,3
Из нее:		
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	6,8	103,1
Горнодобывающая промышленность	0,7	100,4
Обрабатывающая промышленность	21,3	101,2
Строительство	5,6	103,1
Оптовая и розничная торговля; Ремонт автомобилей и мотоциклов	9,4	100
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	5,9	98,4
Информация и связь	6,2	109,3

Источник: [8].

Влияние основных видов экономической деятельности на формирование темпа роста ВВП в Республике Беларусь в 2019 г.

Источник: [8].

Рисунок 1

новых рабочих мест и обеспечения привлекательного уровня оплаты труда. Повышение значимости данного сектора имеет также опосредованное положительное влияние на экономику, включая увеличение внутреннего потребления за счет высоких заработных плат ИТ-специалистов и стимулирования роста обслуживающих ИТ-сектор отраслей, таких как строительство, розничная торговля, общественное питание, сфера развлечений и др.

С другой стороны, сильный ИТ-сектор далеко не всегда является явным катализатором цифровой трансформации. Ориентация на внешние рынки может порождать недостаточный уровень обеспеченности ИТ-продуктами местных потребителей. Проблемой является недостаточная заинтересованность ИТ-компаний в работе с белорусскими клиентами из-за низкой маржинальности проектов. Кроме того, разрыв в оплате труда стимулирует переток квалифицированных кадров из разных сфер экономики в сектор ИКТ. Следует учитывать факт, что государственная и другие сферы экономики зачастую не могут обеспечить инженерам и программистам уровень оплаты, сопоставимый со средним уровнем дохода аналогичных

кратилась за период с 8,1 до 6,8% (таблица 1).

Повышение значимости ИКТ объясняется опережающими темпами роста данного сектора по сравнению с другими секторами экономики. Например, в 2019 г. из 1,2% прироста ВВП 0,5% было обеспечено за счет вклада сектора «Информация и связь» (рисунок 1).

Следует отметить, что активный рост ИКТ в стране стимулируется благоприятными налоговой и правовой средой, растущим спросом на ИТ-продукты на мировом рынке при относительной узости внутреннего спроса. Например, более 90% программного обеспечения, производимого в Парке высоких технологий (далее – ПВТ), идет на экспорт. Это, в свою очередь, оказывает положительное воздействие на торговый баланс страны, так как экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг постепенно увеличивается. Если в 2010 г. значение данного показателя равнялось 390,3 млн. долл. США, то в 2018 г. – 1 853,8 млн. долл. США. За счет опережающего роста доля компьютерных услуг в общем объеме экспорта услуг возросла с 4,5% в 2010 г. до 18% в 2018 г., уступив по значимости только транспортным услугам [9].

Растущий сектор ИКТ формирует устойчивый спрос на ИТ-специалистов, предлагая даже молодым работникам кон-

курентоспособную оплату труда. В результате средняя заработная плата в секторе «Информационные технологии и деятельность в области информационного обслуживания» в 2019 г. превысила 4 300 бел. рублей, в то время как средняя заработная плата в целом по стране составила чуть более 1 000 руб. (таблица 2).

Таким образом, развитие сектора ИКТ, безусловно, оказывает положительное влияние на рост экономики страны за счет увеличения экспорта услуг, создания

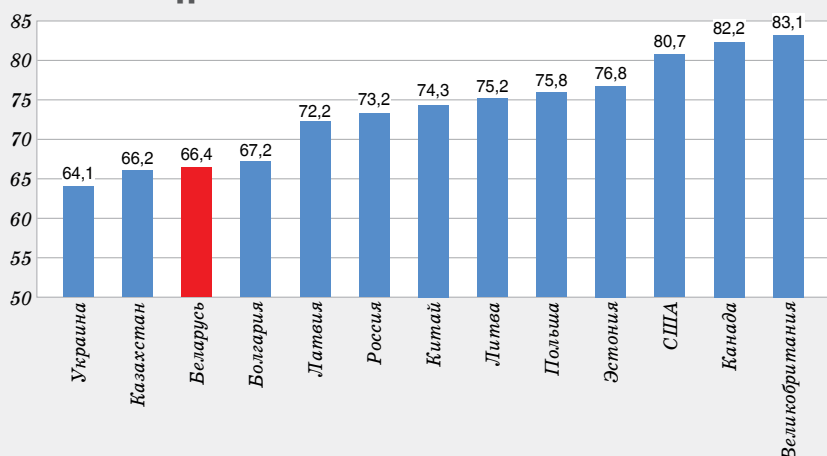
Таблица 2

Средняя заработная плата в Республике Беларусь в 2019 г.

	Номинальная средняя заработная плата в руб.
Средняя заработная плата	1 090,9
Промышленность	1 167,8
Строительство	1 235,9
Финансовая и страховая деятельность	1 715
Образование	767,6
Здравоохранение	876,4
Информационные технологии и деятельность в области информационного обслуживания	4 322,4
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	791,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	1 488
Государственное управление	1 325,8

Источник: [8].

Индекс мобильной связи GSMA – 2018

Источник: [10].

Рисунок 2

бальном индексе финтех – 2020, то из 65 стран Беларусь заняла 59-ю позицию по степени развитости финтех-рынка. Как и в предыдущих сравнениях, страны – соседи Беларуси имеют более высокие позиции. Например, Литва заняла 4-е место, Россия – 32-е, а Украина – 43-е. При этом нужно отметить, что наличие развитого финансового рынка является необязательным условием для становления финтех-сферы, в то время как инфраструктура, благоприятная правовая среда и экосистема имеют первостепенное значение для развития финтех-хабов [12].

Несмотря на средние показатели Беларуси в международных рейтингах, следует подчеркнуть потенциальные точки роста, которые могут способствовать ускорению цифровой трансформации и повышению рейтинга страны в международных сравнениях. Это касается прежде всего роста кадрового потенциала в научной сфере. Например, количество исследователей на 10 000 населения составило в 2018 г. 18,8, в то время как в 2017 г. данный показатель равнялся 17,8. Одновременно наблюдалось увеличение затрат на научно-исследовательские разработки. Положительным моментом стало развитие системы технопарков, которые становятся центрами притяжения инновационных производств и разработок. Проведение

специалистов в ИТ-компаниях. Сложность ситуации заключается также в том, что выравнивание заработных плат ИТ-специалистов, занятых в разных отраслях экономики, представляется затруднительным, так как регулирование оплаты труда может быстро привести к оттоку квалифицированных ИТ-кадров из страны.

Позиция Беларуси в международных рейтингах и другие вызовы цифровизации

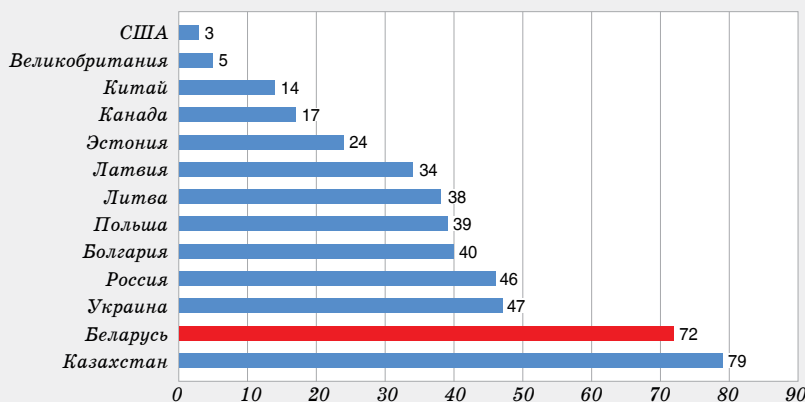
Тот факт, что Беларусь не является лидером в сфере цифровизации, подтверждают международные рейтинги. Например, в Индексе мобильной связи GSMA* – 2018 (GSMA Mobile Connectivity Index) показатель Беларуси составил 66,4 из 100 возможных. Это один из самых низких результатов, если сравнивать позицию страны с государствами-соседями. Только Украина набрала меньшее количество баллов (рисунок 2). При этом, если обратиться к индикаторам, из которых рассчитывается данный индекс, то невысокие показатели Беларуси получила при оценке на белорусском рынке стоимости смартфонов, уровня налогообложения, определения степени проникновения социальных сетей, оценке онлайн-безопасности и в некоторых других сферах. В

то же время страна имеет хорошие позиции в сфере развития электронного правительства, обеспечения гендерного равенства и оценке степени покрытия мобильной связью.

Если обратиться к Глобальному индексу инноваций, то в 2019 г. Беларусь заняла в нем 72-е место. Страна переместилась на 14 позиций выше по сравнению с результатами 2018 г. В то же время все страны – соседи Беларуси имеют лучшие показатели и входят в топ-50 стран данного рейтинга (рисунок 3).

Наконец, если проанализировать место нашей страны в Гло-

Место стран в Глобальном индексе инноваций – 2019

Источник: [11].

Рисунок 3

* Данный индекс определяет уровень проникновения мобильной связи, ее качество, стоимость, доступность, безопасность транзакций.

ние цифровизации государственных услуг и высокий уровень развития человеческого капитала позволили республике занять 57-е место среди 193 стран в рейтинге Индекса развития электронного правительства ООН (EGDI) [13]. При этом следует отметить, что в 2018 г. Беларусь находилась на 38-м месте в данном рейтинге. Исходя из этого можно сделать вывод, что одним из вызовов цифровой трансформации является риск перехода страны в разряд государств с экономиками отстающего развития. Процессы цифровизации развиваются стремительно во всем мире, в результате за короткий период времени страна из лидеров может переместиться в разряд отстающих и наоборот [14; 15].

Учитывая растущую значимость цифровизации, важно правильно оценить ее уровень. В настоящее время в Беларуси размеры цифровой экономики определяются как доля сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП (так называемый «узкий подход»). Как отмечалось выше, сейчас она составляет 6,2% ВВП. Однако с учетом проникновения информационных технологий во все сферы экономики вышеприведенный подход является недостаточно информативным для всесторонней оценки цифровой трансформации.

Действительно, если обратиться к опыту стран – лидеров в цифровой сфере, то они используют более комплексный подход. Он предполагает оценку «по узкому подходу», а также включает оценку дополнительного эффекта цифровизации для различных отраслей экономики. Например, Китайская академия информации и коммуникационных технологий предлагает рассчитывать прямые и косвенные затраты экономики на услуги ИКТ на основе таблиц «Затраты – Выпуск» [16]. По этой методологии цифровая экономика Китая в 2017 г. составляла 32,9% к ВВП. В 2025 г. ожидается рост данного показателя до 50% к ВВП. Еще один подход основан на использовании косвенных методов определения уровня цифровизации, включающих оценку масштабов «цифровых транзакций» [17; 18].

Ни один из вышеперечисленных комплексных подходов в настоящее время не нашел применения для оценки цифровизации экономики Беларуси. В связи с тем, что одной из приоритетных задач национального экономического развития является цифровая трансформация, видится целесообразным усовершенствовать методологию расчета размера цифровой экономики и рассмотреть возможность использования более комплексного подхода для определения национального уровня цифровизации и международных сопоставлений.

Среди других вызовов цифровизации можно выделить следующие:

1. *Цифровая трансформация легче реализуется в сфере услуг.* Это связано с более низкими затратами на осуществление проектов в данной сфере и их более быстрой отдачей по сравнению с проектами в сфере производства. В то же время цифровая трансформация предприятий промышленности, АПК и других отраслей является обязательным условием для построения цифровой экономики.

2. *Недостаточный уровень цифровой грамотности населения может замедлять цифровую трансформацию.* Внедрение современных систем обработки информации, оказание услуг на дистанционной основе предполагают наличие навыков потребления (каналов получения) таких сервисов конечными потребителями.

3. *Цифровизация требует привлечения как национальных, так и иностранных инвестиций.* Недостаток финансирования может ограничить объемы и ухудшить качество внедряемых технологий.

4. *Отрицательным результатом цифровизации является сокращение рабочих мест в основном низкоквалифицированных специальностей.* Для сглаживания негативных последствий на рынке труда необходимо обеспечить возможность переквалификации и получения востребованных навыков высвобождаемыми кадрами и одновременно создать систему поддержки безработных на период обучения и поиска нового места работы.

5. *Цифровизация не должна быть самоцелью.* Установка инновационного оборудования на производстве или внедрение сложных информационных систем может потребовать дополнительного обучения персонала, привлечения новых специалистов, а также финансовых ресурсов, связанных с покупкой (разработкой) и установкой новых систем. Без детальной оценки будущих результатов цифровой трансформации расходы компаний могут превысить доходы от инновационной деятельности и привести к убыткам.

В целом следует заключить, что цифровизация экономики – это объективный процесс, благодаря которому повышается качество и скорость экономического развития, а также развиваются новые виды сервисов и продуктов, ориентированных на нужды и потребности конкретного человека. Безусловным драйвером цифровой трансформации является сектор ИКТ. Однако аутсорсинговая модель функционирования данного сектора в Беларуси и внутренние ограничители не позволяют в полной мере воспользоваться накопленным потенциалом для проведения цифровизации национальной экономики. Так, если обратиться к международным индексам, характеризующим разные стороны цифровой трансформации, то Беларусь зачастую имеет более скромные результаты даже в сравнении со странами-соседями. Невысокие показатели требуют более детального изучения, так как в данном случае может быть реализован риск перехода экономики в состояние «отстающего развития» в цифровой среде. В этой связи следует пересмотреть методики оценки общего уровня цифровизации национальной экономики и апробировать использование более комплексного подхода. Наконец, следует учитывать общие вызовы и риски, которые могут быть реализованы в процессе цифровой трансформации. Объективная оценка вызовов и разработка мер по предупреждению рисков позволят усилить положительный результат цифровизации.

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. Некрасов, В.Н. Инновация, информатизация, цифровизация: соотношение и особенности правовой регламентации // В.Н. Некрасов / Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 11А. – С. 137–143.
2. Digital transformation: online guide to digital business transformation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.i-scoop.eu/digital-transformation/>. – Date of access: 28.02.2020.
3. Toward realization of the new economy and society – Reform of the economy and society by the deepening of «Society 5.0», April 19, 2016 // Japan Business Federation. – Mode of access: http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/029_outline.pdf. – Date of access: 01.02.2020.
4. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы: одоб. постановлением коллегии М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь, 30 сент. 2015 г., № 35 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. О Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»: постановление Палаты представителей Национального собрания Респ. Беларусь, 14 июня 2018 г., № 263-П6/IV // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 апр. 2017 г., № 320 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – декабре 2019 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_16223/. – Дата доступа: 22.02.2020.
9. Внешняя торговля Республики Беларусь, 2019 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14655/. – Дата доступа: 12.02.2020.
10. GSMA Mobile Connectivity Index [Electronic resource] // GSMA. – Mode of access: <https://www.mobileconnectivityindex.com/>. – Date of access: 02.03.2020.
11. Global Innovation Index, 2019 [Electronic resource] // KNMA. – Mode of access: <https://knoema.com/GII2018Aug/global-innovation-index-2019>. – Date of access: 01.03.2020.
12. The Global FinTech Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://findexable.com/wp-content/uploads/2019/12/Findexable_Global-Fintech-Rankings-2020exSFA.pdf. – Date of access: 02.03.2020.
13. Шумилин, А.Г. На надежном фундаменте инноваций [Электронный ресурс] / А.Г. Шумилин // Беларуская думка. – Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/notes/stati/na-nadezhnom-fundamente-innovatsiy-statya-a-g-shumilina-v-zhurnale-belaruskaya-dumka/>. – Дата доступа: 20.02.2020.
14. Беларусь – на 38-м месте в рейтинге ООН по уровню развития e-gov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by/ivents/belarus-na-38-m-meste-v-rejtinge-oon-po-urovnyu-razvitiya-e-gov>. – Дата доступа: 02.03.2020.
15. UN E-Government Surveys [Electronic resource]. – Mode of access: <https://publicadministration.un.org/en/research/un-e-government-surveys>. – Date of access: 22.02.2020.
16. Zhang, L. China's Digital Economy: Opportunities and Risks. IMF Working Paper, 2019 [Electronic resource] / L. Zhang, S. Chen // The International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459>. – Date of access: 12.02.2020.
17. Банке, Б. Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике. The Boston Consulting Group, 2017 [Электронный ресурс] / Б. Банке, В. Бутейко и др. // Docplayer. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/65797644-Rossiya-online-chetyre-prioriteta-dlya-proryva-v-cifrovoy-ekonomike.html>. – Дата доступа: 11.01.2020.
18. Цифровая экономика – 2020: краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>. – Дата доступа: 03.03.2020.

Digital transformation of the national economy: challenges and development prospects

Anastasiya LUZGINA, BEROC Economic Research Center, Deputy Director for Development, PhD in Economics, Associate Professor, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: Luzgina@beroc.by.

Abstract. The article reveals the concept of digitalization in a narrow and broad sense, and also determines its difference from informatization. Positioning of the Republic of Belarus in international ratings was analyzed, which allows to determine the degree of digital adaptation of certain areas of the Belarusian economy in comparison with the situation in neighboring countries. The author analyzes the impact of the ICT sector on the country's economy, and also reveals the main advantages of digitalization and identifies the challenges that governments face when converting the economy to the digital format.

Keywords: digitalization; informatization; digital economy; startup technological structure; information technologies.

Развитие конкуренции как условие экономического роста

УДК 339.137.2, 339.13.012.42, 339.13.012.434

Ключевые слова:
конкуренция; монополия.

Мировая экономическая теория и практика подтверждают значимость свободной конкуренции как одного из важнейших факторов экономического роста и конкурентоспособности национальной экономики на международном рынке. Именно принцип состязательности вынуждает субъектов хозяйствования постоянно снижать издержки, оптимизировать процессы производства и реализации продукции и услуг, выводить на рынок новые инновационные продукты и услуги, непрерывно повышать качество производимых товаров и услуг и обслуживания потребителей.

Экономические исследования показывают, что развитие конкуренции способствует росту производительности факторов производства, и такой прирост производительности может составлять до 1,5 раза, в зависимости от конкретных стран и продуктовых рынков. Положительное влияние конкуренции на экономику происходит за счет большого числа факторов, в том числе роста производительности, увеличения экспорта, повышения инвестиционной активности, роста налоговых поступлений, технологического и качественного развития конкурирующих субъектов, а также за счет реализации эффекта мультипликатора в рамках модели «Затраты – Выпуск» (т. е. через влияние на другие взаимосвязанные сектора и рынки).

Таким образом, конкуренция способствует росту производительности факторов производства и вносит соответствующий вклад в рост ВВП. В условиях необходимости поиска новых источников экономического роста развитие конкуренции в Беларуси могло бы стать одним из важнейших решений актуальной проблемы.

Однако в сегодняшних условиях в Беларуси указанные выше принципы конкуренции не работают в полной мере, что связывается с широкой представленностью государственных предприятий в экономике. Так, в различных отраслях экономики доля государственного сектора превышает 40–50%. Практически в каждой отрасли и на каждом рынке частный сектор в большей или меньшей степени сталкивается с конкуренцией со стороны государственных предприятий.

В силу наличия у государственных предприятий высокой социальной нагрузки (поддержание занятости, решение вопросов развития инфраструктуры, субсидирование других государственных предприятий и иные) их изначальная конкурентная позиция по отношению к частному сектору зачастую слабее. Это вынуждает государство в лице отраслевых регуляторов применять преференциальные условия ведения деятельности для государственных предприятий, которые им подотчетны, что выражается в существовании барьеров для входа на рынки, на которых работают государственные предприятия, а также ограничений и неравных условий хозяйственной деятельности. В результате ввиду наличия ограничений для частного сектора и преференциальных условий для государственных предприятий в отдельных отраслях возникают условия низкого уровня состязательности среди игроков. Такая ситуация не стимулирует государственные предприятия повышать свою эффективность, что отражается на результатах их работы, особенно в сравнении с конкурентами частной формы собственности даже внутри Беларуси (т. е. даже не прибегая к международным сравнениям эффективности).

Как следствие, государство вынуждено и далее поддерживать зачастую неэффективные государственные предприятия, и таким образом этот круг неэффективности не прерывается.

Международные организации, которые уделяют большое внимание вопросу эффективности государственного сектора в экономике (Всемирный банк [2], Организация экономического сотрудничества и развития [3] и др.) сходятся во мнении, что так называемые «коммерческие» (т. е. непосредственно относящиеся к основному виду деятельности и направленные на получение прибыли) и «некоммерческие» (не связанные с получением прибыли, т. н. «социальная функция») виды деятельности организаций государственной формы собственности должны быть в обязательном порядке разделены и подлежать отдельному учету. Такие подходы во многих странах закреплены на законодательном уровне. Например, в Европейском союзе еще в 1980 г. была принята Директива 80/723/ЕЕС [4], которой установлены требования к прозрачности любых финансовых потоков между органами государственного управления и контролируемые ими субъектами.

В Беларуси ни регуляторами, ни экспертами не проводилась оценка затрат на выполнение такой «социальной функции», реализуемой государственными предприятиями, поскольку необходимый уровень прозрачности всех взаимоотношений между государством и находящимися в его собственности предприятиями не обеспечен.

При этом разделение коммерческих и некоммерческих функций (видов деятельности) государственных предприятий вовсе не означает, что такими предпри-

Таблица

Расчет эффективности предприятий молочной промышленности Беларуси, 2017 г.

Производитель	Выручка, млн. BYN	Мощность переработки, в день, тонн	Соотношение выручки к мощности (из расчета 365 дней)
Частные предприятия или предприятия с частным капиталом			
Савушкин продукт	901	2 500	1 002 рубля на 1 тонну
Данон Беларусь	348	500	1 933 рубля на 1 тонну
Беллакт	260	700	1 032 рубля на 1 тонну
Туровский молочный завод	110	400	763 рубля на 1 тонну
Государственные предприятия			
Слуцкий сыродельный комбинат	581	2 100	769 рублей на 1 тонну
Бабушкина крынка	525	1 700	859 рублей на 1 тонну
Милкавита	245	1 000	682 рубля на 1 тонну
ММЗ № 1	312	>900	962 рубля на 1 тонну
Рогачевский МКК	304	1 400	603 рубля на 1 тонну
Лидский МКК	283	1 100	714 рублей на 1 тонну
Молочный мир	251	580	1 204 рубля на 1 тонну
Здравушка	223	810	764 рубля на 1 тонну
Молодечненский МК	151	550	764 рубля на 1 тонну
Молоко Витебск	148	700	586 рублей на 1 тонну
Щучинский маслосырзавод	132	450	813 рублей на 1 тонну
Новогрудские дары	123	520	655 рублей на 1 тонну
Кобринский маслосырзавод	144	320	1 260 рублей на 1 тонну
Барановичский молочный комбинат	120	450	743 рубля на 1 тонну
Молочные горки	116	400	806 рублей на 1 тонну

Примечания: 1. Расчет основывается на мощностях предприятий в указанный финансовый период, фактический объем переработки может отличаться, однако расчет исходит из предполагаемого относительно равномерного распределения загрузки мощностей в отрасли.

2. Открытые данные предприятий по суточной мощности переработки молока, [5].

иятиями не должна реализовываться «социальная функция». Ключевая цель заключается в том, чтобы определить реальные экономические параметры подобной «социальной функции» и, соответственно, более точно рассчитать показатели эффективности коммерческой части бизнеса госпредприятий. Такой расчет позволит получить ответ на вопрос о причинах недостаточной конкурентоспособности конкретного предприятия по сравнению с другими игроками рынка, а также о факторах, формирующих такие провалы в эффективности. Уже с учетом понимания конкретных причин целесообразна выработка соответствующих мер, направленных на повышение эффективности и конкурентоспособ-

ности государственных предприятий, в том числе и через развитие конкуренции.

Оценка потенциального экономического эффекта в результате роста эффективности и производительности в экономике может быть выполнена на основании анализа имеющихся различий в эффективности предприятий. Только на отдельно рассмотренном примере молочной промышленности можно получить расчет, показывающий, что в среднем эффективность предприятий с частным капиталом в 1,4 раза превышает среднюю эффективность государственных заводов, а самое эффективное предприятие по показателю соотношения выручки к физическим объемам переработки сырого молока (т. е. выход конеч-

ной продукции из сырого молока) превосходит самое неэффективное в 3,2 раза (таблица).

На основании сравнения величины потенциально достижимого эффекта для экономики в результате повышения эффективности, с одной стороны, и оценки расходов, связанных с реализацией социальных функций, с другой стороны, может быть принято решение о необходимости создания стимулирующих условий для повышения уровня состоятельности на конкретных рынках, что позволит реализовать положительные эффекты влияния конкуренции, описанные выше. Укрупненные расчеты показывают, что стимулирование развития конкуренции в Беларуси может способствовать значительному росту эффективно-

сти и обеспечить таким образом дополнительный прирост ВВП на порядка 1–3% в год.

При этом важно, что положительный эффект для экономики будет достигаться в том числе за счет роста эффективности государственных предприятий, которые в условиях конкуренции будут вынуждены повышать эффективность использования факторов производства.

Таким образом, указанный выше подход позволит объективно сравнить эффективность

хозяйствования предприятий государственного и частного сектора. Это, в свою очередь, позволит определить целесообразность развития конкуренции в том или ином секторе экономики и те конкурентные сегменты рынка, где присутствие и доминирование государственных предприятий на самом деле оправданно.

Роман ОСИПОВ,
ЗАО «Инвестиционная компания
«Юнитер», директор,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: osipov@uniter.by

Елена МИНИЧ,
ЗАО «Инвестиционная компания
«Юнитер», руководитель отдела
исследований и аналитики,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: e.minich@uniter.by

Владислав АРТЮХ
ЗАО «Инвестиционная компания
«Юнитер», старший аналитик отдела
исследований и аналитики,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: v.artsiukh@uniter.by

* * *

Материал поступил 30.03.2020.

Библиографический список:

1. WBG Market and Competition Policy Assessment Toolkit [Electronic resource] // Development Research Group, World Bank. – Washington D.C., 2018. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/topic/competition-policy>. – Date of access: 12.02.2020.
2. Corporate Governance of State-Owned Enterprises [Electronic resource] // A Toolkit by the World Bank Group. – Paris, OECD, 2016. – Mode of access: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-on-corporate-governance-of-state-owned-enterprises-2015-edition_9789264263680-ru. – Date of access: 12.02.2020.
3. Balancing Commercial and Non-Commercial Priorities of State-Owned Enterprises [Electronic resource] // OECD Corporate Governance Working Papers № 6. – Mode of access: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/balancing-commercial-and-non-commercial-priorities-of-state-owned-enterprises_5k4dkhztkp9r-en. – Date of access: 13.02.2020.
4. Commission Directive 80/723/EEC of 25 June 1980 on the transparency of financial relations between Member States and public undertaking [Electronic resource] // Official Journal L 19, 29.07.1980. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/eudr/1980/723/adopted>. – Date of access: 14.02.2020.
5. Рейтинг белорусских молочных предприятий по официальной выручке в 2017 году [Электронный ресурс] // Экономическая газета. – 2018. – 21 сент. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/top-20-belorusskih-molochnyh-predpriyatij-po-oficialnoj-vyruchke-v-2017-godu>. – Дата доступа: 14.02.2020.

Developing competitiveness as a condition of economic growth

Raman OSIPAU, UNITER Investment Company, Director, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: osipov@uniter.by.

Alena MINICH, UNITER Investment Company, Head of Research and Analytics Division, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: e.minich@uniter.by.

Vladislav ARTSIUKH, UNITER Investment Company, Senior Analyst of Research and Analytics Division, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: v.artsiukh@uniter.by.

Abstract. Competitiveness is one of the most important factors of the economic growth, stimulating firms to increase productivity. In Belarus, development of competitiveness is constrained by a wide presence of state enterprises. Stimulating development of competitiveness in Belarus can promote significant growth in effectiveness and provide additional an 1–3% to the annual GDP increase.

Keywords: competitiveness; monopoly.

Рынок труда: ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ

Глеб ШИМАНОВИЧ

Исследовательский центр ИГМ,
экономист,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: shymanovich@research.by

Антон БОЛТОЧКО

Американский университет (AU),
США, г. Вашингтон,
e-mail: ba6406a@student.american.edu

УДК 331.5

Ключевые слова:

рынок труда; гибкость; занятость; безработица; пособие; опрос; государственное регулирование.

циональной реакции рынка труда на структурные изменения [1]. Вследствие этого во многих исследованиях указывается проблема медленной реаллокации трудовых ресурсов из неэффективных секторов экономики в эффективные, которая замедляет экономический рост Беларуси [2; 3].

Низкая гибкость рынка труда Беларуси являлась результатом экономической политики государства. На протяжении многих лет в Беларуси проводилась политика поддержания полной занятости и роста реальной заработной платы с использованием директивных мер воздействия на экономику. Этому также способствовала структура экономики – преобладание государственного сектора в общем объеме занятости населения позволяло напрямую обеспечивать номинальный рост заработной платы. Сформированные институты рынка труда при этом имели ограниченное влияние. В частности, пособие по безработице, профсоюзное движение, минимальная заработная плата, система обеспечения исполнения контракта не играли важной роли в Беларуси. Часто это являлось результатом их незначительного формального статуса; в некоторых случаях они подменялись неформальными договоренностями, позволяющими обойти институциональные правила, установленные законодательством.

Снижение роли госпредприятий и другие структурные изменения на рынке труда

Административное вмешательство в работу рынка труда привело к искажению механизмов адаптации рынка труда. Вместо снижения занятости или зара-

ботной платы предприятия были вынуждены использовать практику: а) перевода работников на неполный рабочий день; б) предоставления отпуска без или с частичным сохранением заработной платы; в) целодневного простоя. Работники, в свою очередь, стали склонны приоритизировать формальную занятость над изменением места и условий трудоустройства. При этом для компенсации выпадающих доходов население искало подработку. По данным опроса за 2015 г., дополнительные источники дохода имели более 25% работников [1]. Зачастую данная подработка носит неформальный характер или связана с трудовой миграцией.

Однако изменения в подходах к экономической политике на фоне кризисных явлений в 2011 г. и 2015 г. способствовали восстановлению гибкости рынка труда. Государство во многом отказалось от стимулирования роста заработной платы, что восстановило связь между темпами ее роста и динамикой производительности труда (рисунк 1). Предприятия, столкнувшись с сокращением государственной поддержки и более жесткими бюджетными ограничениями, стали активнее сокращать избыточную занятость. Вследствие этого ухудшение экономической ситуации в 2011 г. и 2015 г. напрямую отразилось на уровне занятости населения, в то время как в предыдущие годы связи между колебаниями в экономической конъюнктуре и занятостью не наблюдалось (рисунк 2). Соответственно, в 2015–2017 гг. в Беларуси был зафиксирован рост безработицы (рисунк 3). При этом ранее выработанные инструменты адаптации также работали. В Беларуси произошло увеличение неформаль-

Рынок труда Беларуси долгое время характеризовался низкой гибкостью и способностью адаптироваться к колебаниям в экономической конъюнктуре. Это связывали со слабой эффективностью инструментов количественной, качественной, ценовой и институ-

ного сектора экономики, а также значительный рост числа случаев неполной занятости.

В экономике также произошли значительные изменения в структуре занятости по форме собственности предприятий. Удельный вес частного сектора существенно вырос (рисунок 4). Во многом этому способствовало начатое с 2011 г. сокращение занятости на государственных предприятиях, вызванное жесткими бюджетными ограничениями и проблемами с эффективностью управления ими [4].

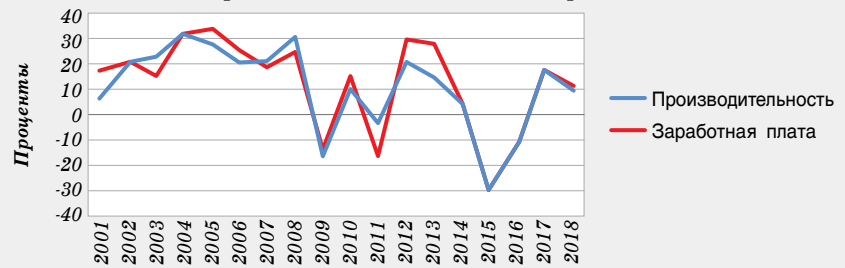
Вызовы для населения, связанные с рынком труда

Население также меняет свои установки. Согласно опросу 2019 г., респонденты стали склонными идти на риск. Выбирая между возможностью «получать пусть небольшую, но стабильную заработную плату» и «получать больше, но идти на риск, принимая на себя значительную ответственность», большинство респондентов предпочитает идти на риск (53,5% против 35,4% [5]). В 2008 г. результаты опроса были противоположными – на риск готово было идти 36,1%, а стабильность выбирало 58,1% [6].

Одновременно с этим для населения снизилось влияние социальной поддержки, которую оно получало через государственное регулирование рынка труда и занятость на государственных предприятиях. При этом меры социальной политики не претерпели изменений. Как следствие, результаты опроса населения [5; 7] показывают высокую актуальность проблемы безработицы и социальной защиты для населения, уязвимого к риску потери занятости.

Безработица является третьей по остроте социально-экономической проблемой для населения Беларуси. Более остро население воспринимает только низкий уровень доходов и высокий рост цен. При выборе пяти из 22 проблем, актуальных для Беларуси, безработицу отметило 43,2% респондентов [5]. Например, алкоголизм отметило только 36,1% респондентов. Соответственно, при оценке вызовов непосредственно на рынке труда население также

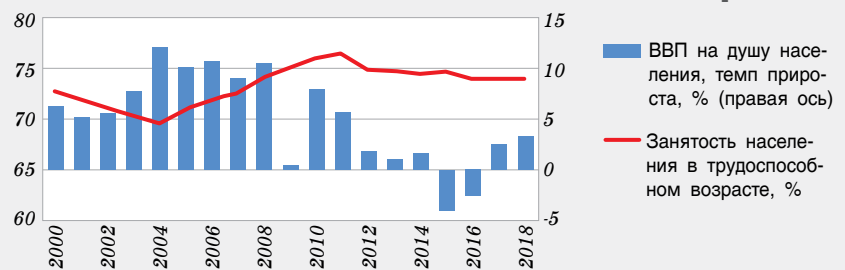
Темпы прироста номинальной производительности труда и заработной платы в долларах США

Примечание. Разработка авторов на основе [8].

Рисунок 1

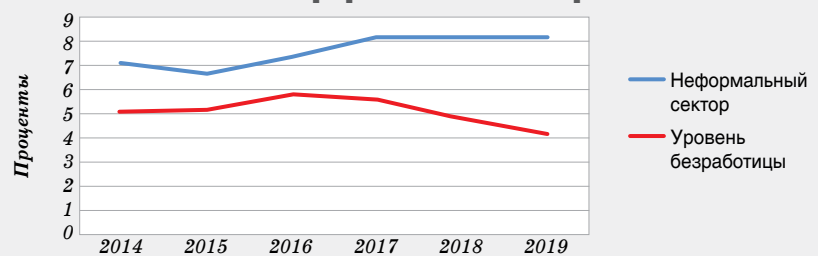
Динамика занятости и темпов экономического роста

Примечание. Разработка авторов на основе [8].

Рисунок 2

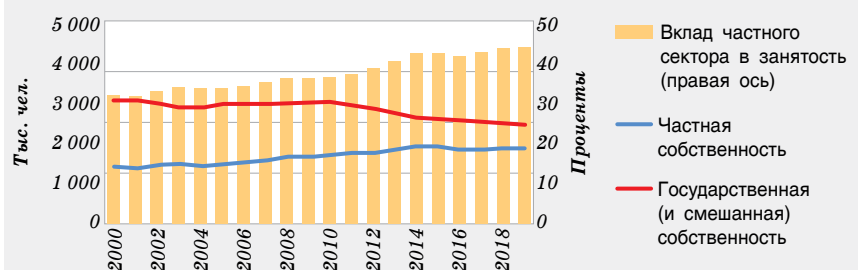
Динамика безработицы и занятости в неформальном секторе

Примечание. Разработка авторов на основе [8].

Рисунок 3

Динамика занятости в зависимости от формы собственности

Примечание. Разработка авторов на основе [8].

Рисунок 4

называло риск потери работы и безработицу в качестве основной проблемы наряду с малым количеством вакансий с достойной заработной платой. Данные проблемы отметили 55,3% и 59,6% респондентов соответственно, имея возможность выбрать до трех проблем из 12, потенциально актуальных для рынка труда Беларуси. Третьей по остроте проблемой на рынке труда для населения является ущемление прав работников в связи с распространением срочных трудовых контрактов. При этом слабую поддержку безработных в качестве актуальных проблем для рынка труда называло только 12,7% респондентов [9].

Такая разбежка в восприятии риска безработицы и необходимости усилить поддержку безработным связана с тем, что население не склонно полагаться на государство в решении данной проблемы. В случае потери работы население полагается в первую очередь на себя, а также своих родственников и знакомых. Только 28,7% респондентов считает, что можно положиться на государственные службы занятости [10].

Острота восприятия проблемы безработицы связана с высокой оценкой риска потери собственной работы и низкой оценкой собственных возможностей по поиску нового места трудоустройства. О том, что риск потери работы высокий, сказала 65,1% респондентов, а что найти новую работу сложно – 64,5% респондентов. В реальности с продолжительной безработицей, когда в течение полугода не получалось найти работу, сталкивалось 26,4% респондентов. При этом риск безработицы, по мнению населения, существенно отличается для разных групп населения. Наиболее высокие риски потери занятости у работающих пенсионеров и людей предпенсионного возраста. Наибольшие сложности в поиске новой работы – у женщин с маленькими детьми и молодежи без опыта работы. Занятые на частных предприятиях с большей вероятностью могут потерять работу, чем занятые на государственных. Самый же низкий риск потери работы у занятых в бюджетных организациях [9].

Барьеры для бизнеса на рынке труда

Как и население, бизнес тоже видит в рынке труда и его регулировании определенные барьеры своего развития. В первую очередь это относится к ставкам отчислений в Фонд социальной защиты населения (ФСЗН). Согласно результатам совместного опроса предприятий Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Всемирного банка, проведенного в 2018–2019 гг. [11], налоговые ставки в качестве ключевого барьера для развития бизнеса называло 21,7% предприятий. Опрос же Исследовательского центра ИПМ, проведенный в 2020 г., показал, что наиболее остро бизнес воспринимает проблему ставок отчислений в ФСЗН. Соответствующие ставки назвали высокими 44,2% респондентов и слишком высокими – 27%. Средний балл оценки их размера по шкале от 1 (слишком низкие) до 5 (слишком высокие) соответствует 4. Средний балл оценки размера ставок остальных налогов значительно ниже (в районе 3,4–3,7 [9]).

Актуальной проблемой для предприятий также является неадекватное качество предложения труда. Согласно результатам опроса ЕИБ, ЕБРР и Всемирного банка, данная проблема является третьим по значимости барьером в развитии бизнеса. Однако сравнение с другими странами показывает, что острота проблемы качества трудовых ресурсов в Беларуси не выше средней по странам Европы и Центральной Азии. На вопрос с просьбой оценить степень значимости барьера по шкале от 1 (незначимый барьер) до 5 (крайне значимый барьер) только 18,3% респондентов выставили оценку 4 балла и выше. В среднем по странам Европы и Центральной Азии такие баллы ставило 2,4% респондентов.

Напротив, регулирование рынка труда не является значимым препятствием ведению бизнеса в Беларуси. На высокую значимость данного барьера указало только 6,3% респондентов. Это немного ниже среднего уровня для стран Европы и Центральной Азии (9,1%). Таким образом, предпри-

ятия ощущают некоторую ограниченность в предложении рабочей силы, но достаточно свободны в найме и увольнении сотрудников. Основной же преградой для них являются высокие ставки отчислений в ФСЗН.

Существующее регулирование рынка труда дает большие возможности предприятиям для гибкой реакции на изменения в экономической конъюнктуре. По данным социологических исследований, две трети работников в экономике занято на срочных трудовых контрактах [1], и многие из них продолжительностью в один год. Данная форма трудоустройства позволяет предприятиям достаточно оперативно сокращать занятость, не неся издержек по выплате выходного пособия. Государственное регулирование оплаты труда на предприятиях также ограничено. Фактически оно сводится к установлению минимальной заработной платы.

Одновременно с этим происходит увеличение роли частного сектора в экономике, который оперативно корректирует занятость и уровень оплаты труда в периоды кризиса [12; 13]. Государственный сектор работает в условиях относительно жестких бюджетных ограничений, которые не позволяют ему выполнять социальные функции в той же мере, что и ранее. Следствием этого является выросшая уязвимость населения к риску потери рабочих мест и безработице. При этом система социальной поддержки в Беларуси достаточно ограничена в предоставлении помощи безработным. Они могут рассчитывать на пособие по безработице и государственную адресную социальную помощь (ГАСП). Однако размеры как пособия по безработице, так и ежемесячного пособия в рамках ГАСП незначительны, что связано с их увязкой к бюджету прожиточного минимума. Вследствие этого любые значительные макроэкономические шоки могут в дальнейшем вести к существенному росту как безработицы, так и бедности.

Роль государства: поддержка безработных и продвижение занятости

Возможности государства по изменению системы поддержки

безработных достаточно ограничены. Это связано с высокой налоговой нагрузкой на предприятия, которая вызвана уплатой отчислений в ФСЗН. В таких условиях наиболее очевидным решением является увеличение размера пособия по безработице. С учетом существующих жестких ограничений в условиях и сроках получения пособия увеличение его размера не должно привести к снижению мотивации безработных к оперативному поиску нового места трудоустройства. При этом риск потери работы наиболее высок для социально уязвимых групп населения, что делает пособие по безработице особенно эффективным в борьбе с бедностью [14].

В дополнение к материальной поддержке безработных в Беларуси действуют инструменты активной политики на рынке труда. Однако в системе существует перекос в сторону предоставления низкооплачиваемой работы вместо принятия мер по увеличению конкурентоспособности работников на рынке и развитию среди них предпринимательства и самозанятости. В частности, общее число безработных в Беларуси по методологии МОТ в 2019 г. составило 213,3 тыс., а количество обращений за содействием в трудоустройстве – 178,5 тыс. Кроме того, 37,6 тыс. человек было направлено на оплачиваемые общественные работы. В то же время на переподготовку было направлено только 5,5 тыс. человек, 1,7 тыс. безработным было оказано содействие в организации предпринимательской деятельности и 154 семьи безработных было переселено. Для увеличения

эффективности активной политики на рынке труда необходимо развитие мер, связанных с практическим обучением без отрыва от производства, обеспечивающим связь программ обучения с интересами работодателей. Наличие данных инструментов наряду с повышенным пособием по безработице позволит снизить социальные издержки от реструктуризации неэффективных государственных предприятий, которая неизбежна в условиях жестких бюджетных ограничений.

Заключение

Рынок труда в Беларуси претерпел ряд структурных изменений за последние 10 лет. В прошлом спрос на рынке был представлен в первую очередь государственными предприятиями, которые выступали гарантами занятости. При этом население тоже в первую очередь ценило стабильность и не было готово жертвовать ею ради возможности более высоких заработков. Это вело к определенной негибкости и неэффективности рынка труда, занятость медленно перетекала в более эффективные отрасли. Однако сегодня рынок стал более гибким. Спрос в большей мере представлен частными предприятиями, которые не склонны искусственно поддерживать занятость. Госпредприятия оперируют в условиях жестких бюджетных ограничений и избавились от избыточной занятости. На стороне предложения появляется все больше людей, готовых рисковать ради высокого заработка и перспектив. Повышенная гибкость приводит к большей эффектив-

ности использования трудовых ресурсов.

Однако на рынке труда есть и ряд вызовов, требующих решения. Среди основных барьеров развития предприятия называют недостаток квалифицированной рабочей силы и высокие взносы в ФСЗН. В то же время повышенная гибкость означает меньший уровень социальной защиты работников. Отсутствие доступного и достойного пособия по безработице может приводить к неэффективности рынка труда: без социальной защищенности люди берутся за любую работу, вместо того, чтобы найти ту, на которой они будут максимально эффективны [15]. Отсутствие механизмов социальной защиты и низкая эффективность активных мер поддержки занятости на рынке труда могут стать серьезным препятствием будущей реструктуризации госпредприятий.

Одновременно с этим экономическая политика должна быть направлена на стимулирование развития бизнеса и создания новых рабочих мест. Успешным примером такой работы является развитие Парка высоких технологий. Благодаря созданным в Парке условиям ведения бизнеса занятость в секторе информации и связи за 2019 г. увеличилась на 6,1 тыс. человек, в то время как в целом по экономике произошло ее снижение на 7,8 тыс. Парк высоких технологий является ярким примером того, как либерализация условий ведения бизнеса способна стимулировать рост отдельных секторов экономики.

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. Соколова, Г.Н. Механизмы трансформации рынка труда в условиях структурных изменений: опыт Беларуси / Г.Н. Соколова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 247–259.
2. Мирончик, Н. Как ускорить рост белорусской экономики? / Н. Мирончик, А. Левихина // Банкаўскі веснік. – Тэматычны выпуск «Исследования банка № 19». – 2020. – 23 с. (готовится к публикации).
3. Kruk, D. Belarusian Economic Growth Decomposition / D. Kruk, K. Bornukova. – BEROE Economic Research Center, 2014. – 39 p. – (Working Paper, № 24).
4. Favaro, E. Structural Challenges for SOEs in Belarus. A Case Study of the Machine Building Sector / E. Favaro, K. Smits, M. Bakanova. – World Bank Group, 2012. – 22 p. – (Policy Research Working Paper 6010).
5. Опрос населения: Отношение населения к системе социальной защиты населения: поддержка семей с детьми [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ и BEROE. – 2020. – Режим доступа: <http://www.research.by/publications/surveys-of-the-population/0002946>. – Дата доступа: 04.03.2020.
6. Социальные контракты в современной Беларуси / Под ред. К. Гайдука, Е. Раковой, В. Силицкого. – СПб.: Невский простор, 2009. – 224 с.

7. *Опрос населения: Отношение населения к системе социальной защиты населения: пенсии и рынок труда [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ и ВЕРОС. – 2020. – Режим доступа: <http://www.research.by/publications/surveys-of-the-population/0002945/>. – Дата доступа: 04.03.2020.*
8. *Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 01.03.2020.*
9. *Шиманович, Г. Рынок труда: вызовы развития (с точки зрения населения и бизнеса) / Г. Шиманович // Дискуссионный семинар «Эффективность рынков» / Центр экономических исследований «БЕРОК» и Национальный банк Республики Беларусь. – Минск. – 6 марта 2020 г.*
10. *Мазоль, О. Стратегии трудового поведения / О. Мазоль // Центр экономических исследований «БЕРОК». – 2020. – 4 с. – (Аналитическая записка ВЕРОС РР № 76).*
11. *Enterprise Surveys [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: <https://www.enterprisesurveys.org/en/data/exploreeconomies/2018/belarus>. – Date of access: 01.03.2020.*
12. *Урбан, Д. Оценка состояния рынка труда в условиях экономического кризиса представителями малого и среднего бизнеса / Д. Урбан // Исследовательский центр ИПМ. – 2016. – 15 с. – (Дискуссионный материал РДР/16/03).*
13. *Шиманович, Г. Развитие сектора малого и среднего бизнеса в Беларуси в 2019 г. / Г. Шиманович, В. Смоленская // Исследовательский центр ИПМ. – 2019. – 14 с. – (Дискуссионный материал РДР/19/06).*
14. *Bornukova, K. Fiscal Incidence in Belarus: A Commitment to Equity Analysis / K. Bornukova, G. Shymanovich, A. Chubrik. – World Bank Group, 2017. – 43 p. – (Policy Research working paper WPS 8216).*
15. *Tatsiramos, K. Labor Market Effects of Unemployment Insurance Design / K. Tatsiramos, J.C. van Ours // Journal of Economic Surveys. – 2014. – № 28. – P. 284–311. – Doi: 10.1111/joes.12005.*

Labor Market: challenges for development

Gleb SHYMANOVICH, *IPM Research Center, economist, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: shymanovich@research.by.*

Anton BOLTOCHKO, *American University, Washington D.C., USA, e-mail: ba6406a@student.american.edu.*

Abstract. *Over the past decade, the Belarusian labor market has undergone significant changes and has become more flexible. However, there were no changes in the social policy instruments. The institute of unemployment allowances acts only formally due to the low size of allowances, while active labor market policies are largely limited by the provision of low-paid employment opportunities. As a result, the population is extremely sensitive towards the risk of job loss. This also constrains further restructuring of the state-owned enterprise sector, the social costs of which will be too high in the absence of adequate tools to support the unemployed.*

Keywords: *labor market; flexibility; employment; unemployment; allowance; survey; state regulation.*

Человеческий капитал или трудовые ресурсы?

Анна ЯЩУК

Кандидат экономических наук,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: yashchuki@tut.by

УДК 331.101.262

Ключевые слова:
человеческий капитал; образование; инвестиции в человеческий капитал; трудовые ресурсы; воспроизводство человеческого капитала.

первую очередь недостатком в образовании. А. Смит и Д. Рикардо отводили огромную роль в экономике творческим силам человека, поскольку производительность труда зависит в первую очередь от качества этих сил, а потом уже от таких факторов, как капитал, технологии, машины [1].

В конце XX в. на смену традиционным технологиям приходят компьютерные технологии. Но технические инновации не смогли полностью обеспечить экономический рост. В связи с этим потребовался поиск новых факторов, влияющих на рост.

Одним из таких факторов основатель современной теории человеческого капитала Теодор Шульц считал образование как способ увеличения человеческого капитала. По его мнению, сразу после рождения человек, как и природные ресурсы, не приносит эффекта. Только после соответствующей «обработки» человек приобретает качества капитала. При этом затраты рассматриваются как инвестиции в будущий доход. Ученый одним из первых определил человеческий капитал как основной фактор инновационно ориентированной экономики [2].

Последователь Шульца Генри Беккер первым осуществил практический расчет экономической эффективности образования. Например, доход от высшего образования он определял как разность в пожизненных заработках между теми, кто закончил колледж, и теми, кто не пошел дальше средней школы. Сопоставление выгод и издержек на образование дало возможность определить рентабельность вложений в человека. Благодаря работам Г. Беккера образовательные инвестиции стали рассматриваться как источник экономического роста, не менее

важный, чем инвестиции в физический капитал [3].

Наиболее полно человеческий капитал охарактеризован следующим образом – это врожденный, сформированный в результате инвестиций и накоплений определенный уровень здоровья, образования, навыков, способностей, мотиваций, энергии, культурного развития как конкретного индивида, группы людей, так и общества в целом, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, способствуют экономическому росту и влияют на величину доходов их обладателя [4].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет человеческий капитал как знания, навыки, компетенции и качества, воплощенные в людях. Человеческий капитал приобретает посредством формального обучения, подтвержденного школьными и университетскими сертификатами, а также с помощью несертифицированных средств (таких как накопление знаний посредством опыта работы) [5].

Группа Всемирного банка признала человеческий капитал одной из движущих сил экономического роста и определила его так: «Человеческий капитал – это знания, навыки и здоровье, которые люди аккумулируют в течение своей жизни, что позволяет им реализовывать свой потенциал в качестве полезных членов общества» [6].

Республика Беларусь занимает в рейтинге государств по индексу человеческого развития 65-е место и лидирует среди стран СНГ. Индекс является комплексным показателем, вычисляемым на основе трех основных индикаторов: ожидаемая продолжительность

Глобализация мировой экономики и информатизация производственных процессов привели к росту значения человеческого фактора в производстве. Благодаря теории человеческого капитала в мировой экономической науке произошел настоящий переворот. Согласно данной теории, «человеческий капитал» – это запас знаний, навыков и способностей человека, которые могут использоваться им либо в производственных, либо в потребительских целях. Рабочая сила – главный фактор, двигающий процесс производства, а общественное воспроизводство – это не только возобновление производства товаров, но и самой рабочей силы.

Адам Смит считал, что расходы, связанные с производительными вложениями в человека, способствуют росту производительности и возмещаются вместе с прибылью. Дэвид Рикардо полагал, что отставание стран в экономическом развитии объясняется в

жизни, уровень грамотности населения и количество лет, потраченных на обучение, а также уровень жизни, оцененный через валовый национальный доход на душу населения [7].

Ученые едины во мнении, что понятие «человеческий капитал» неразрывно связано с образованием. Чтобы трудовые ресурсы превратились в качественный человеческий капитал, необходимо инвестировать как в поддержание здоровья, так и в получение образования, профессиональную подготовку.

Положительный эффект от инвестиций в человеческий капитал отражается не только на человеке, но также и на деятельности компаний и в целом на экономике. Для работника стимулом к повышению уровня его человеческого капитала является прирост его заработной платы, поскольку труд более высококвалифицированного специалиста лучше оплачивается. Для фирмы, вкладывающей деньги в развитие персонала, мериллом эффективности ее инвестиций в человеческие ресурсы выступает повышение качества и конкурентоспособности ее товаров на рынке, а следовательно, увеличение прибыли. Преуспевать будут прежде всего те компании, внутренняя структура которых организована таким образом, чтобы их работники могли реализовать свои таланты и знания в полной мере. Для общества и государства в целом отдача от увеличения накопленного человеческого капитала выражается в повышении уровня жизни населения, росте ВВП и повышении благосостояния граждан. Важно отметить также наличие положительного эффекта перелива от накопления человеческого капитала: оно делает более эффективным не только отдельно взятого человека, но и тех, кто с ним взаимодействует.

Экономика, основанная на знаниях, опирается на научные исследования и разработки, используя высококвалифицированные человеческие ресурсы. Поэтому требуются инвестиции в научные исследования и разработки, высшее образование, информационно-коммуникационные технологии [8].

Источники инвестиций в человеческий капитал – общественный и частный сектор, семья и сами люди. Однако первостепенное значение в формировании, развитии и накоплении человеческого капитала имеет семья. Она является одним из важнейших участников процесса воспроизводства человеческого капитала. Именно семья вкладывает большие средства в рождение и воспитание детей, образование и квалификацию, здоровье и культуру. Она, являясь главным звеном воспроизводства человеческого капитала, накапливает и развивает способности своих членов, которые в дальнейшем проявляются в форме реализации человеческого капитала в экономической системе. В качестве одного из видов специфического семейного капитала выступают дети. Семьи выступают производственными единицами, а результат этого производства – сами люди.

Важной характеристикой человеческого капитала является количество трудовых ресурсов. В Беларуси с 1990 г. (5 938,8 тыс. чел.) по 2018 г. (5 730,1 тыс. чел.) количество трудовых ресурсов сократилось на 208,7 тыс. человек [9].

Согласно расчетам трудовые ресурсы сократятся до 2023 г. на 1,2% [10].

В последние десятилетия в нашей стране, как и во многих развитых странах, наблюдались процессы депопуляции, которые объяснялись в первую очередь устойчивым снижением рождаемости. Несмотря на предпринимаемые в сфере государственной семейной политики меры, численность жителей Беларуси с 1996 г. по 2019 г. снизилась на 702 тыс. человек (с 10 177 тыс. до 9 475 тыс.) [11].

Помимо объективных мировых тенденций снижения рождаемости депопуляция объясняется также вступлением в репродуктивный возраст поколения 1990-х гг. – периода демографической ямы. Соответственно, в ближайшие годы рассчитывать на увеличение рождаемости не приходится. К тому же постепенное увеличение возраста женщин при рождении первого ребенка свидетельствует о параллельном формировании тенденции к от-

кладыванию рождения со стороны отдельных категорий женщин, профессионально востребованных на рынке труда. Поэтому главным аспектом обеспечения равенства средствами семейной политики выступает выравнивание доходов семей с детьми и без них.

Кроме того, в условиях ускоренного старения населения может возникнуть риск потери конкурентоспособности национальной экономики из-за сокращения количества молодых квалифицированных работников – основных носителей знаний в области новейших технологий [12].

Очевидно, что при сокращении трудоспособного населения потребуются более эффективно использовать уже накопленный человеческий капитал. А поскольку в Беларуси нет запасов энергетических и сырьевых ресурсов, вопросы, связанные с формированием и эффективным использованием человеческого капитала, приобретают особую актуальность для обеспечения экономической безопасности нашей страны.

Исходя из вышесказанного, стратегическими целями развития человеческого капитала Республики Беларусь являются создание приемлемых условий для выполнения семьей функции воспроизводства человеческого капитала и реформирование отечественной системы образования.

1. Создание приемлемых условий для воспроизводства человеческого капитала. Современная семейная политика в государстве с низкой рождаемостью и убылью населения должна быстрее реагировать на новые вызовы. Политика поддержки работающих родителей должна быть достаточно гибкой и способной изменяться в соответствии с общей макроэкономической ситуацией и текущими потребностями рынка труда.

Как показывает опыт европейских стран, необходимым элементом модификации семейной политики является создание условий для сочетания занятости и родительских обязанностей. У нас нет нормативов, какой должна быть рабочая среда, чтобы в ней хорошо чувствовали себя семейные люди. Здесь нужна не только сила закона, но и понимание работодателей. Эластичный график работы (этим пользуются сегодня наиболее про-

двинутые компании, например в среде IT-бизнеса), строительство достаточного количества детских садов и школ, бесплатных спортивных площадок, дружественная к семье среда – все это позитивно скажется на увеличении рождаемости, а также и на уменьшении желающих выехать на работу за пределы Беларуси.

2. Реформирование системы образования. Обучение составляет большую часть инвестиций в человеческий капитал. Образование и обучение способствуют экономическому росту, в частности за счет повышения производительности.

Основная доля ответственности за формирование и накопление человеческого капитала в сфере образования лежит на государстве, поскольку образование является долгосрочной инвестицией и его преимущества станут заметны через определенный период. Частные инвестиции в образование всегда будут неоптимально низкими, поскольку не учитывают долгосрочных эффектов и положительного эффекта перелива.

В 2019 г. при поддержке Всемирного банка Беларусь присоединилась к Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA). Позиции Беларуси близки к уровню соседних стран. Во Всемирном банке отмечают очень низкую смертность среди детей младше пяти лет в Беларуси, 100% -й охват школьным образованием, показатель продолжительности жизни взрослых близок к уровню других постсоветских стран [13].

Однако, согласно статистике, число дошкольных учреждений в Беларуси сократилось с 4 423 в 2000 г. до 3 798 в 2019 г., а численность детей в учреждениях дошкольного образования увеличилась – с 390,8 до 436,6 тыс. человек за тот же период [14].

Помимо этого, остро обозначились и многие другие проблемы: несоответствие уровня образования и существующих специальностей потребностям рынка труда, устаревшие формы и методы обучения. Учащимся сегодня крайне нужны такие навыки и качества, как критическое мышление, умение анализировать, проектный подход и др.

Быстрые технологические изменения – еще один вызов для образования, ведь важность приобретает непрерывное обучение и получение новых навыков на рабочем месте. Организации и фирмы должны быть также заинтересованы в повышении уровня образования и получении новых навыков их сотрудниками. В связи с этим нужно подумать о стимулирующих мерах для организаций, которые вкладывают средства в обучение своих сотрудников. К примеру, в Нидерландах граждане могут вычитать из налогооблагаемого дохода суммы, потраченные на повышение квалификации. Работодатели имеют право уменьшить свой налогооблагаемый доход на определенный процент в зависимости от сумм, затраченных на обучение низкоквалифицированных работников или работников старших возрастных групп, а также работников малых предприятий. В Бельгии, Дании, Франции, Нидерландах, Швеции заключены добровольные соглашения о создании фондов на нужды обучения на национальном, отраслевом уровне и на уровне предприятий. Помимо этого существуют схемы поощрения предприятий, инвестирующих в обучение [15].

Позитивный пример в Беларуси уже есть – льготный режим Парка высоких технологий помог IT-отрасли стать быстрорастущим сегментом экономики. В Беларуси сегодня IT-сектор по своему влиянию на экономику сравнялся с сельским хозяйством, транспортной отраслью и производством строительных материалов. В 2017 г. ПВТ заработал иностранной валюты больше, чем отдельно взятый БелАЗ, МАЗ или МТЗ. Чрезвычайно важно и то, что молодежь остается работать здесь [16].

Испытывая нехватку программистов, ПВТ и сообщество компаний IT-сектора запустили программу по созданию в белорусских школах STEM-центров – образовательных классов с применением высоких технологий. Детей в них бесплатно будут учить программированию, робототехнике, 3D-моделированию. Планируется создание IT-вуза.

В Беларуси нет недостатка в вузах и других учебных заведе-

ниях. Однако зачастую соотношение качества и стоимости отечественного обучения становится предпосылкой для образовательной миграции молодежи. Родители предпочитают платить за обучение в России, Литве и Польше, если стоимость сопоставима. Тем более что ряд стран предлагают бесплатное обучение, гранты, стипендии для талантливых и целеустремленных молодых людей. При этом развитые страны сами оплачивают обучение своих граждан в лучших университетах мира с условием отработать определенный срок в отечественной компании.

В последние годы стремительно набирает популярность дистанционное образование (e-Learning). Это связано с экономической эффективностью использования электронных носителей, возможностью охвата широкой аудитории учащихся, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, гибкостью и независимостью от места и времени обучения. Сфере образования необходимо встраивать дистанционное образование в целях расширения доступа образовательных услуг. Данный метод обучения становится особенно востребованным в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой. Шок COVID-19 станет толчком для стремительного развития этой сферы в ближайший год.

По мнению американского физика Митио Каку (Michio Kaku) [17], в эпоху интернета и цифровых технологий «образование, основанное на заимствовании, а не на концепциях, безвозвратно устарело». В будущем университеты будут преимущественно виртуальными. Появятся центры сертификации, в которых специалисты будут сдавать квалификационные экзамены, определяющие набор навыков и компетенций. В зависимости от результата человек получит или не получит определенную должность. В США, Канаде, Японии, Европе очень популярна система портфолио, когда за время учебы человек накапливает дипломы, свидетельства, сертификаты и представляет их работодателю.

Поменяется не только система образования, но и система работы. Общество постепенно переходит от товарной экономики к интеллектуально-творческой. И система образования должна подготовить студентов к жизни в новом ландшафте. Чем бы человек ни занимался, у него ко всему должен быть творческий подход, живое воображение, способность быстро ориентироваться в меняющихся обстоятельствах и хорошо развита интуиция. Ведь ни один высокоразвитый искусственный интеллект не в состоянии полностью заменить человека. Поэтому нужно развивать те способности, которые недоступны роботам: креативность, воображение, инициативу, лидерские качества.

«Талант, а не капитал, будет ключевым фактором, связывающим инновации, конкурентоспособность и рост в 21-м веке» [18]. И самые богатые регионы, обладающие большим человеческим капиталом, имеют больше возможностей и впредь оставаться богатыми, поскольку качественная рабочая сила в поисках хороших заработков будет перемещаться туда из бедных стран или регионов [19].

Таким образом, государственная политика в области форми-

рования и накопления человеческого капитала в Республике Беларусь должна содействовать развитию не отдельных компонентов человеческого потенциала, а быть нацелена на сбалансированное развитие всех составляющих человеческого потенциала – здоровья, образования, профессиональных навыков.

Система образования как инструмент экономической политики должна быстрее модернизироваться в ответ на запросы времени и исходить из стремления выявить способности каждого человека, при этом неуклонно повышая качество образования. С этой целью необходимы:

- ориентация на обучение в течение всей жизни;
- формирование среды, стимулирующей инвестиции всех заинтересованных сторон в развитие человеческих ресурсов и обучение, то есть создание финансовых стимулов для инвестиций в образование и обучение как для людей, так и для компаний;
- налаживание партнерства с работодателями не только в части разработки корпоративных программ, определения

необходимых работодателям навыков, но и в части финансирования ими обучения;

- создание условий (в том числе финансовых) для повышения квалификации самих преподавателей;
- интеграция исследований и практики в университеты, что позволит как увеличить качество обучения, так и сделать образование более приспособленным к требованиям современного рынка труда;
- создание и применение методик, форм обучения, ориентированных на использование ИКТ;

● постоянное совершенствование навыков использования ИКТ как обучающихся, так и тех, кто их обучает, поскольку эти навыки быстро устаревают. Однако само по себе образование не способно ответить на вызовы, с которыми сталкиваются страны в эпоху общества, основанного на знаниях. Для этого требуется, чтобы образование было созвучно общей политике государства в области экономики, социального развития и развития рынка труда.

* * *

Материал поступил 30.03.2020.

Библиографический список:

1. Петти, У. Антология экономической классики / У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. – М.: Эконом-Ключ, 1993. – 476 с.
2. Довбенко, М.В. Современные экономические теории в трудах нобелиантов: учеб. пособие / М.В. Довбенко, Ю.И. Осик. – М.: Академия Естествознания, 2011. – 305 с.
3. Беккер, Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход = Human behavior. Econopical approach: пер. с англ. / Г.С. Беккер; [сост., науч. ред., пер. Р.И. Капелюшников]. – М.: Высш. школа экономики, 2003. – 671 с.
4. Плячкайтене, И.М. Становление и развитие теории человеческого капитала [Электронный ресурс] / И.М. Плячкайтене // Молодой ученый. – 2011. – № 7. – Т. 1. – С. 102–104. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/30/3421/>. – Дата доступа: 26.02.2020.
5. Что дает экономике человеческий капитал [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/en/news/research/211969426.html>. – Дата доступа: 24.03.2020.
6. Изменение характера труда. Доклад о мировом развитии 2019 [Электронный ресурс] // Всемирный банк. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/469061544801350816/pdf/WDR-2019-RUSSIAN.pdf#page=58>. – Дата доступа: 14.03.2020.
7. О месте Беларуси в международном рейтинге по индексу развития человеческого потенциала [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/un/fd8150a9f661b8b6.html>. – Дата доступа: 19.03.2020.
8. Богдан, Н.И. Инвестиции в знания: мировые тенденции и проблемы Беларуси [Электронный ресурс] // Белорусский экономический журнал. – 2007. – № 3. – С. 75–86. – Режим доступа: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/3712/1/Bogdan%20N.I.%20Investitsii%20v%20znaniya%20%20mirovyeh%20tendentsii%20i%20problemy%20Belarusi%20BEZh%203_07.pdf. – Дата доступа: 12.03.2020.
9. Статистический ежегодник 2019 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/35d/35d07d80895909d7f4fdd0ea36968465.pdf>. – Дата доступа: 20.03.2020.
10. Трудовые ресурсы Беларуси: прогноз формирования и использования [Электронный ресурс] // АQM. – Режим доступа: <https://aqm.by/stati/ekonomika-tryd-buh/trudovye-resursy-belarusi-prognoz-formirovaniya-i-ispolzovaniya/#chislennost>. – Дата доступа: 18.03.2020.
11. Население [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/>. – Дата доступа: 15.03.2020.

12. Коломиец, А.А. Перспективы реализации политики содействия сочетанию занятости и родительских обязанностей в Украине [Электронный ресурс] // А.А. Коломиец. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0563/analit06.php>. – Дата доступа: 15.03.2016.
13. Беларусь будет участвовать в рейтинге Всемирного банка «Индекс человеческого капитала» [Электронный ресурс] // Интерфакс-Запад. – Режим доступа: https://interfax.by/news/policy/ekonomicheskaya_politika/1252808/. – Дата доступа: 15.03.2020.
14. Образование [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/>. – Дата доступа: 17.03.2020.
15. Олейникова, О.Н. Обучение в течение всей жизни как инструмент реализации Лиссабонской стратегии [Электронный ресурс] / О.Н. Олейникова, А.А. Муравьева, Н.М. Аксёнова. – М.: РИО ТК им. Коняева, 2009. – 131 с. – Режим доступа: <http://bcugatu.ru/wp-content/uploads/2014/07/LLL-VET.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2020.
16. Доля расходов на науку в ВВП Беларуси к 2030 году вырастет в пять раз [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2018. – 26 янв. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/dolja-rashodov-na-nauku-v-vvp-belarusi-k-2030-godu-vyrastet-v-pjat-raz-setashko-286541-2018/>. – Дата доступа: 20.03.2020.
17. Митио Какү: Вузовские дипломы отомрут как мамонты [Электронный ресурс] // Новые известия. – 2017. – 11 мая. – Режим доступа: <https://newizv.ru/interview/11-05-2017/mitio-kaku-vuzovskie-diplomy-otomrut-kak-mamonty-b3c5b3cf-da6b-41f3-81dc-49f964f9c651>. – Дата доступа: 15.03.2020.
18. Finland is the Best-Performing Country in the World When Leveraging the Human Capital [Electronic recourse] // Finland Tjday. – 2015. – 14 May. – Mode of access: <https://finlandtoday.fi/finland-is-the-best-performing-country-in-the-world-when-leveraging-the-human-capital/>. – Date of access: 19.03.2020.
19. Pelkonen, L. Human Capital And Regional Growth In Finland [Electronic recourse] / L. Pelkonen, S. Ylönen // 38th Congress of The European Regional Science Association 28 August – 1 September, 1998. – Vienna, Austria. – Mode of access: <http://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa98/papers/223.pdf>. – Date of access: 19.03.2020.

Human capital or labor resources?

Hanna YASHCHUK, PhD in Economics, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: yaschuk_ai@pac.by.

Abstract. *The article considers various approaches to the contents of the category «human capital», understanding its essence and role in the economic development, as well as describes the main elements of human capital and sources of investments therein. The results of research give evidence that in modern conditions the human capital is the main factor of formulating «knowledge economy», while the investments in education are investments in the future and economic growth. The author highlights main tendencies of educational sphere modernization.*

Keywords: *human capital; education; investments in human capital; labor resources; reproduction of human capital.*

Потенциал и направления развития финансовых рынков в Беларуси

Дмитрий КРУК

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: kruk@beroc.by

Алёна ЦИУЛЯ

Центр экономических исследований «БЕРОК», младший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: tsiulya@beroc.by

УДК 336.7 338.001.36 338.1 338.24.021.8

Ключевые слова:

финансовый сектор; финансовая система и экономический рост; институциональные характеристики финансового сектора; меры по развитию финансового сектора.

Финансовый сектор (ФС)¹ страны чрезвычайно важен для генерирования экономического роста. Впервые особую роль финансового посредничества (ФП) в контексте долгосрочного роста отметил Й. Шумпетер, для которого оно было важно в контексте механизма «созидательного разрушения» [1, с. 178]. Базой современного видения роли и места ФП являются работы [2; 3], в которых шумпетерианская идея получает как теоретическую формализацию, так и эмпирическое подтверждение. На теоретическом уровне они выделили три основных канала, через которые ФС может способствовать усилению экономического роста: 1) оценка потенциальных инвестиционных возможностей и осуществление корпоративного контроля; 2) предоставление ликвидности и упрощение аккумуляции сбережений; 3) создание инструментов диверсификации рисков и снижение совокупных рисков в экономике. Концептуальный характер этих функций обусловлен тем, что практически каждая из них напрямую влияет на ключевой индикатор экономического роста – общефакторную производительность. Например, осуществляя отбор инвестиционных проектов для последующего финансирования, финансовые посредники одновременно способствуют повышению технологического уровня в экономике, технической эффективности, а также качеству распределения ресурсов между

фирмами и отраслями экономики. Исполнение этих функций связано с двумя основными атрибутами ФС: масштабом (глубиной) и эффективностью.

За последние 30 лет важнейшая роль ФС и ФП для экономического роста получила многократное эмпирическое подтверждение [4]. В этот период зачастую именно страны, в которых увеличивался масштаб ФП и росла его эффективность, демонстрировали наилучшие с точки зрения величины и устойчивости темпы экономического роста.

Данная статья посвящена анализу «пробелов» в функционировании ФС Беларуси и выработке рекомендаций по их устранению. ФС в Беларуси традиционно считается достаточно развитым, по крайней мере, по меркам стран с развивающимся рынком. Однако вполне обоснованными видятся и «подозрения» в том, что функции ФП для способствования экономическому росту в Беларуси не реализуются в полной мере.

Особенности финансового сектора Беларуси

Целый ряд макроэкономических индикаторов сигнализирует о недостаточной эффективности ФП в Беларуси. Например, хроническими для Беларуси становятся проблемы низкого качества распределения ресурсов в экономике [5] и снижения отдачи на капитал [6]. Аналогичные свидетельства имеются и внутри

¹ В контексте анализа финансового посредничества и финансовых рынков в рамках этого термина объединяются все механизмы, субъекты, рынки, практики, способствующие финансовому посредничеству.

финансовой системы. С 2015 г. для страны остается актуальным вопрос «плохих долгов» [7]. Хотя накал этой проблемы изменяется [8] (от острой фазы в 2016–2017 гг. до умеренной в 2018–2019 гг.), принципиально он не утрачивает своей актуальности. Все это указывает на то, что финансовые посредники не справляются должным образом с оценкой качества инвестиционных проектов и перераспределением ресурсов. Слабое исполнение этих функций тормозит экономический рост вследствие слабого роста технологического потенциала экономики, а также накопления искажений в распределении и технической неэффективности.

Развитость ФС Беларуси с точки зрения масштаба и глубины также является достаточно скромной вопреки распространенному представлению об обратном. На фоне других стран, относящихся к верхней когорте среднего уровня дохода², соответствующие показатели Беларуси ниже примерно вдвое относительно среднего по этим странам (таблица). При этом базовые макроэкономические характеристики Беларуси, влияющие на развитие финансового сектора (например, норма сбережения, доля наличных денег в денежной массе или ВВП и др.), примерно соответствуют среднему уровню данной группы стран. Это указывает в целом на невысокий уровень глубины и емкости национального финансового рынка и сохраняющийся высокий потенциал его развития даже в рамках нынешнего уровня дохода.

Основные причины того, что потенциал ФП в Беларуси не реализуется в полной мере как в контексте эффективности, так и масштаба, следующие. *Первое.* Важную роль в распределении финансовых потоков в стране принимает на себя государство, которое воздействует на практику и механизмы кредитования регулятивным образом, через собственность в государственных банках и Банке развития, а также выступает непосредственным держателем значительной части долга сектора государственных коммерческих предприятий [9].

Таблица

Индикаторы глубины финансового сектора Беларуси на фоне других стран верхней когорты среднего уровня дохода

Показатель	Беларусь	Среднее по UMIC
Кредиты банков частному сектору, % от ВВП*	21,0	49,7
Активы финансового сектора, % от ВВП [†]	54,4	93,5
Депозиты финансового сектора, % от ВВП**	31,8	60,1
Широкая денежная масса, % от ВВП**	32,8	66,4
Активы страховых компаний, % от ВВП [†]	1,4	10,2
Капитализация рынка акций, % от ВВП [†]	29,4	62,0
Объем торгов акциями, % от ВВП [†]	0,4	34,4
Объем облигаций частного сектора в обращении, % от ВВП**	12,6	23,8

Примечания: 1. Собственные расчеты и данные Global Financial Development Database.

2. В таблице приведены данные за 2017 г. (обозначение – *) и 2016 г. (обозначение – **) в зависимости от последних доступных данных в Global Financial Development Database. Для сопоставимости данные по Беларуси приводятся за аналогичный период. Среднее по UMIC рассчитывалось как среднее арифметическое значение за последний доступный период для всех стран данной когорты дохода, для которых имеются данные.

Кроме того, велико влияние государства на распределение финансовых потоков через регулирование посредством государственной инвестиционной программы, программ отраслевого развития, а также средне- и долгосрочных программ развития всей экономики. В результате зачастую финансовые посредники в той или иной форме несвободны в осуществлении функции оценки инвестиционных возможностей. Например, предоставляя кредит, они могут лишь исполнять, в том или ином смысле, волю экономических властей. Причем в этом случае речь идет не обязательно о классическом директивном кредитовании. Например, находясь в реалиях отраслевой структуры экономики, заданной государственными приоритетами, финансовые посредники могут охотно и добровольно кредитовать «приоритетные» отрасли и предприятия, поскольку в созданных условиях они являются наиболее привлекательным заемщиком.

Второе. В белорусской кредитно-финансовой системе ги-

пертрофированно высока роль банковского сектора [9]. Он является «центром концентрации» сбережений, которые впоследствии распределяются банками в том числе и на другие сегменты финансового рынка. Основным инструментом сбережений для всех секторов в белорусской экономике являются банковские депозиты, тогда как прямое владение домашними хозяйствами и нефинансовыми фирмами небанковскими ценными бумагами носит ограниченный характер. Это отражает как относительно невысокую склонность экономических агентов к риску, так и институциональные ограничения для использования альтернативных инструментов сбережений. В результате банковский сектор не только выполняет роль финансового посредника между вкладчиками и заемщиками на кредитно-депозитном рынке, но и является важным посредником на рынке ценных бумаг. В свою очередь, рынок ценных бумаг, лизинговый рынок во многом являются не «свободными» эле-

² Upper middle-income countries (UMIC).

ментами ФС, а «спутниками» банковского сектора. Например, значительная часть долговых ценных бумаг, находящихся в обращении, тем или иным образом связана с банками. Последние являются либо держателями, либо эмитентами значительной части облигаций.

Третье. Важными характеристиками финансового рынка Беларуси являются высокая степень долларизации и относительно непродолжительный срок финансовых контрактов. Эти особенности финансового рынка предопределяются доминированием банковской системы в распределении ресурсов, которая, в свою очередь, зависима от характеристик своего депозитного портфеля [9]. Поэтому предпочтение держателей депозитов оказывают существенное влияние на соответствующие характеристики всех сегментов кредитно-финансовой системы. Белорусские доноры ресурсов традиционно демонстрируют стремление ограничить макроэкономические риски своих сбережений, отдавая предпочтение депозитам, номинированным в иностранной валюте, а также относительно коротким (до 1 года) срокам заключения финансовых контрактов. В наибольшей мере такой шаблон поведения присущ домашним хозяйствам, которые являются ключевым донором ресурсов. Вместе с тем стоит отметить, что в последние 3 года имеет место поступательное увеличение сроков финансовых контрактов, а также увеличение доли депозитов в национальной валюте.

Иерархия задач по развитию финансового сектора в Беларуси

С 2015 г. наблюдается существенный прогресс в области законодательного обеспечения развития финансового сектора. В 2015–2019 гг. был принят широкий перечень нормативных правовых актов (преимущественно в рамках принятой в 2017 г. Стратегии развития финансового рынка Республики Беларусь до 2020 года), способствующих развитию финансового сектора. Например, на лизинговом рынке во многом благодаря Указу Президента Рес-

спублики Беларусь от 6 апреля 2017 г. № 109 компании получили возможность участвовать в финансировании недвижимости, что придало серьезный импульс развития данному сегменту ФС. На фондовом рынке за указанный период новые нормативные правовые акты обеспечили: усиление защиты прав миноритарных инвесторов и повышение прозрачности эмитентов (Закон «О рынке ценных бумаг»); введение в правовое поле и закрепление механизмов деятельности коллективного инвестирования (Закон «Об инвестиционных фондах»); возможность одновременного обращения акций на белорусских и зарубежных рынках (Указ Президента Республики Беларусь от 3 марта 2016 г. № 84 «О вопросах эмиссии и обращения акций с использованием иностранных депозитарных расписок»). В банковском секторе законодательный базис был сформирован для процедуры секьюритизации активов (Указ Президента Республики Беларусь от 11 мая 2017 г. № 154), позитивное воздействие на возможность его развития оказали юридические и правоприменительные новшества в механизме финансирования жилой недвижимости (Закон «О государственно-частном партнерстве») и др.

Однако несмотря на то, что указанные новшества являются достаточно значимыми и прогрессивными, они не смогли задать устойчивый тренд ни на повышение эффективности ФП, ни на рост его глубины. Ключевая причина этого – сохранение институциональных барьеров, рассмотренных выше. С этой позиции можно полагать, что пока такие барьеры сохраняются, точечные меры по развитию финансового рынка хоть и являются благом, но недостаточны для его качественной трансформации и углубления масштаба ФП. Вместе с тем это необходимо для того, чтобы задействовать потенциал ФС в содействии долгосрочному росту.

Поэтому, на наш взгляд, для полноценного развития ФС задача точечного развития отдельных финансовых сегментов и рынков должна быть дополнена задачей институциональных изменений в системе ФП. Решение этих задач не подразумевает стро-

гой иерархии (хоть, безусловно, институциональные преобразования имеют большее значение) и может идти по принципу параллельного воплощения или же «двух треков». Как показывает опыт соседних стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), без мер институционального характера обеспечить должное качественное развитие ФС малореально. Причем наиболее планомерный и последовательный подход в осуществлении институциональных изменений в Польше, которые были синхронизированы с точечными и «техническими» шагами по развитию ФС, принес наибольший успех именно этой стране (*вставка*).

Меры по развитию финансового сектора

В рамках «трека» институционального развития ФС в приоритете – избавление от соответствующих барьеров (рассмотрены выше). Многие из них тесно связаны друг с другом и формируют своеобразный порочный круг, основой которого является скепсис экономических агентов относительно перспектив развития национальной экономики и их невысокое доверие к экономической политике. Во многом из этого вытекают проблемы склонности к непродолжительным срокам финансовых контрактов и их номинации в иностранной валюте. Разорвать этот порочный круг можно устранив ключевые институциональные дефекты. В первую очередь таковой видится активная роль государства в перераспределении ресурсов на финансовом рынке. Действия в этом направлении подразумевают не только отказ от прямого директивного кредитования, но и минимизацию воздействия экономических властей на инвестиционные решения предприятий, в том числе через формулирование так называемых отраслевых приоритетов и соответствующих программ развития.

Минимизация распределительной функции государства может ослабить концентрацию финансовых потоков через механизмы банковского финансирования. Но для первичного импульса развития других сегментов финансовой системы (в первую очередь корпо-

Уроки опыта развития ФС в Польше, Чехии, Венгрии

В начале 1990-х гг. страны ЦВЕ начали переход к рыночной экономике. Им была присуща высокая доля государственной собственности: 98% в Чехии, 85% в Венгрии и 70% в Польше [10; 11]. Правительства этих стран проводили приватизацию и одновременно открывали фондовые биржи. Подходы к приватизации и листингу компаний различались между странами.

Фондовый рынок в Чехии начал работу посредством приватизации, в то время как Варшавская фондовая биржа содействовала приватизации. Чехия проводила массовую и принудительную приватизацию, при этом часть предприятий обязаны были зарегистрироваться на Пражской фондовой бирже. В первый год листинг прошли 622 компании: крупные, средние и малые. При этом листинговые требования выполнялись не всеми компаниями.

Варшавская и Будапештская фондовые биржи регистрировали в первый год только крупные компании, которые удовлетворяли всем листинговым требованиям («голубые фишки»). В 1991 г. на Варшавской бирже котировались акции 5 «голубых фишек», на Будапештской – 13 [10]. Позднее Варшавская биржа открыла «параллельный рынок» для малых предприятий, которые не удовлетворяли требованиям основного рынка.

Большое количество компаний, не удовлетворявших всем требованиям Пражской биржи, не позволило нормально функционировать фондовому рынку Чехии: рынок не передавал всей информации и не вызывал доверия у инвесторов. Руководство биржи приняло решение провести массовый делистинг – 75% компаний было исключено в 1997 г. (причины не всегда предоставлялись компаниям) [12]. Следующие 10 лет число зарегистрированных компаний на бирже постоянно снижалось.

Внедрение новых технологий, вступление в Европейский союз, переход к плавающему обменному курсу – все это положительно повлияло на развитие фондовых рынков в начале 2000-х гг. К моменту рецессии 2008 г. Варшавская биржа укрепила свои позиции: число зарегистрированных компаний достигло 328, были проведены IPO зарубежных компаний, начал работать альтернативный рынок для новых и малых компаний [13]. Важную роль в развитии фондового рынка Польши сыграли пенсионные фонды, выступающие на рынке в качестве институциональных инвесторов, а также частный сектор, который на этом фоне не боялся инвестировать. Наличие разных рынков стимулировало приток большого числа эмитентов.

Будапештская биржа сильно уступала Варшавской по уровню развития: небольшое число зарегистрированных компаний, нехватка институциональных инвесторов, отсутствие новых проектов. Пражская биржа столкнулась с подобной ситуацией, отчасти спровоцированной неудачным стартом и отсутствием доверия как у инвесторов, так и у чешских компаний, которые предпочитали кредиты банков в качестве источников финансирования.

Так, после 2008 г. Варшавская биржа возобновила рост и с 2018 г. классифицируется как развитый рынок. Будапештская биржа не смогла так быстро восстановиться. Пражская биржа объединилась с Венской фондовой биржей в 2010 г., образовав холдинговую компанию CEESEG.

Таким образом, планомерный и поступательный подход к развитию с акцентом на институциональные изменения принес успех Польше. Пражская и Будапештская биржи не смогли приблизиться к уровню Варшавской по ряду взаимосвязанных причин: 1) нехватка IPO крупных и стабильных компаний; 2) нехватка частных и институциональных инвесторов; 3) предпочтение банковских кредитов в качестве источников финансирования.

Вставка

ративного сегмента рынка ценных бумаг) необходимы и другие масштабные импульсы. Логичным шагом в таком контексте видится выставление на открытые торги на фондовом рынке миноритарных пакетов акций белорусских «голубых фишек», принадлежащих государству (Беларуськалий, Белтелеком, БелЖД, Белпочта и др.). По примеру других стран ЦВЕ такие пакеты могли бы стать «ядром» формирования национального фондового рынка, одновременно создавая новые стимулы для инвестирования на длительный срок. В свою очередь, частичная «народная» приватизация этих компаний стала бы дополнительным шагом в направлении повышения прозрачности

национальной экономики. Серьезным подспорьем для фондового рынка могут стать пенсионная реформа, предполагающая создание пенсионных фондов, а также устранение барьеров, ограничивающих конкуренцию в страховом секторе. Традиционно пенсионные фонды и страховые компании являются «стержневыми» участниками рынка ценных бумаг.

Принятая в 2020 г. Стратегия повышения доверия к национальной валюте является важным первым шагом к снижению долларизации и увеличению срока финансовых контрактов. Вместе с тем существенно ее дополнить и укрепить могли бы дополнительные меры по «рационализации» доверия к экономической полити-

ке. В этом контексте действенной мерой видится эмиссия государственной облигации, защищенной от инфляции. Такая облигация могла бы стать столпом развития рынка облигаций, обеспечивая фиксированный *реальный* доход владельцам, налагая при этом явную ответственность на экономические власти в случае невыполнения задачи стабилизации инфляции. Поэтому «дедолларизационный потенциал» такого инструмента может оказаться очень велик.

В рамках трека «точечных мер» по развитию ФС параллельно и вполне органично может продолжаться процесс законодательного обеспечения и усовершенствования ФП, а также разви-

тия его новых форм. Наибольший потенциал у мер по развитию: FinTech, инфраструктуры ФС, ипотеки, секьюритизации, допустимых форм обеспечения в банковском кредитовании.

Заключение

ФС в Беларуси не реализует свой потенциал. Причина – институциональные особенности, которые сдерживают и ограничивают его развитие. Поэтому

ФС, в свою очередь, не оказывает должного благотворного влияния на экономический рост. Чтобы изменить такой статус-кво, целесообразно проведение реформ и мер по развитию ФС по принципу «двух треков». В рамках институционального трека приоритетным будет избавление от избыточной роли государства в распределении финансовых ресурсов. Другими эффективными шагами могут стать выставление на торги на фондовой бирже миноритарных

пакетов акций белорусских «голубых фишек», эмиссия государственных облигаций, защищенных от инфляции, пенсионная реформа и перечень других вспомогательных мер. В рамках трека «точечных мер» важны адаптация ФС страны к международным технологическим инновациям, законодательное и инфраструктурное обеспечение ФП.

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
2. King, R. Finance and growth: Schumpeter might be right / R. King, R. Levine // *The Quarterly J. of Economics*. – 1993. – № 108. – P. 717–737.
3. King, R. Finance, entrepreneurship, and growth: theory and evidence / R. King, R. Levine // *J. of Monetary Economics*. – 1993. – Vol. 32, iss. 3. – P. 513–542.
4. Beck, T. Financial institutions and market across countries and over time. Data and analysis [Electronic resource] / T. Beck, A. Demirguc-Kunt, R. Levine // World bank. – Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/909081468176992559/pdf/WPS4943.pdf>. – Date of access: 12.03.2020.
5. Kruk, D. Belarusian economic growth decomposition [Electronic resource] / D. Kruk, K. Bornukova // *Belarusian Economic Research and Outreach Center*. – Mode of access: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/WP_24_eng_Bornukova&Kruk.pdf. – Date of access: 12.03.2020.
6. Крук, Д.Э. Причины и характеристики экономического спада в Беларуси: роль структурных факторов [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_42.pdf. – Date of access: 12.03.2020.
7. Крук, Д.Э. Монетарная политика и финансовая стабильность в Беларуси: состояния, вызовы, перспективы [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_43.pdf. – Дата доступа: 12.03.2020.
8. Крук, Д.Э. Белорусская экономика в середине 2019 г.: итоги периода восстановительного роста [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_69.pdf. – Дата доступа: 12.03.2020.
9. Финансовый сектор и рынок капитала в Беларуси / Всемирный банк; рук. Д.Э. Крук. – Минск, 2019. – 34 с.
10. Rousova, L. Are the Central European Stock Markets still different? A cointegration analysis / L. Rousova // *Munich Discussion Paper*. – № 2009-15.
11. Sejkora, F. Analysis of the causes of the low number of IPOs at Prague stock exchange compared to Polish stock exchange / F. Sejkora // *Scientific papers of the University of Pardubice*. – 2013. – Series, 26. – P. 160–169.
12. Fungacova, Z. Determinants of firm delisting on the Prague Stock Exchange / Z. Fungacova, J. Hanousek // *Prague Economic Papers*. – 2011. – № 4. – P. 348–365.
13. Wheeler, F. The efficiency of the Warsaw Stock Exchange: the first few years 1991–1996 / F. Wheeler, B. Neale, T. Kowalski, S. Letza // *Economics and Business Review*. – 2002. – Vol. 2, № 2. – P. 38–56.

Potential and directions of development of financial markets in Belarus

Dzmitry KRUK, BEROC Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: kruk@beroc.by.

Alena TSIULYA, BEROC Economic Research Center, Junior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: tsiulya@beroc.by.

Abstract. This article analyses the financial sector of Belarus and possibilities of its beneficial effect on economic growth. The article shows that against other countries with a comparable income level, the scale of financial intermediation in Belarus is significantly lower. The author suggests developing the financial sector by moving along two tracks in parallel: removal of institutional barriers and implementation of targeted development measures. An appropriate set of measures for each of the tracks is also proposed.

Keywords: financial sector; financial system and economic growth; institutional characteristics of the financial sector; measures to develop the financial sector.

Экспорт Беларуси: экстенсивные и интенсивные факторы роста и сложность

Ирина ТОЧИЦКАЯ

Исследовательский центр ИПМ,
научный директор, кандидат
экономических наук, доцент,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: tochitskaya@research.by

УДК 339.544.564.2

Ключевые слова:
*экстенсивные и интенсивные факторы роста экспорта;
сложность экспортной корзины.*

спектив экономического роста. Для Беларуси такого рода анализ является особо актуальным в связи с высокой внешнеторговой открытостью, а также вследствие необходимости повышения эффективности внешней торговли и поиска новых источников экономического роста.

Факторы, обеспечивающие рост экспорта

Изучение факторов, влияющих на рост экспорта, является одним из важнейших направлений анализа показателей экспортной активности страны. Изменение его объемов может быть вызвано двумя группами факторов: 1) увеличением поставок имеющихся экспортных товаров на имеющиеся рынки; 2) появлением в экспортной корзине новых товаров и рынков. Начиная с 2000-х гг. было проведено большое количество эмпирических исследований с целью выявления того, какая из вышеприведенных групп оказывает большее влияние на рост экспорта в долгосрочном периоде. Данная тема до сих пор является достаточно дискуссионной, и хотя многие авторы полагают, что воздействие первой группы является более значимым (например, [7]), в целом ряде работ доказывається, что появление новых товаров и рынков очень важно для устойчивого долгосрочного роста экспорта [3; 9].

Каждая из приведенных выше групп может быть разделена на объясняющие ее факторы, влияющие на изменение экспорта. К первой группе относятся: рост экспорта имеющихся товаров

на старых рынках, сокращение экспорта имеющихся товаров на традиционных рынках, исчезновение экспортных товаров на традиционных рынках. Вторая группа включает: появление новых товаров на новых рынках, появление новых товаров на традиционных рынках, появление традиционных товаров на новых рынках, а также появление традиционных товаров на старых рынках, на которые данный товар еще не поставлялся.

В таблице 1 приведена декомпозиция прироста экспорта Беларуси исходя из вышеприведенных факторов за 2002–2018 гг. Она показывает, что как в целом, так и по отдельным географическим направлениям расширение поставок за рубеж происходило преимущественно за счет роста экспорта имеющихся товаров на рынки, куда они уже поставляются. На динамику экспорта Беларуси также заметное отрицательное влияние оказывало сокращение экспорта имеющихся товаров на традиционные рынки и исчезновение с них экспортных товаров, что, вероятно, отчасти связано со снижением конкурентоспособности продукции.

Среди факторов, объясняющих рост экспорта новыми товарами и рынками, наиболее значимыми для Беларуси было продвижение своих уже имеющихся в экспортной корзине товаров на традиционные рынки, на которые данные товары еще не поставлялись. Это является самым простым видом диверсификации экспорта – страна находит «новый» рынок для своего товара среди старых партнеров. У Беларуси этот фак-

Внешняя торговля является важным фактором, обуславливающим экономический рост и развитие стран, и особенно тех из них, чья экономика характеризуется высокой степенью открытости. В связи с этим в последние годы анализ состояния экспорта и импорта становится все более сложным методологически за счет увеличения количества используемых показателей и появления новых. Они позволяют не только исследовать эффективность торговой политики государства, набор товаров и торговых партнеров, но и получить представление о структуре экономики, уровне ее развития и конкурентоспособности, а также оценить, насколько состав экспортной корзины благоприятен с точки зрения пер-

Таблица 1

Декомпозиция роста экспорта в 2002–2018 гг., % от прироста

	Всего	Россия	Страны с низким и средним уровнем дохода	ОЭСР
Расширение экспорта существующих товаров на существующих рынках				
Рост экспорта имеющихся товаров на «старых» рынках	87,2	104,2	88,7	82,9
Сокращение экспорта имеющихся товаров на традиционных рынках	-6,5	-8,7	-7,4	-4,1
Исчезновение экспортных товаров с традиционных рынков	-4,4	-1,2	-3,4	-6,67
Появление новых товаров и новых рынков				
Появление новых товаров на новых рынках	0,0	0,0	0,0	0
Появление новых товаров на традиционных рынках	3,1	4,8	3,6	1,8
Появление традиционных товаров на новых рынках	0,6	0	0,4	0,0
Появление традиционных товаров на «старых» рынках, на которые они ранее не поставлялись	20,3	1,06	17,9	26,1

Примечание. Разработка автора на основе COMTRADE/WITS.

тор отвечал за 20,3% прироста экспорта, в первую очередь в связи с тем, что удавалось начать поставки белорусских традиционных промежуточных и капитальных товаров странам-партнерам, торговые отношения с которыми уже налажены. В то же время вклад диверсификации в рост потребительских товаров был очень низким. Это во многом было обусловлено тем, что в потребительских товарах большой удельный вес занимает мясо-молочная продукция, основным рынком которой является Россия.

Группа факторов, связанных с новыми товарами и новыми рынками, была менее значимой для роста экспорта Беларуси. Вклад появления новых товаров на традиционных рынках в рост поставок за рубеж составлял 3,1%, в основном за счет российского рынка. Продвижение традиционных товаров на новые рынки, необходимость которого последние годы многократно обсуждалась, также играло очень незначительную роль и только на 0,6% объясняло увеличение экспорта Беларуси.

Подтверждением того, что у Беларуси есть проблема с выходом традиционных товаров, уже

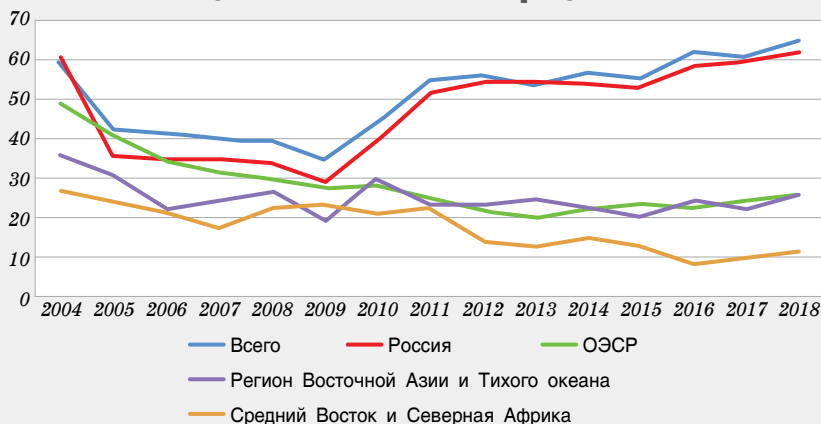
имеющихся в экспортной корзине, как на рынки стран-партнеров, куда они не поставляются, так и на новые рынки, является низкий индекс проникновения на рынки. Он показывает для страны степень охвата экспортными товарами всех возможных рынков в мире, на которые поставляется данный товар. Показатель может считаться как по экспорту в целом, так и по отдельным товарам. Чем выше индекс, тем больше

степень охвата рынков. Как видно из рисунка 1, хотя значение индекса проникновения у Беларуси¹ выросло с 4,4% в 2004 г. до 6,3% в 2018 г., он остается очень низким. Поставки товаров Беларуси осуществлялись в 2018 г. только в 6,3% стран мира, импортирующих данные товары. У всех стран, с которыми проводилось сравнение, данный индекс был или выше, или демонстрировал гораздо больший рост.

¹ Расчеты проводились для товаров на уровне шести знаков Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, на которой основана ТН ВЭД.

Процент сохранившихся товарных позиций в экспорте (выживаемость экспорта), %

Примечание. Разработка автора на основе COMTRADE/WITS.

Рисунок 2

В последние годы все больше внимания уделяется не только исследованию того, какие новые рынки и товары появляются в экспортной корзине и с чем это связано, но и анализу устойчивости экспортных отношений страны со своими торговыми партнерами. В ряде эмпирических работ, посвященных данной проблеме, показывается, что последний из вышеназванных факторов может оказывать даже большее влияние на динамику экспорта, чем отсутствие новых товаров. Например, T. Besedes и T. Prusa [1] показали, что если страна способна удержаться на экспортном рынке в течение пяти лет, после того как начала поставлять туда новый товар, высока вероятность того, что она сможет поставлять его на данный рынок в течение долгого времени. Таким образом, «выживание» относится к одному из важнейших факторов, объясняющих различия в показателях развития экспорта в долгосрочном периоде [2].

Для определения степени «выживания» новых экспортных белорусских товаров был рассчитан процент сохранившихся товарных позиций в экспорте (выживаемость экспорта) по всем странам. Для этого на уровне шести знаков Гармонизированной системы определялись товары, появившиеся в экспортной корзине в начале анализируемого периода, и количество товаров, оставшихся в каждом последующем году до конца анализируемого периода.

На основании этого рассчитывался процент выживших. При анализе учитывались товары, объемом экспорта которых превышал 10 000 долл. США, а в качестве начала анализируемого периода брался 2003 г. (рисунок 2).

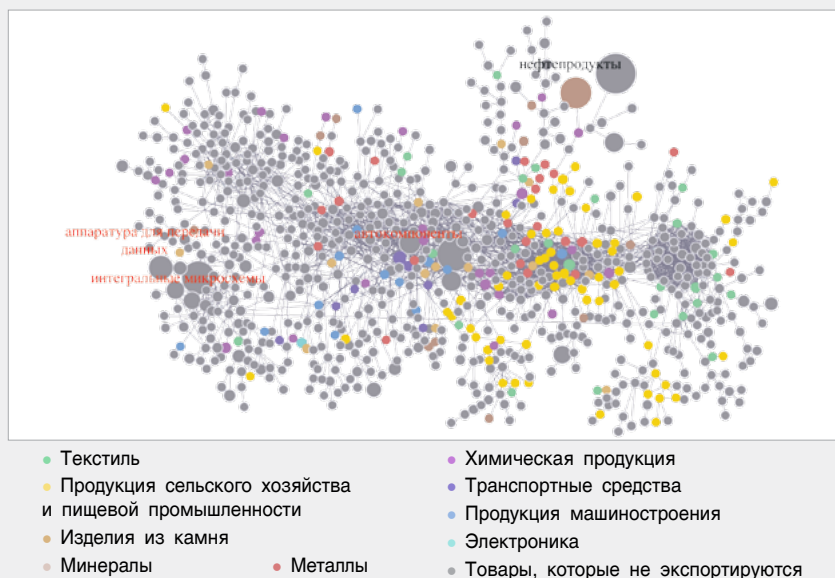
Пространство товаров

Одним из подходов, позволяющих выявить направления диверсификации экспорта Беларуси, является изучение «пространства товаров». Оно дает возможность идентифицировать товарные

группы, которые потенциально могут появиться в экспортной корзине, поскольку они находятся на «близком расстоянии» от уже присутствующей в ней продукции, имеющей сравнительные преимущества [5; 6; 8]. Предпосылкой для этого является тот факт, что для начала поставок товара на внешние рынки нужен большой набор факторов (труд, капитал, институциональные факторы и т. д.), соответственно, возможность производства нового товара определяется уже аккумулярованными способностями и теми, которые могут быть приобретены. Таким образом, изучение «пространства товаров» позволяет увидеть взаимосвязанность товаров в текущей экспортной корзине и направление диверсификации исходя из расстояния до ближайших потенциальных товаров. Как видно из рисунка 3, пространство товаров Беларуси является разреженным, многие товары находятся на периферии пространства и имеют мало связей с соседними товарами (за исключением продукции пищевой промышленности), что затрудняет диверсификацию экспорта за счет товаров, которые будут конкурентоспособными.

При определении потенциальных товаров, способных обеспечить диверсификацию экспортной

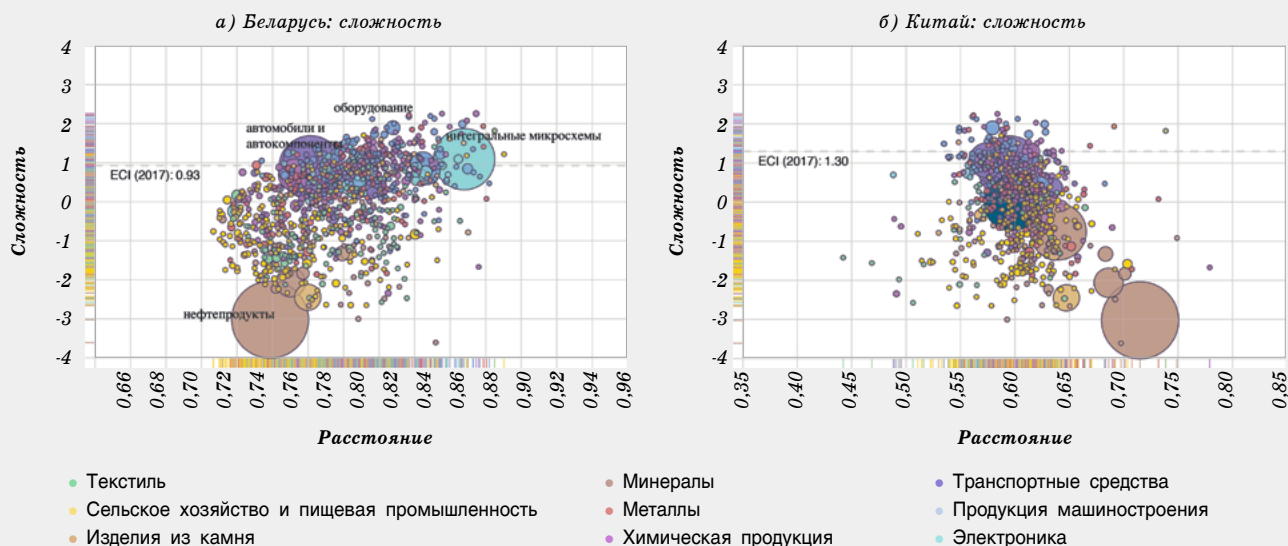
Пространство товаров Беларуси

Примечание. Составлено на основе данных Atlas of Economic Complexity, Harvard's Growth Lab.

Рисунок 3

Продуктивность («сложность») экспорта Беларуси и Китая

Примечание. Составлено на основе данных Atlas of Economic Complexity, Harvard's Growth Lab.

Рисунок 4

корзины, важным является их расстояние до нее. Чем оно меньше, тем выше вероятность появления у потенциального товара сравнительных преимуществ. Это связано с тем, что расстояние определяет возможность страны адаптировать уже имеющиеся факторы производства, профессиональные знания и навыки к производству нового товара, а также создавать институциональный потенциал и соответствующую бизнес-среду.

У Беларуси большая часть потенциальных товаров, за счет которых может происходить диверсификация, находятся далеко от уже производимой и имеющей сравнительные преимущества продукции. Для многих из них расстояние составляет 0,76–0,86, при том что чем ближе оно к 0, тем ближе текущий товар в экспортной корзине к потенциальному. Для сравнения, например, у Китая у большинства товаров расстояние до текущей экспортной корзины не превышает 0,5–0,67 (рисунок 4б).

R. Hausmann, J. Hwang и D. Rodrik [4] показали, что уровень продуктивности («сложности») товаров различается, и страны, экспортирующие высокопродуктивные товары, как правило, имеют более высокие показатели

экономического развития. Следует отметить, что большая часть потенциальных товаров Беларуси имеет невысокую «сложность»² (рисунок 4а). В то же время у страны есть достаточно много возможностей для диверсификации в сторону более сложных товаров, в частности продукции машиностроения и приборостроения. Однако проблемой является то, что потенциальные товары находятся на удаленном расстоянии от текущей экспортной корзины и друг от друга. В то время как, например, у Китая облако потенциальных товаров, и в том числе «сложных», является намного более плотным.

Согласно оценкам Лаборатории роста Гарварда (Harvard's Growth Lab), за 2002–2017 гг. у Беларуси появилось 20 новых «сложных» товаров, имеющих сравнительные преимущества. Однако объем их экспорта был недостаточен, чтобы привести к заметному вкладу в экономический рост в 2017 г. (таблица 2).

Заключение

При анализе динамики экспорта важно понимать, насколько изменение его объемов связано с увеличением поставок имеющихся экспортных товаров на имеющиеся рынки и какой вклад

Таблица 2

Появление новых более сложных экспортных товаров в 2002–2017 гг.

Страна	Количество новых сложных товаров с выявленными сравнительными преимуществами >=1	Вклад в ВВП на душу населения, долл. США
Литва	68	1 010
Латвия	57	894
Беларусь	20	101
Финляндия	15	975

Примечание. Составлено на основе данных Atlas of Economic Complexity, Harvard's Growth Lab.

² Находится ниже единицы по оси сложности.

вносит появление в экспортной корзине новых товаров и рынков. Как свидетельствуют результаты эмпирических исследований, последняя из двух вышеназванных групп факторов очень важна для устойчивого долгосрочного роста экспорта. Расчеты по Беларуси показывают, что прирост экспорта в 2002–2018 гг. в основном был связан с расширением поставок существующих товаров на существующие рынки. Вклад группы «появление новых товаров и рынков» только на 24% объяснял положительную динамику поставок за рубеж. Было также выявлено, что у Беларуси

есть проблема с выходом традиционных товаров, уже имеющихся в экспортной корзине, не только на новые рынки, но и на рынки стран-партнеров, куда они не поставляются. Подтверждением этому является низкий индекс проникновения на рынки. Сокращение экспорта имеющихся товаров на традиционные рынки и исчезновение с них экспортных товаров, вклад которых в динамику экспорта был отрицательным, свидетельствует о неблагоприятных изменениях в экспортной корзине и снижении конкурентоспособности белорусской продукции. В свою очередь,

при поставках новых товаров на рынки у Беларуси наблюдается относительно низкий показатель их «выживания». Таким образом, проведенный анализ выявил, что в рамках существующей экспортной корзины Беларусь имеет ограниченный потенциал для наращивания экспорта. Улучшение ситуации невозможно без изменения его технологической структуры, увеличения «сложности» экспортной корзины, повышения конкурентоспособности имеющихся товаров.

* * *

Материал поступил 16.03.2020.

Библиографический список:

1. *Besedes, T. Ins, Outs, and the Duration of Trade / T. Besedes, T. Prusa // Canadian Journal of Economics. – 2006. – Vol. 39, iss. 1. – P. 266–295.*
2. *Besedes, T. The Role of Extensive and Intensive Margins and Export Growth / T. Besedes, T. Prusa // NBER Working Paper. – 2007. – № 13628.*
3. *Evenett, S.J. Export Growth in Developing Countries: Market Entry and Bilateral Trade Flows / S.J. Evenett, A.J. Venables // University of Bern Working Paper. – 2002. – P. 1–42.*
4. *Hausmann, R. What You Export Matters / R. Hausmann, J. Hwang, D. Rodrik // Journal of Economic Growth. – 2007. – Vol. 12, iss. 1. – P. 1–25.*
5. *Hausmann, R. Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space / R. Hausmann, B. Klinger // CID Working Paper. – 2006. – № 128. – 35 p.*
6. *Hausmann, R. The Structure of the Product Space and the Evolution of Comparative Advantage / R. Hausmann, B. Klinger // CID Working Paper. – 2007. – № 146. – 37 p.*
7. *Helpman, E. Estimating Trade Flows: Trading Partners and Trading Volumes / E. Helpman, M. Melitz, Y. Rubinstein // Quarterly Journal of Economics. – 2008. – Vol. 123, № 2. – P. 441–487.*
8. *Hidalgo, C. The Product Space Conditions: the Development of Nations / C. Hidalgo, B. Klinger, A.-L. Barabasi, R. Hausmann // Science. – 2007. – Vol. 317, № 5837. – P. 482–487.*
9. *Hummels, D. The Variety and Quality of a Nation's Exports / D. Hummels, P.L. Klenow // American Economic Review. – 2005. – Vol. 95, iss. 3. – P. 704–723.*

Export of Belarus: extensive and intensive factors of export growth and sophistication

Irina TOCHITSKAYA, IPM Research Center, Academic Director, PhD in Economics, Associate Professor, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: tochitskaya@research.by.

Abstract. *The article analyzes the indicators characterizing Belarusian export activity in order to determine how the structure of the country's export basket has changed, the degree of penetration into foreign markets. The study revealed that Belarus has a limited potential for increasing exports within the existing export basket. Improving the situation is impossible without changing its technological structure, increasing the productivity ("sophistication") of the export basket, and increasing the competitiveness of existing goods. This will help to increase the "survival rate" of the Belarusian export in existing markets and will create the basis for new competitive advantages and penetration into new markets.*

Keywords: *extensive and intensive factors of export growth; export basket sophistication.*

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

Во всех отделениях
РУП «Белпочта»

*Подробную информацию
вы можете получить
в любом отделении
почтовой связи,
на сайте
РУП «Белпочта»
www.belpost.by.*

Подписные индексы:

индивидуальный – 74829

ведомственный – 748292

ISSN 2071-8896

9 1 7 2 0 7 1 8 8 9 0 0 6 4

2 0 0 0 3